

Пути несвободы

**Составитель:
Александр Верховский**

Москва
Сентябрь 2005

Настоящий материал (информация)
произведен и (или) распространен
иностранным агентом
РОО Центр «Сова»
либо касается деятельности
иностранного агента
РОО Центр «Сова».

18+

УДК 32(470+571)(082.1)
ББК 66.3(2Рос)я43
П90

П90 **Пути несвободы** (сб. статей) / сост.: А. Верховский. - М.: Центр «Сова», 2005. - 184 с. (Научное издание)

Предлагаемый вашему вниманию сборник статей посвящен идеологическим течениям, которые обосновывают сегодняшний отход нашей страны от либерально-демократических принципов, стремятся создать и материализовать образ нелиберальной, имперской России, конкурируют ради этого за влияние на власть.

ISBN 5-98418-004-9

Сборник составлен и выпущен при поддержке Фонда Генри Джексона и Европейского Союза.
Статьи сборника отражают мнения их авторов, но не позицию Фонда Джексона или Европейского Союза.

Веб-сайт проекта, включающий публикации, новости и еженедельный выпуск «Барометра Демократии», – <http://osada.sova-center.ru>

Составитель – Александр Верховский

Редактура и корректура – Валерия Ахметьева

Подписано в печать 12 августа 2005 г. Формат 60x84¹/₁₆ Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 11,5. Тираж – 1000 экз. Заказ № .....
РОО Центр «Сова». Адрес для писем: 103982, Москва, Лучников пер., д.4, под.3, к.2.
Телефон/факс: (095) 928-63-46. E-mail: mail@sova-center.ru. Веб-сайт: <http://sova-center.ru>
Типография Россельхозакадемии. 115598, Москва, ул. Ягодная, 12.

ISBN 5-98418-004-9

© Авторы, 2005
© Верховский А.М., 2005 – составление
© Винник Н.В., 2005 – оформление

Содержание

От составителя	4
<i>Галина Кожевникова</i> «Путинский призыв»: идеологи или мифотворцы?	6
<i>Татьяна Локишина, Сергей Лукашевский</i> Терроризм и права человека в России после 11 сентября	17
<i>Марлен Ларюэль (Marlène Laruelle)</i> Идеология блока «Родина»	34
<i>Александр Верховский</i> Российское политическое православие: понятие и пути развития	48
<i>Галина Кожевникова</i> Неоимперия АПН	81
<i>Александр Верховский</i> Романтика и прагматика либерального консерватизма	97
<i>Анвар Амиров</i> «Справедливость наконец-то восторжествовала»	127
<i>Ярослав Шимов</i> Национализм в Центральной, Восточной Европе и России: генезис, особенности развития, современность	145
<i>Ольга Тихомирова</i> Консервативный текст. Некоторые замечания	169
Коротко об авторах	182

От составителя

Когда говорят о провале демократических преобразований в России, в центре внимания вполне правомерно оказываются или взаимоотношения политических группировок, или кризис демократических институтов как таковых. Идеология остается на втором плане, так как совершенно очевидно, что текущий политический процесс происходит не под давлением какого-то мощного идеологического движения (как это было в Веймарской республике, с которой столь многие любят проводить параллели). Но это не означает, что идеология не играет в этом процессе никакой роли.

Можно предположить, что идеологические построения различных групп и движений не столько влияют на сегодняшнюю политику, сколько конкурируют за определение направления политики завтрашней. Поэтому сейчас, когда власть неудержимо движется по пути ревизии всех тех реформ, которые создали новую Россию, именно антилиберальные идеологические группы, то есть противопоставляющие себя вектору развития, заданному в начале 90-х (но не повторяющие «коммуно-патриотическую» критику ушедшей эпохи), имеют основания рассчитывать на участие в конструировании будущего. Собственно говоря, это конструирование уже начинается, и вклад некоторых групп уже заметен, хотя, конечно, основную роль играют идеологически аморфные группировки в правящей бюрократии, и антилиберальным идеологам приходится приспосабливаться к этой ситуации.

Наш сборник строится на двух взаимосвязанных, но различных принципах. С одной стороны, мы уделяем особое внимание некоторым идеологическим группам, с другой — описываем те направления мысли, которые представляются актуальными для сегодняшнего пути страны. Несомненно, по обоим направлениям еще есть о чем писать. И мы надеемся сделать это в следующем подобном сборнике через год.

Сборник завершает проект Информационно-аналитического центра «СОВА», посвященный изучению антилиберальных движений и реализовавшийся при поддержке Фонда Генри Джексона. Одновременно сборник является частью нашего совместного проекта с Информационно-исследовательским центром «Демос», реализуемого при поддержке Европейской инициативы в области демократии и прав человека.

Сайт проекта «Демократия в осаде» (<http://osada.sova-center.ru>) включает мониторинг значимых событий, которые могут быть поняты как на-

ступление на демократию, аннотации идеологических текстов антилиберального содержания, равно как и текстов, обсуждающих угрозы для либеральной демократии. Подписаться на рассылку сайта можно, написав по адресу mail@sova-center.ru.

Помимо мониторинга и ряда мероприятий, проводимых нашими организациями в Москве и в некоторых регионах, проект включает в себя еженедельный выпуск «Барометра демократии». Еженедельно мы опрашиваем группу либерально-ориентированных экспертов, и просим их назвать и оценить по пятибалльной шкале политические события недели, оказавшие наибольшее давление на демократические институты (или, что бывает гораздо реже, укрепившие их). Показания «Барометра демократии» можно видеть на сайте Центра «СОВА» (<http://osada.sova-center.ru/discussion/554E618/5840AAC>), а комментарии к нему — на сайте Центра «Демос» (<http://demos-center.ru>).

Галина Кожевникова

«Путинский призыв»: идеологи или мифотворцы?

Наряду с организованными идеологическими группами, реально занимающимися интеллектуальными поисками консервативного (по самоопределению) толка (типа «Серафимовского клуба»), все заметнее становится высказывания политиков, направленные на полное отрицание «либерализма» ельцинского периода, направленные на полное отрицание «либерализма» ельцинского периода, даже если либерализм этот был весьма условен. Исходят эти высказывания не только и не столько от деятелей старой коммунистической и национал-патриотической оппозиции, а преимущественно от политиков «путинского призыва». Именно их выступления, а также—выступления ангажированных ими политологов и журналистов, и являются предметом данной статьи¹.

Явно и косвенно цитируемые в этой статье авторы не являются мировоззренческой общностью. Скорее наоборот. И в первом приближении можно выделить две довольно разные группы. С одной стороны, это представители новой политической элиты — Борис Грызлов, Сергей Миронов и т.п., привлеченные в большую политику именно Путиным. К этой же группе, пожалуй, можно отнести и политических кланеров, имеющих главной целью любым способом остаться приближенными к господствующей элите (Глеб Павловский и т.п.). С другой стороны — лица не то чтобы неизвестные, но до 2000 года не имевшие должной «респектабельности» и представлявшие ранее национал-патриотическую (разной степени умеренности) оппозицию Ельцину. «Респектабельность» была ими приобретена благодаря отказу от оппозиционности режиму и востребованности последним их «патриотической» риторики. Александр Дугин, Дмитрий Rogozin, Наталия Нарочницкая стали постоянными гостями аналитических телепередач, «экспертами» по вопросам государственного строительства. В отличие от первой группы,

¹ Этот текст основывается преимущественно на материалах, опубликованных с лета 2003 года. Это вовсе не означает, что до этого времени подобные выступления были редкостью. Просто период выборов это, во-первых, возможность артикулировать свою позицию для довольно значительного круга политиков, в «обычное» время неактивных, во-вторых, легче становится проследить эволюцию их взглядов, а в-третьих, именно в этот период выступления охватывают практически все сферы жизни: от национальной идеи до культурной политики и здравоохранения.

можно говорить о наличии у них определенных идеологических установок. Однако обе группы целиком и полностью обязаны своим нынешним положением режиму Путина.

Собственно, поэтому можно попробовать рассмотреть всех этих политиков как некую общность — и определить сходные черты, ее характеризующие.

Оставляя в стороне их неестественную, при любом удобном и неудобном случае демонстрируемую, любовь к президенту лично, нельзя не отметить, что делаемые этими политиками заявления направлены на прямое или косвенное идеологическое обеспечение существующего режима, в первую очередь в производимой им ревизии либеральной направленности ельцинских реформ. Именно такое единство «путинского призыва» позволяет с некоторой долей условности называть его «антилиберальным лагерем» и рассматривать как единое целое, не акцентируя внимания на безусловно имеющиеся в этой среде идеологические, терминологические и прочие различия. При этом имеются в виду именно публичные выступления, растиражированные СМИ: зачастую они существенно отличаются от реальных идеологических построений того или иного политика или публициста. Тот же А. Дугин, знакомый экспертам как один из идеологов русского неофашизма, в газетных публикациях и в телевизоре таковым отнюдь не предстает.

Единство «пропагандистской» цели является причиной того, что большинство инициатив, исходящих из этого лагеря, направлено не на создание сколько-то связной идеологии, а на обслуживание текущих (даже не стратегических) задач «режима Путина» (как авторы понимают этот режим и насколько могут знать или угадывать его задачи). Инициативы из «антилиберального лагеря» не становятся предметом дискуссии, ибо являются декларациями, направленными на зондирование общественного мнения. Недостаток оппонирования свидетельствует, что представители «либерального лагеря» попросту не видят предмета для спора. Яркое тому подтверждение — некоторые дискуссии на закрытой в 2004 году «Свободе слова»: создавалось впечатление, что их участники просто говорят на разных языках.

То, что площадка для артикуляции мнения либерального меньшинства постоянно сужается, делает точку зрения именно этой антилиберальной, да еще занимающей ведущие должности группы не просто доминирующей, а едва ли не единственной. Господство на информационном поле для «путинской элиты» является принципиально важным, поскольку, повторюсь, она ориентирована не на привлечение интеллектуалов и создание некоей идеологической доктрины, а на агитацию и пропа-

ганду идей, по мнению их авторов, оправдывающих любые действия существующего режима «управляемой демократии».

Выступления эти довольно четко вписываются в некие «поиски национальной идеи», о необходимости которой политики говорят все чаще и чаще. Достаточно сказать, что если на выборах 1999 года само словосочетание «национальная идея» употребляли в своих программах лишь откровенные этнонационалисты², то на выборах 2003 года только на программном уровне его использовали как минимум пять партий, считающих себя «центристскими»³, не говоря уже о том, что в теледебатах на эту тему рассуждали практически все⁴. Однако конкретная формулировка национальной идеи в том виде, в котором она виделась, например, Борису Ельцину — в виде концепции, законченного аргументированного текста, представлена не была. Исключением, пожалуй, можно назвать доклады бывшего вице-спикера Думы от «Яблока», а ныне члена дугинского движения «Евразия», Михаила Юрьева «Крепость Россия» и «Внутренний враг и национальная идея»⁵. В первом из них в качестве способа спасения России от исчезновения предлагается постепенное (но довольно быстрое, за два-три десятилетия) превращение ее в автаркию, построенную на авторитарном правлении и этнонационализме в качестве идеологии (в качестве позитивного примера приводилась гитлеровская Германия). Позже концепция несколько изменилась, однако суть ее осталась прежней. Показательно, что если «Крепость Россия» была опубликована как некое интеллектуальное упражнение в «Новой газете», читательская аудитория которой практически не восприняла этот текст как предмет для обсуждения, то вторая версия появилась уже как вполне концептуальный стратегический проект в наиболее тиражной газете России — «Комсомольской правде» и все равно осталась в вакууме: дискуссия (фактически скандал), разразившаяся по факту публикации статьи, была довольно бурной, но, надо отметить, совершенно неконструктивной, а никаких встречных/альтернативных концепций этот текст не спровоцировал.

² Петухов Владимир. Представление о том, что большинство наших сограждан озабочено событиями на Северном Кавказе и хочет войны до победного конца, не вполне верно // *Время-МН*. 1999. 23 ноября.

³ Аграрная партия России, Народная партия, Демократическая партия России, Народно-республиканская партия России, партия «Зеленых». Тексты программных документов см. на официальном сайте ЦИК России: <http://gd2003.cikrf.ru/partii.html>

⁴ Патриотизм и национальная идея — общее место теледебатов // *Демократия в осаде*. 2003. 27 ноября (<http://osada.sova-center.ru/archive/28B7F16/2ADF0EA>).

⁵ Юрьев Михаил. *Крепость Россия* // *Новая газета*. 2004. 15 марта; Он же. *Внутренний враг и национальная идея* // *Комсомольская правда*. 2004. 6 ноября.

При отсутствии осмысленных концептуальных текстов⁶ логично было бы предположить, что «национальная идея» неявно представлена в выступлениях политиков на различные темы. О чем же они говорят? А говорят они о неприемлемости для России либерализма в принципе, поскольку он «может привести к разрегулированию всей социальной, экономической и финансовой сферы»⁷.

Преобразования 90-х годов имели целый ряд характерных черт: технократизм, явный упор на экономику, ориентация на Запад, приоритет гражданских свобод (и, в первую очередь свободы СМИ), секулярность. В негативном контексте они превращаются в непатриотичность, хищничество, пренебрежение «традиционными ценностями» русского народа, вплоть до уничтожения его национальной идентичности. В этом смысле, наверное, наиболее показательным интервью Владислава Суркова журналу «Шпигель», в котором «право-либерал» представляется как абсолютный антипод «национально-ориентированному лидеру»⁸. Именно от негативно-эмоционального образа «либерала» отталкиваются представители интересующей нас группы, формулируя собственные идеологические постулаты.

Бросается в глаза, что, в отличие от либералов, у их критиков экономика является наименее внятной частью выступлений. Единственное, что можно с уверенностью сказать, это то, что они вполне допускают пересмотр итогов приватизации, вплоть до национализации. В остальном дискуссии ведутся на «идеологическом» поле, где оппоненты обвиняются не в некомпетентности, а в навязывании России нетрадиционной модели экономики (например, протестантской или иудейской⁹) и, соответственно, «нетрадиционных» ценностей.

Если для либералов Запад является бесспорным объектом для подражания, то в интерпретации их оппонентов он предстает как одно-

⁶ Нельзя сказать, что концептуальных текстов не было. См., например: Мусатов Владимир. *Время крупных идей: [Интервью с Сергеем Мироновым]* // *Литературная газета*. 2003. 19-25 ноября или выступление Г. Райкова в «*Российской газете*» (Россия на пороге конституционной реформы? // *Российская газета*. 2003. 22 июля). Не было осмысленных.

⁷ Поляков Владимир. *Без царя во главе* // *Литературная газета*. 2004. 28 января - 3 февраля.

⁸ Владислав Сурков: «Запад не обязан нас любить» // *Шпигель*. 2005. 20 июня. Цит. по сайту «ИноСМИ»: <http://www.inosmi.ru/translation/220396.html>.

⁹ См., например: Федоров Геннадий. *Ревизоры национальных ценностей* // *Литературная газета*. 2004. 21-27 июля.

значное зло. В этом сходятся практически все — от националистов А. Дугина и Д. Рогозина до представителей центристов из «Единой России» и Сергея Миронова. В лице Голливуда Запад растлеивает российское общество¹⁰, а в лице НАТО — осуществляет вооруженную агрессию. Пока агрессия эта распространяется только на традиционную зону влияния России — страны СНГ¹¹. Однако нет никакой гарантии, что состояние вооруженного перемирия с Западом, в котором мы якобы находимся¹², обеспечивает неприкосновенность границ России. Например, депутат Государственной Думы от блока «Родина» Наталия Нарочницкая подчеркивает, что вхождение стран Балтии в НАТО создало ситуацию, когда с территории Эстонии Санкт-Петербург можно обстреливать ядерными снарядами из «обыкновенных гаубиц»¹³. Постепенно из малотиражных националистических газет, слегка облагороженные и очищенные от «жидо-масонской» терминологии, на страницы общественно значимых (вплоть до правительственного официоза — «Российской газеты») и наиболее тиражных изданий перекачиваются рассуждения о заговорах против России с целью подчинить ее Новому Мировому Порядку, лишит суверенитета и превратить в «сырьевой придаток Запада» (в первую очередь США)¹⁴.

Необходимость противостоять агрессии Запада и «террористическому» исламскому миру, зачастую находящемуся с этим Западом в сговоре, вполне, на взгляд антилибералов, оправдывает агрессивную имперско-милитаристскую риторику. Территориальные претензии к Украине, серьезное обсуждение возможности протектората над грузинскими автономиями сопровождаются и бряцанием оружия и теоретическими псевдоюридическими выкладками, обосновывающими эти действия¹⁵. Усугубляется ситуация публичными заявлениями, типа «Ну что мы, действительно, с какой-то губернией, как Грузия, где два с половиной миллиона

¹⁰ Фаляхов Рустем. Каждый второй фильм будет отечественным // Газета. 2003. 3 октября.

¹¹ Сабов Александр. Не бархатный сезон // Российская газета. 2004. 1 июня.

¹² Народная партия находится с НАТО в состоянии перемирия // Демократия в осаде. 2003. 15 ноября (<http://osada.sova-center.ru/archive/28B7F16/29E1E89>).

¹³ Времена // Первый канал. 2004. 4 апреля.

¹⁴ См., например, Шипицына Наталья. Танцы на трубе: [Интервью с Сергеем Лопатниковым] // Московской комсомolec. 2003. 3 декабря; На информационных фронтах // Литературная газета. 2003. 15–21 октября Экспорт революций: белорусские спецслужбы подтверждают информацию Патрушева // ИА REGNUM. 2005. 13 мая (<http://www.regnum.ru/news/452898.html>).

¹⁵ Рогозин Дмитрий. Право на вооруженную защиту // Российская газета. 2003. 19 августа.

человек, начинаем выяснять отношения, как с серьезным большим государством»¹⁶.

Вместо конструктивных переговоров по урегулированию реально существующих проблем эти выплески имперского чванства провоцируют новые витки конфронтации, которые, в свою очередь, влекут дипломатические поражения и, соответственно, новые рассуждения о всемирном антироссийском заговоре.

Технократичности и секулярности (а вернее — бездуховности и аморальности) в выступлениях антилиберального лагеря противостоит опора на «традиционные ценности русского народа». Причем «русского народа» как этнической, а не гражданской общности: этнонационалисты, востребованные нынешним режимом, охотно делятся своей терминологией, быстро воспринимаемой многими российскими политиками¹⁷. И этнонационализм (наряду с безусловной преданностью лично Владимиру Путину) постепенно становится синонимом патриотизма.

Перечень «традиционных ценностей» довольно широк («государственный инстинкт», приоритет духовного над материальным и т.п.), но, как правило, неконкретен, развернутое перечисление этих ценностей в публичных выступлениях — большая редкость. Кроме того, многие просто не имеют четкого представления о предмете рассуждений. В результате утверждение православности без труда подтверждается цитатами из Льва Толстого, а размышления об «общинности» сочетаются с апологетикой Петра Столыпина.

Несомненно, представления о «традиции» у политиков-антилибералов (например, у тех же Нарочницкой, Райкова и Миронова) не совпадают. Наиболее ярко это, вероятно, заметно в разном видении того, что с этими ценностями делать, как их хранить и как использовать. Достаточно ли их для того, чтобы строить на них дальнейшее развитие государства (как это считает, например, Г. Райков¹⁸), необходимо ли их сочетать с технологической модернизацией (С. Миронов¹⁹), или же ситуация, сложившаяся в России при Путине, оптимальна для дальнейшего государ-

¹⁶ Ильин Георгий. Российские и грузинские депутаты переругались в Вашингтоне // Известия. 2005. 4 июля.

¹⁷ См. результаты мониторинга этнической и религиозной интолерантности в СМИ: Кожевникова Галина. Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее. М.: Центр «СОВА», 2004.

¹⁸ Мы — народники [Программа Народной партии Российской Федерации] // Российская газета. 2003. 18 ноября.

¹⁹ Мусатов Владимир. Время крупных идей // Литературная газета. 2003. 19–25 ноября.

ственного развития и без этих ценностей, хотя помнить о них, разумеется, необходимо (С. Белковский²⁰) — именно таковы расхождения в антилиберальном лагере. Однако ритуальное упоминание «традиционных ценностей» становится для антилибералов неким опознавательным знаком. Расхождения же, при молчаливом согласии сторон, редко обсуждаются публично, в единой борьбе против «ельцинских либералов» они прячутся за словосочетанием, которое в результате стремительно превращается в ничего не значащее демагогическое клише.

Отсутствие четкого представления о «традиции» порождает ситуации казусные, чреватые скандалами и выставляющие их участников на посмешище. Стремление сделать эти ценности основой идеологической программы ведет к явной идеализации и даже сакрализации мира досоветской — как правило, древнерусской или поздней имперской — истории. Активно эксплуатируются (в первую очередь, конечно, национал-патриотическим крылом «путинского призыва») образы Святой Руси и святого страстотерпца Николая Второго. При этом (совершенно, кстати, необъяснимо) для подтверждения своих идеологических построений вместо общепризнанных примеров, которых в истории России вполне достаточно, вниманию изумленной публики представляются, как минимум, крайне спорные конструкты Рюрика-славянина²¹ или новгородской теократии²². Попытки усомниться в подобных трактовках истории лишь подтверждают «непатриотичность» либералов и немедленно, как и в случае с экономикой, переводятся в идеологическую, политическую плоскость. Наиболее яркий пример — история с запрещением учебника Игоря Долуцкого, который стал «непригоден» для школьников лишь после того, как в нем появились нелояльные по отношению к нынешнему президенту России оценочные суждения. Скандал, разразившийся вокруг книги, комментарии на нее самого президента вывели дискуссию за рамки педагогики. Например, бывший руководитель Росархива Рудольф Пихоя заявил, что «история должна служить для объединения, а не для разъединения на-

²⁰ Национальная стратегия и повестка дня второго срока президента Владимира Путина // Совет по национальной стратегии (http://www.strategie.ru/articleprint_426.html).

²¹ Иванов Сергей. Рюрик Михал Иванович, всероссийский староста: Государство захотело, чтобы Калининград стал «исконно русской землей», тут же нашлись историки, готовые выполнить заказ // Еженедельный журнал. 2002. № 44. Эта статья была опубликована в «Еженедельном журнале» в ноябре 2002 года. В 2004 году версия о Рюрике-славянине публичной иронии уже не вызывает.

²² Ларина Наталья. Кризис беспочвенности // Литературная газета. 2004. 21-27 января..

ции». «Патриотический ресурс, уважение к прошлому являются одним из факторов выживания России как государства». В этом смысле учебники, подобные работе И. Долуцкого, «может быть ... не так плохи для западных образовательных стандартов, но... **они выражают не российские интересы** (выделено мной — Г.К.)²³. К этой точке зрения фактически присоединилась и правительственная «Российская газета», которая считает, что «навязывание индивидуализма народу с общественным менталитетом приводит к тому, что у детей формируется неуважительное отношение к государству»²⁴.

Эти цитаты достаточно ярко демонстрируют еще одну общую черту политиков-антилибералов. Приоритету демократических свобод они противопоставляют «патриотизм», в котором понятие «Родина» явно вытеснено понятием «государство», которое обозначается как «Великая Россия». Интересно отметить, что еще несколько лет назад этот термин, если и употреблялся уважаемыми политиками и журналистами, то имел четко определенный внешнеполитический контекст: как правило, имелось в виду восстановление России в качестве великой державы на международной арене. Ныне же эти разговоры подобную узость утратили и апеллируют скорее к некоему историософскому понятию. Изменилась даже его орфография — от «великой» к «Великой» России.

Соответственно, критика так понимаемого государства равноценна предательству Родины. Государственная целесообразность получает приоритет перед буквой закона²⁵. Охрана интересов государства допускает любые ограничения демократических свобод — и вот уже раздаются призывы ужесточить Уголовный Кодекс, а Конституция объявляется «анти-социальным актом», поскольку не соответствует «традиционным ценностям» и не вменяет гражданину в обязанность нравственность и общественное служение²⁶. Но приоритетом в этой «государственнической атаке», безусловно являются СМИ — вплоть до требований фактического запрета на профессию для выходцев с НТВ и обвинений в шпионаже в адрес В. Познера и С. Шустера²⁷.

Тема любви к государству заставляет вернуться к апологетике Владимира Путина. И речь здесь даже не о довольно топорных обоснованиях (и

²³ Пихоя Рудольф. Учебник — это не публицистика // Россия. 2003. 2 декабря.

²⁴ Новоселова Елена. Однобокий предмет // Российская газета. 2003. 4 декабря.

²⁵ Кудрин — это Ленин сегодня // Эксперт. 2004. № 16.

²⁶ Кому служат права и свободы? // Известия. 2003. 17 июля; Россия на пороге конституционной реформы? // Российская газета. 2003. 22 июля.

²⁷ Салуцкий Анатолий. «Времена» безвременья // Литературная газета. 2004. 26 мая — 1 июня..

попытках) увеличения срока его пребывания на посту президента²⁸ или в выражениях «народной любви» к президенту в виде валентинок, зубочисток и т.п.²⁹ Большинство выступающих преподносят лично В. Путина как единственную альтернативу развалу, исчезновению государства, враждебным проидам вне и внутри страны. Власть его сакральна, и на эту сакральность не имеет права покушаться даже он сам³⁰. Не говоря уже о том, что любая оппозиция ему объективно является скопищем «врагов народа»³¹. Возвращение на страницы газет риторики 30-х годов прошлого века само по себе говорит о многом.

В 2005 году тема «оппозиции как врага народа» получила новое развитие. В некоторой степени это стало неожиданностью. Изменение избирательного законодательства, отмена губернаторских выборов и тому подобные инициативы, призванные минимизировать влияние оппозиционных политических объединений, отнюдь не связывались в пропагандистской риторике с самой оппозицией, а представлялись как «настройка», «оптимизация» государственного механизма. Демонизация оппозиции в публичной риторике совершенно оторвана от этих процессов и вызвана к жизни, по всей видимости, массовыми социальными протестами начала 2005 года, которые почему-то стали совершеннейшей неожиданностью для власти.

События 2004 года на Украине российских «неоконсерваторов» ничему не научили. Они по-прежнему отказывают россиянам в наличии политической воли, рассматривая народ как объект политтехнологического и пропагандистского манипулирования. В связи с этим присоединение (вполне естественное) оппозиционных политических движений к стихийным протестным выступлениям было воспринято неадекватно. Видимо, в глазах кремлевских идеологов оппозиция превратилась из участника протеста в его организатора, и это создало впечатление потенциальной опасности. Именно с конца зимы 2005 года из уст государственных деятелей и примкнувших к ним аналитиков впервые звучит тезис о

²⁸ Подробнее об этом см. на сайте Центра «СОВА» «Демократия в осаде» раздел «Предложения де-либерализовать Конституцию и публичное право»: <http://osada.sova-center.ru/archive/28B8198>.

²⁹ Подробнее об этом см. там же раздел «О странности любви»: <http://osada.sova-center.ru/archive/25F21B4/30F62EB>.

³⁰ Белковский Станислав. Повернувшись спиной к патернализму, Путин превратился в Чубайса // The Moscow Times. 2004. 28 мая. Цит. по сайту «ИноСМИ»: <http://www.inosmi.ru/print/209949.html>.

³¹ Ципко Александр. Урезанная демократия: У президента-государственника не может быть оппозиции // Россия. 2003. 27 ноября.

возможности в стране не «оранжевой» а «коричневой», фашистской революции. Причем рассуждения эти не имеют ничего общего с реальной угрозой распространения праворадикальных, неонацистских настроений в России³². К фашистам отнесены не праворадикалы, а движения, партии и политики, отчетливо артикулирующие свою оппозиционность сложившемуся режиму: Ирина Хакамада, «Яблоко», «Комитет-2008»³³ (кстати, рассуждения о «фашистской угрозе» стали очередным обоснованием продления президентских полномочий В. Путина³⁴). Эти рассуждения фактически завершили процесс подмены понятий, в котором «Родина» замещается «государством», «патриотизм» — «верноподданничеством», а «оппозиционность» — «фашизмом».

Таковы основные тезисы выступлений путинской элиты, которые, вероятно, и являются составляющими ее «национальной идеи». Картина получается довольно своеобразная: «Великая Россия» — это агрессивная, при необходимости не признающая международных обязательств, бряцающая оружием империя, с приоритетом прав этнических русских внутри страны. Во главе этой империи стоит авторитарный правитель, власть которого сакральна. В ней нет приоритета закона, не гарантирована частная собственность, царит цензура, а гражданские свободы ограничиваются

«требованием вносить лепту в общее благосостояние, нравственными заповедями, ценностями гражданственности, солидарности и патриотизма»³⁵.

Можно ли рассматривать авторов подобной «идеи» как приверженцев какой-либо идеологии? Сами себя эти люди определяют (если определяют) как консерваторы, традиционалисты и/или антилибералы. Безусловно, отдельные представители антилиберального лагеря вполне могут примерить на себя любое из этих определений, особенно, если они, как, например, Н. Нарочницкая, могут четко сформулировать, что они под этими терминами подразумевают³⁶. Однако как целое «путинский призыв», повторюсь, выступает как «коллективный агитатор», а не как

³² См. сайт Центра «СОВА» «Национализм и ксенофобия»: <http://xeno.sova-center.ru/>

³³ С кем же все-таки будут бороться «Наши»? // Национализм и ксенофобия. 2005. 3 марта (<http://xeno.sova-center.ru/45A2A1E/50EF4DA>).

³⁴ Как остаться Путину у власти? // Демократия в осаде. 2005. 18 марта (<http://osada.sova-center.ru/discussion/4E7886A/522998D>).

³⁵ Мы — народники ... // Российская газета. 2003. 18 ноября.

³⁶ Поляков Владимир. Освобождение от мифов // Литературная газета. 2004. 19-25 мая.

«коллективный идеолог»: он слишком ориентирован на текущую политическую конъюнктуру. Если допустить, что политическая мода изменится, большая часть приверженцев «национальной идеи» моментально сменит свои нынешние убеждения. А все противоречия, которые сейчас сознательно замалчиваются, расколют оставшееся меньшинство, ныне объединенное властью.

Важнее, однако, другое. Модель «Великой России», представленная антилибералами, несет в себе два конструктивных недостатка, способных свести на нет все усилия пропагандистской машины. Во-первых, построенная на отрицании «ельцинского либерализма», она не содержит позитивного начала. А во-вторых, она отрицает не сам «либерализм» как идеи или практику 90-х, а некий миф, имеющий слабое отношение к реальности. Негативное мифотворчество вряд ли жизнеспособно. А дополненное плохо скрытыми, но сознательно замалчиваемыми противоречиями и нечетким представлением большинства группы о предмете деклараций — нежизнеспособно вдвойне. Именно поэтому ни поиски «национальной идеи», ни другие идеологические начинания «путинского призыва» не оставляют даже впечатления конструктивной деятельности.

Татьяна Локшина, Сергей Лукашевский

Терроризм и права человека в России после 11 сентября

Российские власти извлекли максимально возможный пропагандистский и идеологический эффект из событий 11 сентября 2001 г. Они сделали все, чтобы позиционировать себя наравне с США как авангард борьбы с международным терроризмом и активным членом соответствующей «международной коалиции».

Желанный результат был достигнут очень быстро. В международном сообществе внимание к нарушению прав человека в Чеченской Республике после 11 сентября заметно снизилось. Уже весной 2002 года Комиссия по правам человека ООН не приняла резолюцию по России/Чечне (в отличие от 2000 и 2001 гг.), и соответственно, проблема чеченского конфликта ушла с повестки дня этого крупнейшего международного форума по правам человека. США и ряд государств Европейского Союза стали чаще закрывать глаза на политику России в Чечне, которая представлялась Россией как часть общей борьбы с международным терроризмом.

Рэйчел Денбер, эксперт по России, так суммировала в своей статье для ежегодного отчета Human Rights Watch за 2004 год поворот международного сообщества от продвижения прав человека в России:

«Ни один государственный лидер не решился специально акцентировать тему Чечни на встречах с В. Путиным. В конце 2002 года российские власти закрыли офис ОБСЕ в Чечне, и до сих пор Россия так и не пригласила Специального представителя ООН по пыткам и внесудебным наказаниям в этот регион. И в отличие от других вооруженных конфликтов в Европе, лишь немногие иностранные миссии смогли собирать информацию из первых рук о продолжающемся нарушении прав человека»¹.

Действительно, российские власти успешно использовали тему международного терроризма в Чечне, чтобы отвлечь внимание обще-

¹ Denber Rachel. 'Glad to be Deceived: ' the International Community and Chechnya // Human Rights Watch World Report 2004 (http://hrw.org/wr2k4/7.htm#_Toc58744956).

ственности от необходимости искать решение самого конфликта. Усилия правозащитников привлечь внимание к нарушениям прав человека и защитить сами эти права сталкиваются с многочисленными препятствиями. Реальное общественное беспокойство, вызванное террором чеченских сепаратистов в российских городах в сочетании с государственным контролем над СМИ, породило атмосферу страха, в которой деятельность правозащитников осложнена еще больше. Каждая крупная террористическая атака дает новый импульс к усилению государственного контроля над общественной жизнью в стране, а также к последовательному усилению роли спецслужб, вызывает очередную пропагандистскую волну, нацеленную на милитаризацию общественного сознания и утверждение примата государственной безопасности над правами и свободами человека.

Особенно показательны в этом отношении события, последовавшие за захватом заложников в Беслане. Доминирующая идея, которую транслировали в массы представители государственной власти и поддерживающие их политики и общественные деятели, сводилась к тому, что России объявлена война и население должно сплотиться перед лицом врага. Многотысячный митинг «Россия против террора» 7 сентября 2004 г. у стен Кремля, который формально был организован Московской федерацией профсоюзов, а фактически — федеральными и московскими властями, прошел под патриотические песни времен Великой Отечественной войны. На митинге, многие участники которого были доставлены на место по разнарядке от государственных учреждений и вузов, была принята резолюция, где, в частности, говорилось: «Мы требуем развернуть беспощадную борьбу с исполнителями и организаторами терактов, где бы ни находились и кем бы ни вдохновлялись преступники»². Особенно показательно то, что известный актер Василий Лановой, которому было доверено зачитать собравшимся 130 тысяч участникам митинга текст резолюции, после фразы «У таких преступлений не должно быть смягчающих обстоятельств. Мы требуем: заказчиков, исполнителей и пособников террористов — к ответу и наказанию» добавил от себя, видимо, обращаясь к тем, кого считает этими «пособниками»: «Господа, ваши слова о правах человека и общечеловеческих ценностях лукавы и лживы»³.

² На митинг «Россия против террора» пришли около 135 тысяч человек // Кремль. Орг. 2004. 7 сентября (<http://kreml.org/news/65063368>).

³ Демидов Андрей. Митинг «Россия против террора» // Институт «Коллективное действие». 2004. 7 сентября (<http://ikd.ru/Campaign/xeno/terr-mieting>).

Фактор Чечни

Проблема соотношения защиты государственной безопасности и защиты прав человека стала актуальна для России задолго до 11 сентября 2001 г. Ставка российских властей на применение силы в разрешении внутривластных конфликтов имела крайне негативные последствия для судьбы демократии и ситуации с правами человека в стране.

Прецедентом стал кризис октября 1993 года. Применение армейских частей против сторонников Верховного Совета оправдывали интересами защиты демократии⁴, а случаи гибели мирных жителей, как и массовые избиения задержанных в ходе штурма Белого дома, так не были расследованы.

Уже через год с небольшим под лозунгом «наведения конституционного порядка» началась первая чеченская война, которая сначала сопровождалась большими потерями среди военнослужащих Российской армии, а потом разгулом насилия, массовыми жертвами среди мирного населения, неизбирательными бомбардировками и артобстрелами.

Правозащитников, пытавшихся привлечь внимание общественности в России и за рубежом к происходящему в Чечне, обвиняли в отсутствии патриотизма, предательстве национальных интересов, клевете на армию и пособничестве сепаратистам.

В целом во второй половине 1990-х годов в деятельности государственных органов стал очевиден крен в сторону расширения сферы интересов, маркируемых как защита государственной безопасности. Так, в ранг государственной проблемы было возведено «влияние <религиозных> иностранных организаций и миссионеров»⁵ и, соответственно, противодействие активности представителей «нетрадиционных религий».

После того, как осенью 1999 года в Москве и Волгодонске произошли беспрецедентные для России как по масштабности, так и по числу жертв террористические акты, а вооруженные формирования Шамиля Басаева вторглись на территорию Дагестана, тема борьбы с терроризмом вышла на первый план и стала использоваться для оправдания усиления исполнительной власти и, в первую очередь, силовых структур в ущерб демократии и гражданским свободам.

⁴ Осенний кризис 1993 года был инспирирован президентским указом № 1400. Безусловно, после того, как сторонники Верховного Совета перешли к силовым методам борьбы, у президента появились веские основания для привлечения армии. Но, с нашей точки зрения, применение военной силы было неизбирательным и избыточным.

⁵ Текст Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной в 2000 году, см.: СНВ-сайт (<http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sncon00.htm>).

Каждый теракт сопровождался массовыми полицейскими операциями, фактически направленными против проживающих в крупных городах этнических чеченцев, а также кавказцев в целом. Операции включали в себя формально не мотивированные проверки документов (в действительности — на основе фенотипа гражданина), несанкционированные обыски, незаконные задержания, фальсификации уголовных дел, пытки, жестокое и унижающее человеческое достоинство обращение.

Вторая чеченская война была начата сразу после вторжения Басаева в Дагестан (во взрывах в Москве и в Волгодонске были, естественно, также обвинены чеченцы) как «контртеррористическая операция» и в этом качестве продолжается и по сей день. Парламентская компания «Единства» в конце 1999 года и президентская кампания В. Путина в 2000 году прошли на волне «маленькой победоносной войны» и демонстрации решимости победить терроризм.

Масштабное применение вооруженных сил в Чечне до сих пор не получило должного правового оформления ни с точки зрения национального, ни с точки зрения международного права. Россия не признает чеченскую проблему «внутренним вооруженным конфликтом» и, соответственно, не выполнила необходимую процедуру отступлений от своих международных обязательств по Международному пакту о гражданских и политических правах, Европейской конвенции по правам человека и т.д. Власти настаивают, что операция в Чечне укладывается в рамки закона «О борьбе с терроризмом». Сам по себе этот закон подвергался критике Совета Европы как создающий благоприятную почву для нарушений прав человека, в частности, в силу неопределенности формулировки, допускающей использование вооруженных сил. Но мы видим основную проблему не в букве закона, а в его неправомерном применении.

Закон «О борьбе с терроризмом» был исходно предназначен для регулирования локального и кратковременного применения силы там, где требуется немедленная реакция и нет времени для получения санкции парламента. Однако режим контртеррористической операции был использован в августе 1999 года, чтобы задействовать вооруженные силы, не вводя режим чрезвычайного или военного положения, что потребовало бы санкции парламента. В случае Чечни закон «О борьбе с терроризмом» применяется уже несколько лет на территории площадью во многие тысячи квадратных километров.

Уже в первую чеченскую войну власти, и в первую очередь военные, противодействовали деятельности правозащитников и журналистов по освещению событий в республике. Однако действия властей после сентября 1999 года могут интерпретироваться только как попытка устано-

вить тотальную информационную блокаду. Условия работы правозащитников и журналистов во вторую чеченскую войну радикально ухудшились; фактор риска значительно вырос.

Особенно показательны судьбы правозащитника Виктора Попкова и журналиста Андрея Бабицкого.

Инцидент с журналистом Радио «Свобода» Андреем Бабицким широко известен. Его сначала задержали федералы по подозрению к причастности к деятельности боевиков, потом он был якобы обменян на нескольких российских военнопленных, потом «оказался» в Дагестане с фальшивым паспортом и был за это привлечен к уголовной ответственности. Этот инцидент оказал решающее влияние на российских и зарубежных журналистов — независимая разносторонняя информация по Чечне почти исчезла из прессы.

Виктор Попков стал известен в первую войну тем, что спас многих российских военнопленных и мирных чеченских жителей, женщин и детей. Попков умел договариваться и с российскими военнослужащими и с чеченскими командирами, многократно привозил в республику гуманитарную помощь. Во вторую чеченскую войну Виктор Попков в своей работе сталкивался с сильным противодействием федералов, неоднократно задерживался.

В апреле 2001 года правозащитник находился в Чечне с гуманитарной миссией и занимался доставкой медикаментов в горные селения. 18 апреля 2001 г. на выезде из села Алхан-Кала Урус-Мартановского района Попкова и чеченского врача Розу Музарову остановила белая «шестерка». Вышедший оттуда человек фактически в упор расстрелял врача и правозащитника. Виктор Попков и Роза Музарова получили тяжелые множественные ранения, а их водитель был ранен в голову. Их еще час продержали на блок-посту российские военнослужащие, проверяя документы и досматривая автомобиль. 2 июня 2001 г. Попков скончался в военном госпитале в Красногорске от полученных ранений.

Таким образом, совершенно очевидно, что к 11 сентября 2001 г. у России была своя значительная практика оправдания защиты интересов национальной безопасности массовых нарушений прав человека и препятствования работе правозащитников и журналистов, в том числе и под тем предлогом, что они прямо или косвенно содействуют террористам и иным силам, нацеленным на разрушение российской государственности.

Как уже было сказано выше, основной группой, страдающей от борьбы с терроризмом, являются чеченцы и вообще кавказцы. После теракта на Дубровке в Москве в октябре 2002 года правоохранительные органы,

неспособные предотвратить крупномасштабный террористический акт в центре столицы, во время кризиса и в особенности в первые недели после штурма активно доказывали свою состоятельность уже привычным способом. Так же, как и после взрывов жилых домов в Москве осенью 1999 года, по столице прошла волна «проверок» среди московских кавказцев. Кроме традиционной проверки документов на улицах города, сотрудники милиции ходили по квартирам, производили обыски и задержания. Естественно, что жертвами таких практик становились в первую очередь чеченцы. Только в приемную правозащитной организации «Гражданское содействие» поступило около 40 жалоб на произвол милиции. По словам руководителя организации Светланы Ганнушкиной, зафиксированы шесть случаев возбуждения сфальсифицированных уголовных дел, связанных, как правило, с наркотиками. Кроме того, имеются факты увольнения с работы, а также удаление из школы чеченских детей.

Один из наиболее возмутительных случаев — арест Яхи Несерхаевой, московской чеченки, которая оказалась в заложниках в Театральном центре, не открыв террористам своего этнического происхождения из солидарности с русской подругой, с которой они вместе пришли на спектакль. Прямо из больницы, куда она была доставлена после штурма, Яху перевели на двое суток в тюремную больницу № 20, а оттуда — в следственный изолятор. У Яхи Несерхаевой сразу взяли отпечатки пальцев. Позднее ее сфотографировали и записали образец голоса. Яху продержали в заключении десять дней (максимальный срок задержания без предъявления обвинений), при этом ее ни разу не допрашивали и, в конце концов, отпустили, так и не предъявив обвинения. Есть основания полагать, что Яху Несерхаеву выпустили на свободу благодаря активному включению в дело ряда правозащитных организаций и квалифицированных адвокатов.

Необходимо также упомянуть произвольное задержание Алихана Гелагоева, имевшее место 25 октября, то есть еще до штурма Театрального центра. По его свидетельству, уже в машине сотрудники милиции надели ему на голову мешок и зверски избили. При этом кричали: «Вы нас ненавидите, а мы вас ненавидим! Мы будем вас уничтожать!» В ГУВД г. Москвы Гелагоева много часов пытались вынудить подписать заранее составленный текст признания в том, что он являлся «идейным организатором теракта». Не добившись успеха, стражи порядка отпустили Гелагоева, но лишь после того, как он подписал бумагу о том, что добровольно явился в ГУВД г. Москвы и к сотрудникам претензий не имеет.

По данным опроса ВЦИОМ в конце октября 2002 года, 30% россиян считали «выдворение всех чеченцев из Москвы и других регионов России» наиболее эффективной мерой для обеспечения «безопасности граждан»⁶.

С точки зрения российских правозащитных организаций, власти не предпринимают должных мер для обеспечения безопасности этнических меньшинств. Российский и международный опыт показывают, что после масштабного теракта неизбежен всплеск межэтнической напряженности. Для предотвращения возможных эксцессов нескольких публичных заявлений общего характера явно недостаточно, тем более что такие заявления нередко страдают двусмысленностью. Так, мэр г. Москвы Ю. Лужков заявил: «Мы в Москве никаких привилегий никому из национальностей не даем. Вместе с тем негативного отношения к кавказцам допущено не будет»⁷.

Правовые новации

Существенных изменений в законодательстве и даже правоприменительной практике сразу после сентября 2001 года в России не произошло, хотя изменения, конечно, происходили и до и после этого момента.

Стоит отметить все же изменения в Уголовно-процессуальном Кодексе (вступили в силу 29 июня 2004 г.), существенно расширяющие полномочия правоохранительных органов в борьбе с терроризмом⁸.

Реакция власти на освещение телевидением (в первую очередь НТВ) теракта на Дубровке чуть было не привела к принятию поправок к законам о СМИ и о борьбе с терроризмом, которые бы кардинально ограничили свободу слова⁹ и ужесточили условия работы журналистов в «зонах

⁶ Результаты опроса ВЦИОМ // Газета.Ru. 2002. 1 ноября (<http://www.gazeta.ru/2002/11/01/rezultatyop.shtml>).

⁷ Юрий Лужков: в ходе спецоперации могло погибнуть около 30 человек // NEWSru.com. 2002. 26 октября (http://www.newsru.com/russia/26oct2002/luzkov_print.html).

⁸ Срок предъявления обвинения подозреваемому в терроризме увеличен с 10 (в «обычной» ситуации) до 30 суток. Кроме того, основания для избрания меры пресечения, установленные ст. 97 УПК РФ, распространяются не только на обвиняемого, но и на подозреваемого.

⁹ В частности, в законе «О борьбе с терроризмом» предлагалось расширить запрещение пропаганды или оправдания терроризма или экстремизма в СМИ и других источниках информации до запрета на информацию, «служащую пропаганде или оправданию экстремистской деятельности, в том числе содержащую высказывания лиц, направленные на воспрепятствование проведению контртеррористической операции, пропаганды и (или) оправдание сопротивления проведению контртеррористической операции». Действие такой поправки шире, чем кажется на первый взгляд: необходимо помнить, что война в Чечне формально является контртеррористической операцией, осуществляющейся на базе закона «О борьбе с терроризмом», и если бы такая поправка вступила в силу, то любые попытки организовать полноценную общественную дискуссию в СМИ по проблеме Чечни стали бы попросту незаконными.

контртеррористических операций». Однако, видимо, осознав, что подобное законодательство будет слишком одиозным, власти откликнулись на призыв группы руководителей основных СМИ (в том числе ряда государственных), и Президент РФ отклонил принятый парламентом законопроект.

Единственной значимой законодательной инновацией с точки зрения ограничения прав человека в эпоху борьбы с терроризмом стал закон «О противодействии экстремистской деятельности», в котором определение экстремизма включает в себя «осуществление террористической деятельности».

Идея о необходимости специального антиэкстремистского законодательства распространилась в России во второй половине 1990-х годов. Однако отсутствие минимального политического согласия по вопросу о том, какая деятельность должна преследоваться и каким образом, не позволяло принять такой правовой акт. С формированием в конце 1999 года пропутинского большинства в Государственной Думе проблема политического согласования отпала. На фоне активизации движения скинхедов и жалоб правоохранительных органов на невозможность эффективно бороться с экстремистскими группировками без соответствующей законодательной базы антиэкстремистский закон был предложен президентом и принят парламентом. Составители закона, видимо, исходили из необходимости дать правоохранительным органам максимально широкие возможности, хотя совершенно очевидно, что и существовавшие на тот момент правовые механизмы не использовались, причем даже в самых очевидных случаях.

Закон «О противодействии экстремистской деятельности» отличается двумя основными недостатками: поистине безразмерным определением самой экстремистской деятельности и сверхжестким механизмом репрессий (внесудебное приостановление деятельности организации и т.д.). В результате существовавшая проблема неясности антирасистских правовых норм с принятием закона только усугубилась, и поэтому закон не способен реально расширить возможности противодействия расистской активности.

Закон со всей очевидностью открывает широкие возможности для преследования нерасистских общественных организаций, религиозных объединений, СМИ и даже коммерческих структур. Важно, что закон «О противодействии экстремистской деятельности» и связанные с его принятием изменения в законе «Об общественных объединениях» дают государству избыточные полномочия в ограничении свободы ассоциации путем предоставления органам власти права на внесудебное приостанов-

ление деятельности НПО, которое, например, подозревается в «планировании, подготовке или выполнении действий, подрывающих безопасность Российской Федерации», как указано в чрезмерно широком определении экстремистской деятельности в ст. 1 закона.

Многие эксперты жестко критиковали этот закон¹⁰. Нам кажется очевидным, что основной целью властей при его принятии была не оптимизация механизма противодействия экстремистским группам, а именно создание эффективного репрессивного механизма для возможного избирательного использования.

В общем и целом, закон применяется крайне редко и непоследовательно. Зато существует ряд примеров, когда его использовали против правозащитных организаций¹¹.

В частности, Чеченский комитет национального спасения (ЧКНС), возглавляемый Русланом Бадаловым, известная правозащитная организация, входящая во Всероссийское движение за права человека, был обвинен в экстремистской деятельности. ЧКНС зарегистрирован и реально действует в Назрани (Ингушетия), занимается сбором и распространением информации о нарушениях прав человека в Чечне и вокруг нее.

В августе 2004 года прокуратура Ингушетии обратилась в Назранский районный суд с обвинением ЧКНС в распространении экстремистских материалов в соответствии со ст. 13 закона «О противодействии экстремистской деятельности». Прокуратура утверждала, что в 12 пресс-релизах ЧКНС содержится непроверенная информация и/или ошибочные, чрезмерные обобщения, направленные на обвинение российских вооруженных сил и правоохранительных органов в массовых преступлениях. Прокуратура утверждала, что ЧКНС подстрекает к ненависти к представителям государства и пытается призвать население сопротивляться государству.

25 октября 2004 г. районный суд отверг иск прокуратуры, но 10 февраля 2005 г. Верховный суд Ингушетии, рассмотрев жалобу прокуратуры, причем в отсутствие другой стороны, отменил это решение и направил дело на новое рассмотрение. На момент написания этой статьи повторное судебное разбирательство еще не окончено, и сохраняется угроза, что

¹⁰ Левинсон Лев. С экстремизмом будут бороться по-сталински // Российский бюллетень по правам человека. 2002. № 16; Верховский Александр. Государство против радикального национализма. Что делать и чего не делать? М.: Центр «Панорама», 2002. С. 105–118.

¹¹ См. последний краткий обзор на момент написания статьи: Практика правоприменения по противодействию экстремистской деятельности // Национализм и ксенофобия. 2005. 7 июля (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/5B53488>).

правозащитная организация будет в судебном порядке закрыта как экстремистская.

Среди законопроектов, направленных на повышение эффективности антитеррористической активности властей, наибольшую озабоченность вызывает новый законопроект «О противодействии терроризму», который был принят в первом чтении 17 декабря 2004 г. Законопроект вводит «в целях противодействия терроризму» особые правовые режимы — террористической опасности и контртеррористической операции. Режим контртеррористической операции прописан и в действующей редакции закона, но поправки радикально его расширяют. Оба режима содержат существенные элементы режима чрезвычайного положения, не предполагая при этом его объявления. Тем самым власти получают возможность формально ограничивать конституционные права и свободы без введения чрезвычайного положения¹².

Несмотря на то, что время от времени депутаты сообщали СМИ о том, что продолжают работать над законопроектом, второе чтение до сих пор не состоялось, так что на момент написания статьи невозможно предсказать, какой вид примет законопроект при дальнейшем продвижении.

После Беслана

Поворотным моментом для российской политики и в частности для политики в отношении правозащитников стали бесланские события.

После трагедии «Дубровки», несмотря на ее масштаб и ужасное впечатление, которое этот теракт произвел на общество, политика российских властей в отношении противодействия терроризму и чеченского конфликта фактически не изменилась. Власти продолжали жестко настаивать на том, что не будут предпринимать никакие меры, которые могли бы быть восприняты как уступки террористам (переговоры с сепаратистами, даже умеренными) или слабость государства (признание необходимости и осуществление коренной реформы правоохранительной системы и органов безопасности в условиях активного общественного контроля). И, будто иллюстрируя все пагубные последствия такой позиции, с февраля 2004 года Россию захлестнула новая волна насильственной деятельности сепаратистов,

¹² Подробную критику законопроекта см.: Левинсон Лев. Управление страной как антитеррористическая операция // Законотворческий процесс в Государственной Думе: правозащитный анализ. 2005. № 80 (ноябрь); <http://www.hrights.ru/laws/law80.htm>.

ратистов, включая наиболее жестокие террористические акты. Волна эта достигла высшей точки в конце августа — начале сентября 2004 года.

Характерно, что с самого начала бесланского кризиса официальные источники информации и государственные СМИ (самые крупные телевизионные и радиоканалы и информационные агентства) намеренно занижали число заложников. В течение трех дней кризиса говорилось о всего лишь 354 заложниках, хотя находившимся в Беслане наблюдателям и родственникам заложников было очевидно, что их число никак не меньше 1000 человек. Также власти скрывали требования, выдвинутые террористами еще 1 сентября — по сей день не существует достоверной информации на этот счет.

В отличие от Буденновска, где вмешательство правозащитников реально предотвратило большие человеческие потери, уже Норд-Ост показал, что времена изменились, и даже если представители общественности принимают активное участие в переговорах, власти не принимают эти переговоры в расчет. В то время как политики и общественные деятели пытались, по согласованию с властями, достичь договоренностей с террористами на Дубровке и верили в возможность компромисса, подобного Буденновску, власти, несмотря на опасность значительных человеческих жертв, продолжали готовиться к штурму, фактически используя общественных переговорщиков как прикрытие. Поэтому неудивительно, что террористы, захватившие школу в Беслане, сразу ограничили список требуемых переговорщиков высшими должностными лицами Ингушетии и Северной Осетии (исключениями стали лишь международно известный детский врач, общепризнанный гуманист Леонид Рошаль, скорее всего, для большой публичности, и Руслан Аушев, бывший президент Ингушетии и, безусловно, самый авторитетный политик на Северном Кавказе, которому в результате удалось добиться освобождения 26 заложников — всех матерей с грудными детьми). Представители же ведущих общественных организаций и политических партий, которых во время и после бесланского кризиса упрекали в том, что они не попытались ничего сделать для спасения заложников, не выехали на место событий просто потому, что понимали полную бесполезность попыток выступить в качестве переговорщиков¹³.

Журналисты Анна Политковская и Андрей Бабицкий пытались добраться до Беслана, в том числе для того, чтобы, используя свой авторитет

¹³ Например, Людмила Алексеева, председатель Московской Хельсинкской группы, предлагала себя в качестве переговорщика, но не получила ответа ни от властей, ни от террористов.

в Чечне, основанный на многолетней жесткой позиции в отношении деятельности федеральной власти на Северном Кавказе, постараться организовать переговоры, например, с участием Аслана Масхадова. Однако они оба стали жертвой весьма подозрительных инцидентов и не смогли добрать до Северной Осетии¹⁴.

Целый ряд журналистов как российских, так и иностранных СМИ подверглись давлению со стороны властей. Наблюдатели, в том числе такая авторитетная международная организация, как «Репортеры без границ», также выступали с осуждением препятствий, чинимых властями журналистам, которые освещали трагедию в Беслане¹⁵. Кроме инцидентов с Бабицким и Политковской, можно привести еще ряд достаточно ярких примеров.

3 сентября во время освобождения заложников (штурм) и после него у нескольких телевизионных групп — ZDF (Германия), ARD (Германия), APTV (США), «Рустави-2» (Грузия) — были изъяты видеокассеты с отснятым материалом. Целый ряд журналистов подвергся задержанию¹⁶. А съемочную группу грузинской телекомпании «Мзе» вообще выдворили из Беслана (в Москву, а не в Грузию)¹⁷. Одно из наиболее значимых последствия Беслана для СМИ — отставка главного редактора «Известий» Рафа Шакирова: никто из медиа-экспертов не сомневался, что отставка была связана с тем, что в дни трагедии «Известия» публиковали фотографии с места событий, материалы с данными о числе погибших заложников, намного превышающем официальные данные, а также с тем, что корреспонденты издания выражали сомнения в правдивости официальной хроники штурма школы¹⁸.

¹⁴ Подробности этих и других инцидентов см.: Мониторинг Фонда защиты гласности. Сентябрь 2004 (<http://www.gdf.ru/monitor/2004/09full.shtml>); Работа журналистов во время террористического акта в Беслане (Северная Осетия) // Бюллетень Центра экстремальной журналистики. 2004. Сентябрь. № 27 (http://www.cjes.ru/bulletin/?bulletin_id=1185).

¹⁵ «Репортеры без границ» обеспокоены арестом главы московского бюро канала «Аль-Арабия» // Кавказский узел. 2004. 8 сентября (<http://www.kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/702180.html>).

¹⁶ Серова Яна. Спецоперация в Беслане прошла успешно. Против журналистов // Новая газета. 2004. 20 сентября; Освобождены грузинские журналисты, задержанные в Беслане // Газета.Ru. 2004. 8 сентября (<http://www.gazeta.ru/cgi-bin/newsarc.cgi>); «Репортеры без границ» обеспокоены арестом главы московского бюро канала «Аль-Арабия» // Кавказский узел. 2004. 8 сентября (<http://www.kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/702180.html>).

¹⁷ Правоохранительные органы Северной Осетии выдворили из Беслана съемочную группу грузинской телекомпании «Мзе» // Кавказский узел. 2004. 8 сентября (<http://www.kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/02160.html>).

¹⁸ Главный редактор газеты «Известия» Раф Шакиров подал в отставку // Mediaguide. 2004. 7 сентября (http://www.mediaguide.ru/news_sub.php?number=413d5c4d).

Давление властей на СМИ не только не позволило объективно информировать граждан о развитии событий и масштабе случившегося во время кризиса, но оно также не дало представить общественности картину произошедшей трагедии, не ограниченную самоцензурой, уже после того, как кризис завершился. Документальный фильм «Беслан: третья пятница», снятый екатеринбургскими тележурналистами, отказались показать все региональные телеканалы. Только один телеканал решился показать несколько сюжетов из фильма — самых лояльных и «причесанных». По словам Владимира Антипина, генерального директора телекомпании «21 телеканал», фильм очень правдивый, поэтому может распространяться только как самиздат: «К нам в редакцию приходят директора предприятий, священнослужители, обычные люди и просят переписать фильм. Я уже сделал 18 копий на дисках и около 25 копий на кассетах, некоторые из них ушли в Нижневартовск, Новоуральск, Москву», — говорит Антипин¹⁹.

Естественно, Беслан спровоцировал серию зачисток в разных регионах России. В частности, в Подмосковье были проведены проверки среди всех чеченцев, работающих на стройках. Группа из 20 человек была задержана, но отпущена после уплаты штрафа. «Сами чеченцы, проживающие в Подмосковье, заявляют о гонениях на чеченцев по этническому признаку»²⁰.

4 сентября сотрудники силовых структур ворвались в квартиру Хадаевых, московских чеченцев. Трех их детей, которые были дома, заставили лечь на пол лицом вниз и накрыть головы одеялами. К голове 15-летнего сына Магомеда приставили пистолет. Пятилетнюю дочь Амину вытащили из-под кровати и заставили стоять на коленях рядом с другими детьми, пока в доме шел обыск. Позже Рамзана Хадаева и его жену Асию допрашивали сотрудники ФСБ. По словам Аси Хадаевой, один из них сказал: «Вы должны уехать из Москвы, это не ваш дом». — «Хорошо, верните мне квартиру, которую уничтожили ваши солдаты, верните все, что у меня украли, и я уеду завтра же». — Они заявили, что это не их проблема. Они сказали, что мы чеченцы, а значит, террористы»²¹.

¹⁹ Екатеринбург: фильм о Беслане запрещен к показу // Кавказский узел. 2004. 18 октября (<http://kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/716860.html>).

²⁰ Отпущены задержанные чеченцы, ремонтировавшие школы в Подмосковье // Кавказский узел. 2004. 14 сентября (<http://www.kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/703640.html>).

²¹ Mackinnon Mark. Chechens live in fear of reprisals // Globe and Mail. 2004. September 15. Цит. по сайту «Инопресса»: <http://www.inopressa.ru/print/globeandmail/2004/09/17/11:06:54/chechenci>

При этом власти не могут справиться с волной насилия на почве расовой ненависти²² и обуздать произвол сотрудников правоохранительных органов, которые вымещают свою неспособность предотвратить теракты на беженцах и трудовых мигрантах, а также забывают на допросе до смерти подозреваемых в подготовке терактов.

Неожиданно публичной иллюстрацией этого стал «случай Пуманэ». В 1 час ночи 18 сентября 2004 г. в Москве, на обочине Кутузовского проспекта был задержан водитель «Жигулей». В машине были найдены тротиловая шашка с радиоуправляемым взрывателем и взрывное устройство, собранное на основе противопехотных мин. Водителем был Александр Пуманэ, житель Санкт-Петербурга, которого некие люди наняли перегнать машину из Петербурга в Москву. После допроса Пуманэ был срочно доставлен в больницу «Институт им. Склифосовского», где вскоре умер. На его теле были обнаружены множественные телесные повреждения, свидетельствующие о том, что в ходе допроса к нему применялись пытки. В результате правоохранительные органы лишились главного источника информации по этому делу²³.

Совершенно очевидно, что Беслан и его последствия, включая неспособность силовых структур противодействовать как терроризму, так и следующим за терактами волнам спонтанного насилия, требовали пересмотра политики государства в этом отношении.

Однако, кроме ряда мер, направленных на более четкое распределение ответственности между органами власти и силовыми структурами и повышение координации между ними в борьбе с терроризмом²⁴, главной реакцией власти стал демонтаж значительной части российских демократических институтов — политические реформы, объявленные Путиным 13 сентября: отмена прямых выборов губернаторов и выборов депутатов по мажоритарным округам.

Сразу после того, как Путин озвучил свои намерения трансформировать политическую систему в стране, оппозиционные политики и правозащитники выступили с резкой критикой, указывая на то, инициатива президента подрывает основы демократии в России. Власти не вступили в открытый диалог с политической и неполитической оппозицией, но ответили серией провокаций. В частности, во второй половине октября

²² Кожевникова Галина. Радикальный национализм в России: проявления и противодействие. Обзор событий 2004 года // Национализм и ксенофобия. 2005. 24 января (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/4DCF65B>).

²³ Москву хотел взорвать подводник из Питера // Известия. 2004. 20 сентября.

²⁴ Например, таких, как создание Федеральной комиссии по Северному Кавказу для координации действий федеральных органов власти.

на московских улицах и в метро появились листовки с изображением Шамиля Басаева, Бориса Березовского и оппозиционных политиков Владимира Рыжкова, Сергея Глазьева и Ирины Хакамады в камуфляжной форме. Под коллажем написано: «Участники переговоров по уничтожению России»²⁵. А 25 октября в интернете было распространено письмо, написанное от имени Аслана Масхадова, в котором утверждалось, что Масхадов выражает правозащитникам «искреннюю благодарность за помощь», которую они продолжают оказывать чеченскому народу «в борьбе за свою независимость... за бескорыстное отстаивание прав и свобод жителей Чечни». В нем также говорилось, что Масхадов подписал указ о награждении руководителя Фонда Андрея Сахарова Елены Боннэр, члена Московской Хельсинкской группы Валерия Борщева, председателя комитета «Гражданское содействие» Светланы Ганнушкиной, руководителя движения «За права человека» Льва Пономарева и директора Музея и общественного центра имени Сахарова Юрия Самодурова высшей государственной наградой Чеченской Республики Ичкерия — орденом «Кюман Сий». Кроме того, Масхадов якобы распорядился выплатить каждому награжденному по 10 тысяч долларов. Председатель комитета «Гражданское содействие» Светлана Ганнушкина назвала письмо «фальшивкой чистой воды». Она заметила, что ей тоже присылали письмо, но она не имеет ни малейшего понятия о его происхождении: «могу подозревать в этом только наши доблестные органы...». Руководитель движения «За права человека» Лев Пономарев заявил, что, по его мнению, это дело рук «недоброжелателей»: «Мне специально никто не звонил, ничего не предлагал. Мы зашли на правительственный сайт Чеченской Республики Ичкерия — такого указа там нет. Это просто провокация»²⁶.

Для постбесланской политической атмосферы в стране показательны и нереализованные инициативы, с которыми выступали чиновники и политики. В первую очередь это серия публичных заявлений о необходимости восстановить смертную казнь (сентябрь 2004 года)²⁷, о введении упрощенного судопроизводства в отношении террористов²⁸. Еще более

²⁵ Депутат В.Рыжков просит возбудить дело из-за распространения листовок в метро // Кавказский узел. 2004. 28 октября (<http://kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/719681.html>).

²⁶ Актуальные новости (25-26 октября) // Права человека в России. 2004. 26 октября (<http://www.hro.org/editions/demos/2004/10/26.php>).

²⁷ Слиска готова вернуть смертную казнь // Колокол.Ру. 2004. 10 сентября (<http://www.kolokol.ru/news/76595.html>).

²⁸ МВД и ФСБ передали в правительство проект по предупреждению терактов // Кавказский узел. 2004. 29 октября (<http://kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/720923.html>).

одиозно звучали предложения о «контрзахвате заложников» (родственников террористов), с которым выступил Генеральный прокурор Владимир Устинов в октябре 2004 года²⁹.

Заключение

Таким образом, российские власти как в своей практике, так и в своей риторике все дальше уходят от приоритета прав человека, заложенного в Конституции РФ и международных обязательствах России, в пользу защиты национальной безопасности, территориальной целостности и других государственных интересов. В этой ситуации работать правозащитникам становится все сложнее. Основными вехами данного негативного процесса стали две чеченские войны, а главным отрицательным последствием 11 сентября 2001 г. оказалось то, что международное сообщество стало меньше обращать внимания на нарушения прав человека в России, поскольку Россия является стратегическим партнером по борьбе с терроризмом. Фактически, в результате событий 11 сентября и их последствий, российские правозащитники в значительной степени потеряли ту поддержку демократических западных государств, которой они пользовались еще со времен советского диссидентства.

Аналогично, Беслан стал нашим собственным 11 сентября — и с теми же последствиями. Показательно то, что российские власти воспользовались формулировками, разработанными их американскими партнерами после 11 сентября, заявив о том, что против России ведется настоящая террористическая война. В своем обращении к нации 4 сентября 2004 г., непосредственно после завершения бесланских событий, Путин прямо заявил: «Мы имеем дело не с отдельными акциями устрашения, не с обособленными вылазками террористов. Мы имеем дело с прямой интервенцией международного террора против России. С тотальной, жестокой, полномасштабной войной, которая вновь и вновь уносит жизни наших соотечественников»³⁰. А на своей встрече с иностранными журналистами в Ново-Огарево 9 сентября Путин объяснил, что в этой войне Россия нуждается в поддержке Запада. По словам Фионы Хилл, поддержка должна выразиться в первую очередь в том, что «западные лидеры должны показать мистру Путину, что они не собираются поставить в повестку дня вопрос о чеченской независимости. Им следует подчеркивать что

²⁹ Там же.

³⁰ Обращение президента России Владимира Путина // Президент России. Официальный сайт (<http://www.kremlin.ru/text/themes2004/09/76321.shtml>).

никто не подталкивает его вести переговоры или, как он сам говорит, «договариваться с людьми, убивающими детей»³¹.

Фактически, страна позиционируется как осажденная крепость, а в осажденной крепости не может быть оппозиции — только предатели, «пятая колонна». Именно это и озвучил заместитель руководителя Администрации президента в интервью самой тиражной российской газете, «Комсомольской правде», опубликованном 28 сентября 2004 г.:

«Фактически в осажденной стране возникла пятая колонна левых и правых радикалов. ... У фальшивых либералов и настоящих нацистов все больше общего. Общие спонсоры зарубежного происхождения. Общая ненависть. К путинской, как они говорят, России. А на самом деле к России как таковой»³².

И хотя настоящей кампании репрессий против правозащитников пока не было, на сегодняшний день своими политическими инициативами и провокациями власти показали, что готовы использовать самый радикальный и циничный арсенал средств в отношении тех, кто будет оказывать серьезное, на их взгляд, противодействие их политике. И после реакции власти на Беслан правозащитники отчетливо понимают, что может случиться с каждым из них, так же как российские СМИ поняли это для себя после разгрома НТВ в 2001 году, а бизнес — после начала «дела ЮКОСа».

³¹ Hill Fiona. Stop Blaming Putin and Start Helping Him // New York Times. 2004. September 10.

³² Заместитель главы администрации Президента РФ Владислав Сурков: Путин укрепляет государство, а не себя // Комсомольская правда. 2004. 28 сентября.

Марлен Ларюэль (Marlène Laruelle)

Идеология блока «Родина»

На выборах, состоявшихся 7 декабря 2003 г., блок «Родина» произвел сенсацию, получив 9,02% голосов, то есть голоса 5,5 млн. избирателей. Таким образом он стал четвертой значительной политической партией в России, наряду с президентской «Единой Россией», Коммунистической партией Российской Федерации (КПРФ) Геннадия Зюганова и Либерально-демократической партией России (ЛДПР) Владимира Жириновского, которая последней преодолела пресловутый барьер в 5% голосов избирателей, необходимых для прохождения в Думу. Парламентская фракция «Родины» вышла на третье место по количеству членов после «Единой России» и КПРФ, в ее ряды вошли 39 депутатов. Этот предвыборный блок и сформированная внутри него политическая партия определяют себя как «левые националисты». Целью блока является стремление закрепиться на российской политической сцене в преддверии выборов 2008 г., на которых надеется себя проявить новое поколение 40–50-летних политиков. Однако успех «Родины» и ее место в сегодняшней политической жизни не должны рассматриваться исключительно в рамках избирательной борьбы или парламентской структуры.

«Родина» является сознательно созданной коалицией (кем бы она ни была сформирована — президентским ли аппаратом или без его участия), что дает повод поразмыслить над вопросом о постепенном обретении сторонниками некоторых националистических идей официального статуса в общественной жизни современной России. Партии или общественные деятели националистического толка, не имевшие до нынешнего момента доступа во властные структуры, впервые смогли в них войти благодаря присоединению к блоку «Родина». Сила блока заключается в том, что он объединяет в себе как радикальные, так и вполне умеренные течения, предоставляя трибуну как одним, так и другим, в зависимости от обстоятельств, объединяя в единое целое их программы и формируя единую, «политически корректную» платформу. В средствах массовой информации сложилось довольно смутное представление о взглядах «Родины», что объясняется тем, что в число лидеров движения входят самые разнородные деятели. Представляется необходимым описать течения, вошедшие в состав блока, и постараться понять, что именно каждое из них привносит в формирование его идейной платформы, чтобы затем уяснить характер националистической идеи, выражаемой «Родиной».

Точка слияния нескольких традиционных течений русского национализма

Внутри блока «Родина» сосуществуют различные течения русской националистической идеи: имперский национализм, защита прав русских диаспор в других странах, некоторая часть некоммунистического левого политического спектра, носители более или менее радикальных православных политических идей, этнонационалисты.

Сейчас блок формально и отчасти фактически распался¹. Часть блока во главе с Дмитрием Рогозиным давно оформилась в политическую партию, при этом Рогозин сместил Сергея Глазьева с поста лидера фракции, а тот создал собственное движение. Наконец, уже в июне 2005 г. Сергей Бабурин с несколькими сторонниками был и вовсе изгнан из фракции. Но эти и многие другие не упомянутые здесь острые конфликты не отменяют самого факта создания и достаточно успешного функционирования широкой идеологической коалиции, которая сохраняет свое место в российской политике и по-прежнему заслуживает самого пристального внимания.

Дмитрий Рогозин и группы поддержки русской диаспоры

Внутри «Родины» Д. Рогозин является представителем групп защиты прав этнических русских в странах ближнего зарубежья. Основная часть его политической карьеры была построена на работе над вопросами русской диаспоры: в 1993 г. Рогозин вступил в Союз Возрождения России, которая заявлял о себе как о «*союзе молодых лидеров правоцентристской формации*», и затем нашел более стабильную общественную платформу, вступив в Конгресс русских общин, став одним из самых видных его лидеров, что позволило ему сблизиться с Александром Лебедем². С того времени у Рогозина осталось несколько верных соратников, таких, например, как Юрий Скоков. Этот фактор также способствовал сближению Партии российских регионов и партии «Народная воля» С. Бабурина. «Народная воля» также довольно внимательно относится к проблематике русской диаспоры, в ее ряды входит Виктор Алкснис, который часто выступает от лица русских, проживающих в странах ближнего зарубежья, а также (до 2005 г.) Нина Жукова, стоявшая во главе малочисленной партии

¹ Статья готовится к печати в июле 2005 г. — Прим. ред.

² Ingram Alan. 'A Nation Split into Fragments': The Congress of Russian Communities and Russian Nationalist Ideology// Europe-Asia Studies. 1999. N 4. С. 687–704.

«Союз реалистов». Внезапное выдвижение Рогозина в ряды публичных политиков обозначило начало процесса официального оформления этих групп: начав с монархических кружков, а также с православного радикализма в период с 1991 по 1995 гг., они впоследствии смогли освоиться в более масштабных структурах, например в Думе, присоединились к центристам, приблизились, например, к Примакову или Лужкову во второй половине 1990-х годов, и наконец смогли войти в те структуры президентского аппарата, где принимаются решения, вписавшись в основной своей массе в путинскую властную вертикаль.

Сергей Глазьев:

представитель левых некоммунистических взглядов

Экономист по образованию, Глазьев быстро набрал популярность после распада Советского Союза благодаря своей поддержке проводимых экономических реформ, и даже занимал министерское кресло в первом правительстве Егора Гайдара. Впоследствии Глазьев пересмотрел часть своих либеральных взглядов и ныне является сторонником управляемой экономики в духе идей западных социал-демократов. Сторонник усиления влияния государства в экономической сфере, но не возврата к советской модели, Глазьев сблизился с коммунистами. Внутри блока «Родина» Глазьев представлял «левое» крыло и стремился с помощью своих экономических взглядов завоевать голоса избирателей из КПРФ. После поражения на президентских выборах 2004 г. и раскола с Рогозиным Глазьев вместе со своими соратниками в апреле 2004 г. образовал движение «За достойную жизнь». По его мнению, приватизация в России была проведена в интересах группы олигархов, которая ныне распоряжается страной как своей собственностью. Глазьев проповедует популистские идеи и обращает внимание в основном на социальную сферу: он обращается к народу как к демосу, а не как к этносу, а его претензии к олигархам заключаются в обвинениях в коррупции и незаконном обогащении, а не в их иноэтничном происхождении.

Глазьев определяет свою систему взглядов как «христианский социализм»³. Он является уже довольно долгое время заместителем председателя Союза православных граждан, основного православного объединения, принимающего участие в общественной жизни и имеющего опреде-

³ Тезисы к обсуждению на Политсовете Общероссийской общественной организации «За достойную жизнь» // Федеральный портал общественной российской организации «За достойную жизнь». 2004. 3 июня (<http://www.zdj.ru>).

ленный вес в политической сфере. Глазьев является одним из постоянных партнеров Московского патриархата в целом ряде проектов. Он неустанно защищает принципы православия, в том числе в дебатах по вопросам преподавания «Основ православной культуры» в школе или формирования консультативных религиозных советов на телевидении. Он также выдвигал законопроекты о сотрудничестве государства с религиозными организациями в социальной сфере⁴.

Глазьев является председателем Конгресса русских общин. Конгресс уже не столь заметен на федеральном уровне и действует преимущественно в странах ближнего зарубежья (например, в Крыму, в Молдавии и в странах Балтии) либо в некоторых регионах Российской Федерации⁵. Сотрудничество Глазьева с некоторой частью русского националистического движения, а также с православными кругами следует рассматривать как некоторую форму взаимопомощи, как альянс, практикуемый уже лет десять, но не означающий безоговорочной приверженности Глазьева соответствующим теориям. Он не использует националистическую риторику в своих речах. Похоже также, что он рассматривает христианство как залог социальной стабильности, а не как веру в высшие силы⁶.

Панславистские православные течения

С самого начала 1990-х Рогозин и Глазьев зачастую сотрудничали с политизированными православными движениями, но не вдавались, как мы уже отметили выше, в религиозную риторику и понимали веру как одну из составляющих национального самосознания общественного и культурного согласия. Эта общность позволила им сохранить множество личных связей внутри данного течения. Таким образом, они вовлекли в ряды блока «Родина» Наталию Нарочницкую, сотрудника Института мировой экономики и международных отношений, известную православную публицистку. Политическое православное движение уделяет больше внимания национальному

⁴ Более подробные сведения по упомянутому законопроекту см.: Опубликован законопроект Сергея Глазьева «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций в целях сохранения национальных духовных традиций и обеспечения социальной защиты населения России» // Религия в светском обществе. 2004. 10 марта (<http://religion.sova-center.ru/discussions/18BEA07/195F7D3/1B5B358>).

⁵ Общественно-политическое движение «Конгресс русских общин» // Национальная служба новостей. 1996ю 26 февраля (<http://www.nns.ru/parties/rusob.html>).

⁶ Верховский Александр. Политическое православие. Русские православные националисты и фундаменталисты, 1995–2001. М.: Центр «Сова», 2003.

вопросу, нежели религии как таковой. Библейские темы используются как дополнительный аргумент в пользу этнонационалистической концепции российского общества, а вера служит для доказательства существования особой «православной цивилизации», основанной на преобладании этнических русских и отличающейся антизападническими настроениями⁷.

В первой половине 1990-х гг. Нарочницкая играла важную роль во Всемирном русском народном соборе, который пользуется прямой поддержкой Патриарха и в который входили политические деятели, если и не разделяющие общие религиозные взгляды, то являющиеся сторонниками общих националистических принципов. После провала попытки контролировать Собор Нарочницкая сосредоточилась на международных отношениях, став в настоящее время заместителем председателя Комитета Государственной Думы по международным делам. Широко известны ее высказывания о том, что в геополитическом плане Россия окружена со всех сторон врагами из Североатлантического блока, а также ее панславистские убеждения в вопросах, касающихся Югославии, выступления против интеграции стран бывшего СССР в число членов альянса. Она также выступала как убежденная сторонница проведения обеих военных кампаний в Чечне и публично заявляла о своей поддержке действий российской армии⁸.

В среде православных деятелей «Родина» нашла сторонников в лице Александра Крутова и Александра Чуева. Первый является главным редактором журнала «Русский дом» и одноименной телепередачи⁹. Второй из них, бывший председатель Российской христианско-демократической партии, в настоящее время входит в президиум партии «Родина» и занимает должность заместителя председателя Комитета Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций.

Раскол между Рогозиным и Глазьевым явился сильным потрясением для Союза православных граждан. Имели место сомнения по поводу того, кого поддерживать на президентских выборах 2004 г. — Путина либо Глазьева, и в конце концов было опубликовано заявление в пользу второго кандидата, несмотря на то, что ранее Союз всегда был лоялен по отношению к Президенту¹⁰.

⁷ Нарочницкая Наталия. Общественное и национальное самосознание в расколотой России // Блок «Родина». 2004. 11 февраля (<http://www.rodina.ru/article/show/?id=56>).

⁸ Там же.

⁹ С начала 2004 г. не выходит.

¹⁰ После раскола «Родины» члены Союза православных граждан делают выбор между С. Глазьевым и Д. Рогозиным // Религия в светском обществе. 2004. 18 декабря (<http://religion.sova-center.ru/events/13B7354/144459A/31B15DC>).

Движение Сергея Бабурина

Сергей Бабурин, юрист по образованию, декан Омского юридического университета, вот уже более десяти лет считается одной из основных фигур русского националистического движения, хотя он как политический деятель так и не смог сформировать вокруг себя сколько-нибудь значимого объединения единомышленников. В 1991 г. он создал Российский общенародный союз, организованный с целью сохранить СССР и фактически сошедший с политической сцены после поражения на выборах 1995 г.¹¹. И только в 2001 г. Бабурин вновь всерьез занялся партийным строительством, сформировав новое движение под названием «Народная воля» и заявив о его приверженности принципам «социал-демократии». «Народная воля» была создана на основе трех различных организаций: Российского общенародного союза, который Бабурин старался удержать на плаву; Союза реалистов, лидером которого является Нина Жукова, заместитель председателя Всемирного русского национального собора, принимавшая активное участие в работе Союза России и Белоруссии; и наконец, небольшого движения «Спас», во главе которого стоит Владимир Давиденко и которое приобрело известность в 1999 году, выставив на выборах в Думу список во главе с лидером РНЕ Александром Баркашовым. К «Народной воле» примкнул еще ряд организаций, в том числе движение «Русское возрождение», возникшее при распаде РНЕ в 2000 году. Позже, на выборах 2003 года, Давиденко и ряд других радикалов вычеркнули из избирательных списков «Родины» по просьбе Кремля, и радикалы откололись от Бабурина¹².

Даже если представления Бабурина о принадлежности к русскому народу основаны на «сердечной и душевной» верности русской культуре¹³, его риторика имеет ярко выраженную этническую окраску, и очевидны попытки найти точки соприкосновения между двумя крупными тенденциями русской националистической идеи — «этнонациональной» и «имперской». Блок «Родина» предоставил Бабурину возможность перейти к новому этапу его политической карьеры. Войдя в структуру блока, он после долгого забвения вновь стал публичной политической фигурой и

¹¹ Верховский Александр, Михайловская Екатерина, Прибыловский Владимир. Политическая ксенофобия. М.: «Панорама», 1999. С. 34.

¹² Подробности см. на веб-сайте Партии Национального Возрождения Народная воля (<http://www.narodnayavolya.ru>; <http://partia-nv.ru/>).

¹³ Лихачев В. Политический антисемитизм в современной России. М: Academia, 2003. С. 30—31.

даже вице-спикером Думы. Он также старается укрепить свой авторитет в противовес Рогозину и обратить внимание на свое прошлое «настоящего» националиста, чтобы привлечь наиболее радикальные элементы, которые считают Рогозина слишком зависимым от Кремля. Еще летом 2004 года. Бабурин потребовал формирования особой фракции внутри «Родины». Он обвинил Рогозина в стремлении монополизировать руководство, невыполнении обязательств, взятых на себя перед всем блоком, и в том, что тот отдает предпочтение самой партии «Родина», игнорируя интересы «Народной воли» и Единой социалистической партии. Бабурин также напомнил, что из 39 депутатов, прошедших в Думу от блока, 8 верны ему и представляют собой значительную силу, которую Рогозин не может не принимать во внимание¹⁴. Длительный конфликт внутри фракции привел летом 2005 года к изгнанию из нее Бабурина и созданию им одноименной новой фракции.

Национализм в трактовке блока «Родина»: основные составляющие доктрины

Обрисовав вкратце основные элементы генеалогии блока «Родина», необходимо также уяснить, каковы определяющие принципы его доктрины, что позволит понять, какое же место он стремится занять на современной политической сцене.

Протестный популизм и популизм, основанный на самоопределении (идентичности)

Популизм, по определению французского политолога П.-А. Тагиеффа — это особый способ продвижения общего дела, а не детально разработанная доктрина, и, следовательно, он может использоваться во многих политических движениях вне зависимости от их экономических взглядов, от того, насколько важным они считают национальный вопрос, их

¹⁴ Костюков Анатолий. «Родины» не хватает на всех // Независимая газета. 2004. 26 июня. В феврале 2005 г. «Народная воля», устав от бесплодных переговоров с Рогозиным, даже объявила о своей готовности начать формирование параллельной партии с участием других левопатриотических сил. См.: Обращение Центрального Политического Совета Партии «Народная Воля» к членам партии «Родина» // Партия Национального Возрождения Народная воля. 2005. 16 марта (<http://www.narodnayavolya.ru/news.htm>). — Прим. ред.

¹⁵ Taguieff Pierre-André. L'illusion populiste. P.: Berg International, 2002; Taguieff P.-A. (ed.) Le retour du populisme. P.: Universalis, 2004.

принадлежности к «правым» или «левым», и т.д.¹⁵ Популизм уже и так широко представлен на российской политической арене, например в лице ЛДПР и ее лидера Жириновского, равно как и действующей в совершенно другом ключе КПРФ Зюганова¹⁶. П.-А. Тагиефф различает два вида популизма. Первый опирается на протестную риторику: предпочтение отдается роли народного трибуна и проводится противопоставление народа-демоса и «власть имущих». Второй относится скорее к сфере идентичности или самосознания: в этом в случае предпочтение отдается этнонационалистическому видению — народ-этнос ведет борьбу с «иностранцами». «Родина» использует оба аргумента, равно как, впрочем, и ЛДПР с КПРФ, которые стремятся защищать и широкие массы от власть имущих, и всю нацию от иностранцев. Таким образом, «Родина» далеко не первая на данном поприще, и ей трудно быть услышанной в этом популистском многоголосье.

Партия критикует своих конкурентов, которые присутствуют в российской политике более десяти лет, одновременно перенимая все то, что помогло им достичь успеха. Глазьев внутри «Родины» представлял движение протеста, сосредоточившееся на социальных вопросах, а Рогозин — движение за идентичность (или самоопределение), имеющее более ярко выраженные националистические цели. Заимствования «Родины» в области популизма касаются в основном требований перераспределения в пользу народа природных богатств, и в частности, «нефтяной ренты», равно как и призывов очистить экономику от олигархов. Партия резко критикует политику либеральных реформ, предпринятых при Борисе Ельцине, выступает за то, чтобы государство остановило процесс приватизации, и утверждает, что политическая независимость и даже территориальная целостность Российской Федерации находятся в настоящее время под угрозой из-за недостаточного экономического суверенитета, особенно в том, что касается энергетического сектора¹⁷.

Подобные призывы, звучащие на российской политической сцене, обычно подразумевают стремление в некотором смысле реабилитировать наследие советского прошлого. Несмотря на то что марксистско-

¹⁶ О КПРФ см.: March Luke. The Communist Party in Post-Soviet Russia. Manchester: Manchester University Press, 2002. О ЛДПР см.: Klepikova Elena, Solov'ev Vladimir. Zhirinovsky: Russian Fascism and the Making of a Dictator. Reading: Perseus Books, 1995; Umland Andreas. Wladimir Shirinowskij in der russischen Politik: Einige Hintergründe des Aufstiegs der Liberal-Demokratischen Partei Rußlands // Osteuropa. 44. 1994. N 12. С. 1117–1131.

¹⁷ Программа действий избирательного блока «Родина» (народно-патриотический союз) Социальная справедливость и экономический рост», представлена на сайте блока «Родина» (<http://www.rodina.ru>).

ленинская идеология пользуется поддержкой лишь среди весьма малой части политического класса, многие публично заявляют о своем положительном и патриотическом отношении к эпохе СССР с его социальными льготами и подконтрольной государству экономической системой. Таким образом, большевизм и/или коммунизм, отношение к которым внутри националистского движения весьма неоднозначно, воспринимаются отдельно от самого советского периода, который для многих имеет положительный характер. «Родина» не использует ностальгию по Советскому Союзу настолько явно, как КПРФ, но некоторые ее требования довольно символичны, например, требование вернуть Волгограду название Сталинград. В рядах блока — многие представители армии, такие как, например, генерал Валентин Варенников, один из организаторов путча в августе 1991 года.

Рогозин, кстати, никогда и не скрывал, что стремится занять ту нишу, которая была до сих пор занята коммунистами, и неоднократно заявлял о своей готовности принять в свои ряды «все патриотические левые силы». Даже после раскола с Глазьевым и выдвижения Михаила Делягина на роль экономического лидера блока программа новой партии «Родина» сохранила ту же экономическую направленность, что и программа всего предвыборного блока. Эта ностальгия по Советскому Союзу основана на сожалении по поводу утраты былой мощи и несомненного веса на международной арене, былых экономических и социальных показателей, равно как и территориального единства республик, обретших ныне свою независимость.

«Родина» заявляет, что ее целью является формирование общественного мнения и воспитание гражданского общества, а также стремление к сильному государству. Ее принципы соответствуют течению популизма, уделяющему внимание вопросам идентичности и самоопределения и понятию патриотизма, что вполне совпадает с ожиданиями кремлевской администрации. Стремление защитить народ-*демос* может таким образом видоизмениться и подразумевать борьбу за права народа-*этноса*, и лидеры «Родины» в своих речах с легкостью совмещают оба эти аспекта. Так, в декабре 2004 г. на Всероссийском Конгрессе в защиту прав нации и гражданина в заключение своей речи Рогозин заявил следующее: «Наша борьба — это начало национально-освободительного движения за право на достойную жизнь, за место в мире, за построение новой государственности, освобожденной от предателей, воров и олигархов»¹⁸. Значение вы-

¹⁸ Выступления участников Всероссийского конгресса в защиту прав нации и гражданина // Блок «Родина». 2004. 6 декабря (<http://www.rodina.ru/article/show/?id=196>).

ражения «национально-освободительное движение», в зависимости от степени радикальности слушателей, может быть понято по-разному и зачастую используется антисемитскими движениями.

Внутри блока «Родина» присутствуют элементы, выделяющиеся радикальностью своих идей. Так, Нина Жукова, входящая ныне в руководство партии «Родина», открыто делает обобщения этнического характера по поводу происхождения олигархов. По ее мнению, аббревиатура названия партии Союз правых сил (СПС) может быть расшифрована как «Союз просионистских сил» либо «Союз поддержки сионизма», а сионизм, согласно Жуковой — «хуже фашизма»¹⁹. Антисемитские настроения наиболее радикально настроенных элементов, собравшихся вокруг Бабурина, выражены крайне ярко. Национализм самого Бабурина характеризуется оборонительной позицией, реакционностью по отношению к конкретной ситуации: «Реальную опасность «Народная воля» усматривает не в надуманном шовинизме либо антисемитизме русского народа, а в русофобии определенных политических сил, активно действующих на территории РФ»²⁰.

Тем не менее, упомянутые взгляды не являются преобладающими: и Рогозин, и Глазьев избегают антисемитских высказываний на публике, так как это выглядит чрезмерно радикально, в то время как ряд депутатов фракции (в частности, православные националисты) выражается прямо и довольно решительно. Достаточно вспомнить 14 подписей депутатов «Родины» под скандально известным «письмом пятисот».

Империализм и/или этнонационализм?

Исследователи, изучающие различные тенденции русского национализма, зачастую подразделяют их на две основные ветви, то есть на империалистов или державников, с одной стороны, и этнонационалистов — с другой. Если в подобном делении на две группы и есть некоторое разумное зерно, то все равно это деление должно быть детальнее и не может быть использовано как полноценное объяснение или иметь определяющее значение²¹. «Родина», как, впрочем, и другие националистические движения, участвующие в российской политической жизни, охватывает оба упомянутых течения.

¹⁹ Жукова Нина. К вопросу о русском национализме // Время. 2002. №35.

²⁰ Краткая справка, текст которой приводится на первой странице сайта «Народной воли» (<http://www.narodnayavolya.ru>).

²¹ Grimberg I. «Le nationalisme russe, une catégorie en débat» // Taguieff P.-A., Delannoi G. (ed.) Nationalismes en perspective. P. P. 63–116.

В программе «Родины» выражается надежда на создание сверхгосударства, в которое должны войти Россия, Белоруссия и Казахстан, и упоминается возможность присоединения Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии, то есть пророссийски настроенных и стремящихся к отделению регионов в других республиках. Одна из глав программы партии «Родина» посвящена миграционной политике. В ней проявляется интерес, который Rogozin вот уже более десяти лет проявляет к вопросу русских, проживающих в странах ближнего зарубежья. Так, «Родина» отрицает принцип равного доступа к рынку труда и требует соблюдения «права граждан на сохранение языковой и культурной среды обитания»²², что может означать открытое выступление против некоторых миграционных процессов, имеющих место внутри СНГ. Партия требует выделить «соотечественников», которым необходимо предоставлять вид на жительство в России бесплатно и в облегченном порядке, из общей массы остальных мигрантов, к которым будут применены более сложные условия.

Этнонационалистическое течение в «Родине» заметно преобладает. «Родина» усматривает угрозу исчезновения нации через демографическое ослабление и снижение уровня жизни. При этом в программе блока упоминается о том, что «демографические прогнозы предупреждают нас о том, что население России к 2050 году может сократиться на 40 миллионов человек, причем за счет опережающего вымирания русских, которые могут оказаться «национальным меньшинством» в родной стране»²³.

Звучат призывы к проведению открыто националистической политики. За крайне некорректные высказывания Rogozina о приезжих с Кавказа петербургский «Невский канал» даже получил официальное предупреждение²⁴, а эта мера очень редко применяется к телевидению.

«Родина» регулярно приводит довод защитников русских меньшинств ближнего зарубежья, что русский народ страдает от разделенности. «Родина» требует законодательного признания статуса русских как разделенного народа, дабы получить возможность бороться впоследствии за его воссоединение. Это заостренное внимание к вопросу о единстве русского народа имеет целью не только привлечь русских, проживающих за

²² Программа действий избирательного блока «Родина» (народно-патриотический союз). Социальная справедливость и экономический рост // Блок «Родина» (<http://www.rodina.ru/programma/show/?id=3>).

²³ Там же.

²⁴ Текст предупреждения доступен на сайте Центра «СОВА»: Предупреждение Россохранкультуры телепередаче «Невский канал» // Национализм и ксенофобия. 2005. 30 марта (<http://xeno.sova-center.ru/4DF39C9/532570E>).

рубежом. Подобная риторика предназначена прежде всего для использования во внутренней российской политике. Вот уже несколько лет борцы за права русской диаспоры предпочитают обращать внимание скорее на вопросы внутренней политики Федерации. Например, деятелей этнонационалистического толка глубоко шокирует тот факт, что страна, где «этнические русские» представляют более 80% процентов населения, сохраняет статус федерации, включает в себя более двадцати автономных республик и предоставляет многим десяткам других народов статус культурной автономии.

Они действительно внимательно относятся к вопросу о «русскости» Российской Федерации, и о взаимоотношениях так называемых этнических русских и национальных меньшинств. Высказывания Наталии Нарочницкой о роли русского народа звучат вполне однозначно: «русский народ — это основатель российской государственности, это державообразующий народ. ... Россия была примером подлинной империи, и это слово надо реабилитировать. ... Ее державообразующий стержень, в исторический проект которого осознанно вошли другие народы, — это русский народ с русской православной культурой»²⁵.

Со всех сторон звучат призывы «русифицировать» Россию, на сессиях Думы раздаются требования признать русский народ, или русских, в качестве «титальной нации» в России. «Народная воля» требует, чтобы Россия в конституции определялась как «мононациональное русское государство», так как без этого права этнических русских ущемлены, а национальные республики превращаются в «антирусские образования»²⁶.

Жукова, бывший идеолог «Народной воли», а ныне член Исполкома партии «Родина», заявляет, что результатом отсутствия правового статуса русских является то, что русский народ отчуждается от собственной государственности: «Русские стали не только разделенной нацией, но и самым униженным народом в собственной стране. Являясь державообразующей нацией, они потеряли право даже называться русскими, став безликими россиянами»²⁷.

Все движения, входящие в состав «Родины», считают, что федеративное государство излишне многонационально и носит слишком светский характер.

²⁵ Гамов Александр, Кафтан Лариса Депутат Госдумы Наталия Нарочницкая: Чтобы выжить — нам надо уверенно ощущать себя русскими // Комсомольская правда. 2004. 2 июня (цит. по: <http://www.narochnitskaia.ru/cgi-bin/main.cgi?item=1r300r040602223740>).

²⁶ Программа партии «Народная воля» (<http://http://partia-nv.ru/programm.html>).

²⁷ Жукова Нина. Указ. соч.

Удачное обобщение

Сила «Родины» заключается в том, что ей удалось свести воедино различные течения в русском национализме: только путем некоторых компромиссов можно освободиться от маргинальности в политике, что уже удалось КПРФ и ЛДПР, использовавшим в каждом случае свой путь. Таким образом, национализм «Родины» можно охарактеризовать как социалистический, но не коммунистический, этнонациональный, но не расистский или открыто антисемитский. Его можно назвать культурно и религиозно-корректным, так как его призывы касаются вовлечения Церкви в общественную жизнь, но не переключаются с принципами радикальных православных течений или с идеями неоязычников; он отличается неприятием Запада и стремлением восстановить единство постсоветского пространства, не разделяя при этом экстравагантных неоевразийских идей Дугина. «Родина» достаточно консервативна, но не кажется реакционной, заявляет о необходимости сильной государственной власти, но не призывает к возврату монархии или к установлению диктатуры. Нет упоминаний ни о западных радикальных течениях, ни о российских их собратьях, вызывающих острую полемику (таких, например, как национал-большевики), проповедуется простой «здравый смысл» русского националистического толка, и т.д.

«Родина» смогла объединить под флагом относительно единой организации видных националистических деятелей, уже давно добившихся известности и работавших до этого по отдельности, путем встраивания коалиции с другими движениями, с которыми у нее было в общем-то мало общего. В состав блока и самой партии вошли многие националистические течения, которые не присоединились ни к КПРФ, ни к ЛДПР и до того момента не были представлены в парламенте. Таким образом, стало возможным объединить внутри одной партии и парламентского блока ранее не пересекавшиеся личности с разным политическим прошлым, а также различные системы взглядов на идентичность и самоопределение.

Из примера «Родины», каким бы ни было ее будущее, даже если оно не представляется перспективным в ее нынешнем виде, можно извлечь два вывода.

Националистические движения смогли найти в себе силы объединиться и выработать общую систему взглядов. Если эти взгляды до того зачастую были довольно радикальными, их удалось изложить в политически корректной форме, способной привлечь избирателей, позволяющей участвовать в официальной политической жизни, провоцируя не

слишком много скандалов, хотя течения, упомянутые в данной статье, зарождались в периферийных кругах, в среде ультра националистов.

Такое изменение ситуации было определено двумя факторами. Очень важна способность основных лидеров «Родины» «сглаживать острые углы» в своих заявлениях и приводить их в соответствие с тем, что допустимо в российской общественной жизни. Но основная причина заключается в том, что в настоящий момент в России националистические и/или патриотические идеи пользуются все большим успехом, вследствие чего взгляды, пропагандируемые «Родиной», уже не шокируют, как это было бы еще несколько лет назад.

Во второй половине 1990-х годов (и после прихода Путина к власти эта тенденция еще более усилилась), власти стремились укрепить страну путем придания официального статуса некоторым течениям в русском национализме²⁸. С другой стороны, многочисленными западными наблюдателями в последние несколько лет неоднократно отмечалась потребность большинства российских граждан в авторитарной власти и, в меньшей степени, в упрочении этнической идентичности. Это большинство показало свою «готовность к установлению избираемой автократии»²⁹. Эти два фактора открыли новые возможности для православных националистов и национал-популистов, и те не преминули ими воспользоваться. О чем и говорит успех «Родины».

²⁸По теме современной путинской России см.: Nikonov Viatcheslav. La tentation d'un Occident non occidental // Le Débat. 2004. N° 130. P. 89–103; Privalov Kirill. La recette russe: la démocratie autoritaire // Ibidem. P. 45–62; Désert Myriam. La société? russe. Entre murmures du passé et balbutiements du futur // Le courrier des pays de l'Est. N° 1038. Septembre 2003. P. 4–13; а также: Верховский Александр, Михайловская Екатерина, Прибыловский Владимир. Россия Путина: пристрастный взгляд. М.: «Панорама», 2003.

²⁹Où va la Russie de Poutine? // Le Débat. 2004. N 130. P. 44.

Александр Верховский

Российское политическое православие: понятие и пути развития

Понятие политического православия

Идеологические феномены, которые возникают на общем поле религии и политики, все чаще становятся объектом внимания российских исследователей, но термин «политическое православие» остается в российском политическом языке непривычным, а значение его по меньшей мере неясным.

Зато вполне укоренился термин «религиозный фактор в политике». По существу, он включает три вида высказываний и соответствующих действий: апелляции политиков к религиозным (как правило, православным) ценностям, высказывания религиозных деятелей по любым значимым политическим вопросам, обсуждения в самом широком кругу и в политических терминах — места религии вообще и Русской православной церкви (РПЦ) в частности в жизни общества. Если мы вычтем из так описанного объема высказывания и действия, не касающиеся православия (а касающиеся, например, только ислама) или направленные прямо или косвенно против РПЦ или ее интересов, то оставшееся может быть названо политической поддержкой православия.

Выступления в пользу православия или со ссылками на православие могут основываться на довольно различных представлениях о самом православии. Например, в бурной антикатолической кампании первой половины 2002 года (начавшейся после преобразования временных административных структур Ватикана в России в полноценные епархии) одни исходили из того, что католицизм — это ересь, а другие апеллировали к провозглашенному католиками же тезису о «Церквах-сестрах», то есть налицо было серьезнейшее экклезиологическое расхождение, но соратников по борьбе оно не слишком смущало. И тем более все привыкли к тому, что политики, выступающие в поддержку православия, часто сами имеют о нем довольно смутное представление.

Собственно говоря, чтобы опираться в политике на православие, можно иметь о нем представление любой степени отдаленности от пред-

писываемого официальным руководством Церкви. Об этом уже не раз писали; этот вопрос самым детальным образом обсуждался в книге Анастасии Митрофановой «Политизация “православного мира”»: политическое православие — не религия, а идеология, и может использовать элементы религиозного учения как угодно¹. В конце концов, по одному из социологических опросов, не верит в Бога примерно каждый пятый россиянин из числа называющих себя православными, а таковых, согласно тому же опросу — около 70%, — и эти примерно 13–15% «неверующих православных»² граждан тоже могут иметь свой голос. Еще менее удивительны сочетания православия с коммунизмом или неоевразийством (см. ниже). А уж восприятие православия лишь как одного из атрибутов этничности и сочетание его с теми или иными реконструкциями славянского язычества давно привычны в практике политических активистов.

Необходимо определиться, все ли разновидности политических учений, включающих апелляции к православию, следует считать политическим православием. Можно принять и максимально широкое определение, исходя из того, что политическая религия — это любая политическая идеология, хоть как-то апеллирующая к религии. Но тогда поле российского политического православия будет расширяться почти беспредельно, так как к православию в той или иной форме апеллирует все больше и больше российских политиков разного толка. Можно принять и максимально узкое определение, согласно которому православными политиками можно считать только таких, чья личная вера и общественная активность во всем согласуется или хотя бы не противоречит официальной позиции Церкви. Все-таки современное православное учение (во всяком случае в его российском варианте) предполагает гораздо большую внутрицерковную дисциплину, чем, например, ислам. Справедливо различаемые А. Митрофановой религиозное и клерикальное основания политики в случае православия практически всеми (и наблюдателями, и акторами) рассматриваются как тесно взаимосвязанные. Но узкое определение слишком уж узко: во-первых, у Церкви далеко не всегда и не обо всем есть ясная официальная позиция, а во-вторых, практически все политики, активно апеллирующие к православию, хотя бы иногда расходились во взглядах со священноначалием.

¹ Митрофанова Анастасия. Политизация «православного мира». М.: Наука, 2004. С.16–20.

² Данные рассчитаны по: «РОМИР-Мониторинг» провел исследование «Год православной России» // Седмица.Ру. 2004. 10 февраля (<http://www.sedmitza.ru/index.html?sid=360&did=10527>).

Возможны и промежуточные решения. Например, в процессе работы над книгой, озаглавленной «Политическое православие»³, я сосредоточил внимание на тех политических группах, которые основывают свои политические взгляды на православном вероучении не на уровне общих лозунгов, а систематически и последовательно, не опираются параллельно на другие большие идеологии (например, на коммунизм, евразийство, теорию «консервативной революции» и т.д.) и при этом сохраняют в принципе лояльность своей Церкви. Конечно, эти группы достаточно разнообразны, но у них можно усмотреть и общие черты — например, все они оказались в той или иной степени националистами.

Таким образом, я «исключил» из политического православия целые политические слои, явно апеллирующие к православию, и, возможно, исключил напрасно. Но приходится настаивать на том, что и при более широком понимании следует придерживаться достаточно жестких критериев отбора. Как минимум, если мы хотим сохранить единообразие терминологии и говорить о политическом православии примерно в том же смысле, в котором говорим о политическом исламе, нужно ограничиться теми группами, которые политизируют свои религиозные представления (возможно, не вполне традиционные), а не привносят «немного православия» в свои политические представления. Эта разница определяет и расстановку акцентов в идеологии, и, что даже важнее, расстановку эмоциональных акцентов, то, к каким именно чувствам и представлениям граждан будет преимущественно апеллировать данная политическая группа. Если акценты в идеологии и пропаганде сделаны на православие, а не на что-то другое (национализм, монархизм, евразийство и т.д.), перед нами — политизированное православие, если наоборот — результат «православизации» какой-то иной идеологии (например нацизма) или наличие обязательной, но не слишком акцентированной «православной компоненты» в такой идеологии (например, в ельцинском пропагандистском комплексе образца 1995—1996 гг.).

Видимо, правильнее всего было бы говорить о разных кругах политических групп, характеризующихся большим или меньшим акцентом на православие. Причем политическими группами при этом следует считать не только те, которые сами определяют себя как таковые, но и любые группы, имеющие отношение к политике. В самом первом приближении таких кругов оказалось бы три: первый, внутренний — группы, однознач-

³ Верховский Александр. Политическое православие: русские православные националисты и фундаменталисты, 1995—2001 гг. М.: Центр «СОВА», 2003 (далее — Политическое православие).

но опирающиеся в первую очередь на православное вероучение; второй, средний — группы, активно его использующие в своей идеологии; и третий как периферия политического православия — группы, лишь временно к православию апеллирующие.

Субъекты политического православия

Вне всякого сомнения, следует считать политизированной деятельность такой безусловно православной структуры, как Московская Патриархия, то есть руководство РПЦ⁴.

Явно представляют интерес для нас многообразные группы, называющие себя православными патриотами, исторически и политически связанные с национал-патриотическим движением 90-х⁵ (и даже до перестройки⁶). Хотя степень религиозной мотивированности этих групп нуждается в отдельном рассмотрении.

Что касается остальных политических партий и групп, то большая их часть никак или почти никак не связана с православием⁷, а относительно

⁴ Политическая активность Московской Патриархии наиболее детально описывалась в: Смирнов Марк. Роль Русской Православной Церкви на современном этапе политического развития России (1993—1997) // Диа-Логос: Религия и общество 1999. М.: Истина и жизнь, 1999. С. 11—30; Красиков Анатолий. Свобода совести и государственно-церковные отношения в России // Там же. С. 255—278; Солдатов Александр. Русская православная церковь на пути к монополизации «духовного пространства России» // Отечественные записки. 2002. № 4—5.; Верховский Александр. Церковь в политике и политика в Церкви // Политическая ксенофобия: радикальные группы, представления лидеров, роль Церкви. М.: ООО «Панорама», 1999 (далее — Церковь в политике). С. 60—122; Он же. Беспокойное соседство. Русская Православная Церковь и путинское государство // Россия Путина. Пристрастный взгляд. М.: Центр «Панорама», 2003. С. 79—134.

⁵ Прибыловский Владимир. Национал-патриотическое движение. История и лица // Национализм и ксенофобия в российском обществе. М.: ООО «Панорама», 1998. С. 22—103; Лихачев Вячеслав. Политический антисемитизм в современной России. М.: Academia, 2003. С. 143—152, 173—178; Верховский Александр. Религиозный фактор в парламентской и президентской кампаниях в России // Диа-Логос: Религия и общество 2000—01. М.: Духовная библиотека, 2001. С. 33—58. Полная библиография по нашему предмету была бы слишком велика, но стоит обратить внимание, в частности, на: Кырлежев Александр. Феномен «православной идеологии» // Кырлежев А. Власть Церкви. Публицистические статьи (1994—2000). М.: Пробел-2000, 2003. С. 63—84; Илюшенко Владимир. Две модели христианства и русский фашизм // Нужен ли Гитлер России? / Сост. В. Илюшенко. М.: ПИК, 1996. С. 195—200.

⁶ Митрохин Николай. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953—1985 годы. М.: НЛО, 2003. С. 489—526.

⁷ Для середины 90-х это было продемонстрировано в: Церковь в политике. С. 84—87. И с тех пор изменилось не так много.

остальных возникает серьезное затруднение в определении того, принадлежит ли конкретная группа или даже отдельный автор к политическому православию в смысле приоритетности религиозной мотивации и агитации. Следует, видимо, обсудить некоторые примеры.

Неоевразийская линия

К православным политикам иногда причисляет себя основоположник неоевразийства Александр Дугин (конфессионально он принадлежит одному из старообрядческих течений). Религиозные воззрения Дугина ориентированы на «единую примордиальную Традицию», проявляющуюся в православии наравне с другими великими религиями. Дугин должен быть расположен где-то между вторым и третьим кругами политического православия: он много апеллирует к религиозным ценностям, но далеко не только к православным. Речь в данном случае (не единственном, кстати) идет не об искажении (интерпретации) православия в сторону иных религиозных или идеологических учений, а о прямом использовании сразу нескольких учений в качестве равных или сопоставимых по значимости оснований. Кроме того, Дугин гораздо чаще исходит не из религиозных концепций, а, например, из геополитических.

Дугин открывает широкую и на глазах растущую шеренгу наших неоевразийцев. Конечно, интеллектуальный радикализм Дугина (и не в последнюю очередь сложность его построений) — это не для всех. Даже и термин «евразийство» не так уж часто употребляется или употребляется с оговорками. Но сами по себе рассуждения о западно-восточной и, соответственно, православно-мусульманской основе Российской империи — бывшей, потенциальной и будущей — становятся все более популярны на всех этапах политического класса. Отдавая себе отчет во всем многообразии неоевразийства, для целей этой статьи я предпочитаю говорить о неоевразийстве именно в этом, самом широком, смысле — как о российском патриотизме, противопоставляющем Россию Западу, но основанном не на русском этнонационализме, а на идее упомянутой бинарной основы империи.

В плане государственно-конфессиональных отношений неоевразийство соответствует концепции опоры на «традиционные религии»: православие, ислам, буддизм и иудаизм. Кавычки здесь обозначают, конечно, не сомнение в исторической традиционности этих религий на территории России, а сложившееся словоупотребление, к которому прибегает подавляющее большинство политиков и представителей указанных ре-

лигий. Это словоупотребление восходит к преамбуле закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 года, но в том законе нет термина «традиционные религии», а список наиболее уважаемых религий в преамбуле носит принципиально открытый характер⁸. Закрытый же список четырех религий и соответствующий ему список семи организаций, образующих Межрелигиозный совет России (МСР; православие в МСР представлено только РПЦ) сформировался в общественном и официальном дискурсах в 2001—2003 гг. Члены МСР признают первенствующую роль РПЦ и отказываются от прозелитизма по отношению к другим «традиционным религиям», поскольку де-факто выступают за однозначную связь этнической и религиозной идентичности⁹.

Интересно, что обе неоевразийские партии начала нынешнего десятилетия, созданные Александром Дугиным и Вали-Ахмедом Ниязовым, принципиально приглашали в свой состав религиозных деятелей именно четырех «традиционных религий» (Дугин, конечно, пригласил еще старообрядцев). И в обеих партиях реальный вес приобрели только мусульманские деятели, в случае дугинской партии — сам глава Духовного управления мусульман России (ДУМР) Талгат Таджуддин. А православный компонент оказался почти незаметен (как и иудейский). Последовательное неоевразийство, таким образом, вряд ли может претендовать на заметную роль в политическом православии, скорее — в политическом исламе.

Иное дело — «частичные неоевразийцы», лишь использующие некоторые евразийские идеологемы для построения своих вариантов имперской идеологии. Они не так серьезно настроены на диалог с исламом, не говоря уж о буддизме и иудаизме, поэтому и политическое православие у них гораздо отчетливее.

К таким «частичным неоевразийцам» можно, наверное, отнести и президента Владимира Путина, не раз рассуждавшего о приоритете «тра-

⁸ Формулировка преамбулы Закона 1997 года: «Федеральное Собрание Российской Федерации, подтверждая право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство перед законом независимо от отношения к религии и убеждений, основываясь на том, что Российская Федерация является светским государством, признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, принимает настоящий Федеральный закон».

⁹ Здесь неуместно развивать эту тему. Подробнее см.: Верховский Александр. Власть и религия в современной России // Свободная мысль-XXI. 2004. № 4.

диционных религий» и даже о приоритете РПЦ¹⁰. Но личная религиозность Путина практически никак более не отражается на его политических заявлениях, православие упоминается только по каким-то культурным поводам. Так что не видно оснований причислять Путина к политическим православным¹¹.

Серьезный представитель «частичного неоевразийства» — Геннадий Зюганов¹². Невозможно оценить и проверить его предполагаемую личную эволюцию к православной вере, но в идеологии Зюганов определенно эволюционирует к православию.

В середине 90-х, когда идеологом КПРФ был Алексей Подберезкин, православие в лучшем случае упоминалось как элемент национальной культурной традиции. И тогда, и теперь делаются необходимые реверансы в адрес «традиционных религий» в целом. Но во время парламентской избирательной кампании 1999 года Зюганов уже активно апеллировал к православному электорату — написал брошюру «Вера и верность»¹³ и разослал ее по епархиям РПЦ. В последовавшей дискуссии с некоторыми епископами¹⁴ выяснилось, что Зюганов настаивает на принципиальной близости идей христианства и коммунизма, но вовсе не на том, что сам он исходит в своей идеологии из каких бы то ни было религиозных соображений. К следующим выборам, осенью 2003 года, Зюганов написал еще одну книжку¹⁵, но с тех же позиций.

Чтобы оценить степень современной религиозной мотивированности идеологии Зюганова, обратимся к интервью, данному им тогда же главному редактору радикальной православно-националистической газеты «Русь Православная»¹⁶: известно, что многие политики, и Зюганов в том числе, адаптируют свои высказывания к аудитории, а аудитория в данном случае

¹⁰ См. например, транскрипт пресс-конференции, опубликованный в «The Washington Post» 26 сентября 2003 г. (в интернете нужный фрагмент см. на странице: <http://www.washingtonpost.com/ac2/wp-dyn/A5599-2003Sep26?language=printer>). Русский перевод: Интервью Путина // Инопресса. 2003. 29 сентября (<http://www.inopressa.ru/details.html?id=14823>).

¹¹ Uzzell Lawrence. Autocracy or Theocracy? // The Moscow Times. 2004. July 29.

¹² После серьезного раскола в КПРФ в июле 2004 г., видимо, надо говорить — большей части КПРФ.

¹³ Зюганов Геннадий. Вера и верность. Русское Православие и проблемы возрождения России. М., 1999.

¹⁴ Все это было опубликовано в газете: «Русский православный патриот». 1999. № 1.

¹⁵ Зюганов Геннадий. Святая Русь и Кошечье царство. Основы русского духовного возрождения. М.: Резерв, 2003.

¹⁶ Константин Душенов — Геннадий Зюганов. Святая Русь и Кошечье Царство // Русь Православная. 2003. № 75–76.

была самая политически православная. Там Зюганов отождествляет Царство Зверя и антироссийски (ранее — антисоветски) настроенный Запад, высказывает предположение, что так же думает и патриарх Алексей II¹⁷. Но, кроме этого и за вычетом непонятных упоминаний чего-то «нравственно-религиозного», все реплики Зюганова посвящены теме русского сопротивления Западу и инородцам, и выдержаны строго в этнонационалистическом духе безо всякой религиозной мотивации и вовсе без ссылок на православие. Выступая в маргинальной газете, Зюганов даже позволил себе высказаться о засилье евреев, но, несмотря на подсказки доброжелательного интервьюера, смог вспомнить только один пример «защиты духовных ценностей нашего народа» — выступление КПРФ по поводу осады израильтянами группы боевиков в Церкви Рождества в Вифлееме.

На самом деле, КПРФ не раз поддерживала РПЦ в разных внутривнутриполитических ситуациях, но, очевидно, для Зюганова это — совершенно второстепенные вещи, о которых он не вспоминает. Даже когда ему нужно призвать на помощь Церковь, он мотивирует это наличием общей угрозы. Зюганов не отступает от своего представления о религии как о некоей абстрактной духовности¹⁸, но в национальной версии. Более того, духовность встречается в его текстах, хотя и нередко, но, как правило, в контексте противодействия безнравственности или в рассуждениях о глобализации и «конflikте цивилизаций»¹⁹. Противопоставление духовности и безнравственности само по себе лежит вне сферы религиозного, равно как и спекуляции на тему «конflikта цивилизаций», даже если последние определяются по религиозному признаку. Зюганов, как и Сэмюэль Хантингтон²⁰ и, что более релевантно, как большинство российских обы-

¹⁷ Тут Зюганов, видимо, неточно ссылается на очень популярное в православно-политической среде высказывание Патриарха: «Мы должны осознать, что против нашего народа ведется хорошо спланированная бескровная война, имеющая целью его уничтожить... Мы не видим, чтобы кто-либо, кроме Церкви, всерьез противостоял этой смертельной угрозе... зовем на подвиг исповедания христианской веры перед лицом воинствующего зла». См.: Выступление Патриарха Алексия II на московском епархиальном собрании // Сообщение ОВЦС. 2000. 15 декабря (<http://www.russian-orthodox-church.org.ru/nr012151.htm>). Этот фрагмент речи, относившийся к пропаганде безнравственности и ограничения рождаемости, всегда интерпретировался расширительно.

¹⁸ В ответ на прямой вопрос корреспондента РИА «Новости», верующий ли он, Зюганов тогда же говорил: «Я верующий в добро, справедливость, честность и красоту, и не мешайте мне в моей вере». Цит. по: Погосов Артем. Глава Компартии России рассуждает о Святой Руси // Московский церковный вестник. 2003. № 21.

¹⁹ Зюганов Г.А. Глобализация и международные отношения. М.: ИТРК, 2001. С. 81.

²⁰ Huntington Samuel. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. NY: Simon & Schuster, 1996.

вателей, апеллирует к религиям только как к культурной основе современного общественного устройства. Конечно, у каких-то «цивилизаций» религиозная основа предполагается живой и ныне действующей, но Запад-то понимается как давно секуляризованный мир, и Россия большинством ее жителей, включая Зюганова, понимается так же.

Итак, Геннадий Зюганов и большая часть актива руководимой им партии всего лишь пользуются православием, даже не встраивая, а пристраивая его к своей идеологии, и тем самым находятся только в третьем круге политического православия. А ведь есть в КПРФ и прямо атеистическое течение.

В принципе, в рамках КПРФ или около нее могло бы возникнуть православно-коммунистическое движение, и А. Митрофанова справедливо относит к нему таких авторов, как Сергей Кара-Мурза или Александр Проханов, пытающихся православно-поэтически интерпретировать советскую идеологию²¹. Но такие персонажи остаются редким исключением. И еще большим исключением, по понятным причинам, являются симпатизанты коммунистов среди воцерковленных православных. Есть знаменитый в начале 90-х и продолжающий посещать леворадикальные митинги «красный дьякон» Виктор Пичужкин и крошечные группы ему подобных проповедников тождества христианства и коммунизма²². Духовник газеты «Завтра» протоиерей Димитрий Дудко²³ сближался с Прохановым в отдельных своих высказываниях²⁴. Главный редактор «Руси Православной» Константин Душенов время от времени пытался к выборам синтезировать некую идеологию православно-коммунистического сотрудничества, которую в 1999 году он даже назвал «русским православным социализмом»²⁵, но в остальное время Душенов — последовательный православный монархист и равнодушен к левым идеям. Конечно, тактический союз с КПРФ поддерживали многие «православные патриоты», но число искренних симпатизантов коммунизма среди них сейчас близко к нулю²⁶.

Можно, пожалуй, констатировать, что православно-коммунистическое сближение не состоялось.

²¹ Митрофанова Анастасия. Указ. соч. С. 145–146.

²² См. например, сайт «Последний зов» некоего А. Бусела: <http://hrist-commun.narod.ru>

²³ Прот. Димитрий умер 28 июня 2004 г.

²⁴ «...коммунистическое движение — это подступы к Православию» См.: О выходе из кризиса // Русь Державная. 1998. № 11–12.

²⁵ См. групповое обращение: Время собирать камни // Русь Православная. 1999. № 8. Стоит отметить, что в дальнейшем все его подписанты, кроме самого Душенова, отказались от поисков идейного компромисса с коммунизмом.

²⁶ Подробнее см.: Политическое православие. С. 159–172.

Есть основания назвать политическим православным Сергея Глазьева. Глазьев — не только воцерковленный православный, но и постоянный партнер Патриархии в стратегических проектах. Например, он сыграл ключевую роль в принятии Всемирным русским народным собором (ВРНС²⁷) 4 февраля 2004 г. декларации-обращения к отечественному бизнесу²⁸. Более того, Глазьев — давний сопредседатель Союза православных граждан — самой известной ассоциации политических православных, и СПГ формально поддерживал Глазьева на последних президентских выборах против Путина²⁹, что для лояльного Путину СПГ означает высшую степень солидарности. В руководство нынешней организации Глазьева, движения «За достойную жизнь!», вошли два политически активных клирика РПЦ — диакон Андрей Кураев и духовник СПГ протоиерей Владислав Свешников³⁰. При расколе фракции «Родина» 4 марта 2004 г. из четырех депутатов, твердо позиционирующих себя как православные политики, двое — Александр Крутов и Николай Леонов (журнал и телепередача «Русский дом»³¹) — поддержали Глазьева, один — Александр Чуев — Рогозина (христианский демократ и верный сторонник Путина, Чуев всегда находится в определенной изоляции в своем православно-патриотическом окружении), а Наталия Нарочницкая (ученый и публицист) в расколе не участвовала.

Взгляды Глазьева в наименьшей степени связаны с неоевразийством как таковым, он на евразийские идеи прямо не ссылается. И все же на

²⁷ ВРНС — нечто вроде ежегодной (иногда чаще) политической конференции под председательством Патриарха. Политики на ВРНС собираются самые разные, даже необязательно православные, но преимущественно — националистического и империалистского толка.

²⁸ Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании // Религия и СМИ. 2004. 5 февраля (<http://www.religare.ru/article8237.htm>).

²⁹ От деклараций — к реальному социальному партнерству Церкви, общества и государства. Союз Православных Граждан поддержал выдвижение Сергея Глазьева на пост Президента России // Единое Отечество. 2004. 1–9 февраля (http://www.otchestvo.org.ua/eo/2004_02/eo_10_01.htm).

³⁰ Протоиерей Владислав Свешников и диакон Андрей Кураев вошли в руководство движения Глазьева «За достойную жизнь!» // Портал Credo. 2004. 26 апреля (<http://portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=21136>).

³¹ Телепередача «Русский дом» была единственной православно-патриотической передачей на общероссийском телевидении. Ее редакция была определенно близка к наместнику Сретенского монастыря архимандриту Тихону (Шевкунову), одному из признанных лидеров «активного консерватизма» в РПЦ. Осенью-зимой 2003–2004 гг. «Русский дом» был вытеснен более пропутинской и стилистически менее консервативной программой «Русский взгляд»; по некоторым сведениям, с одобрения архим. Тихона.

учредительном съезде дугинской партии «Евразия» он присутствовал, а «Евразия» входила первоначально в блок «Родина»²⁹. Глазьевские законопроекты о социальном партнерстве с религиозными организациями³⁰ были направлены именно на то, чтобы государство опиралось только на «традиционные религии», причем со значительно доминирующей ролью РПЦ. Глазьев в III Думе был ключевой фигурой депутатского объединения «В поддержку традиционных духовно-нравственных ценностей России», ориентированного на усиление влияния «традиционных религий». Важно отметить, что Глазьев не только всегда лоббировал интересы РПЦ (например, в вопросах о преподавании «Основ православной культуры» в школе или о наблюдательных советах на телевидении), но и писал запрос в МИД по поводу отказа во въездной визе Далай-ламе³¹.

В какой степени Глазьева можно считать «православным политиком», вопрос достаточно спорный. Несомненные «православные политики» единодушно считают его «своим», в отличие от большинства русских националистов и коммунистов, с которыми Глазьев так или иначе разошелся. Но сам Глазьев в своих идеологических построениях ориентируется почти исключительно на идеи социальной справедливости, и «защита православия» обсуждается, если не только как инструмент достижения справедливости, то только в контексте разговоров о ней. Православие вообще упоминается Глазьевым почти исключительно в практической плоскости законопроектов, а не в плоскости идеологии. Видимо, Глазьев должен быть «помещен» между вторым и третьим кругами политического православия.

Что касается глазьевского партнера Дмитрия Rogozina, то он о православии говорит меньше, зато с неоевразийских позиций выступает чаще. Например, он является сторонником идеи введения поста вице-президента и резервирования его за мусульманином (желательно татарин)³².

²⁹ Дугин вышел из блока, ссылаясь на засилье там радикальных националистов (см. Партия «Евразия» выходит из Блока Глазьева // Km.Ru. 2003. 19 сентября; <http://www.km.ru/news/view.asp?id=7DD770F40434412B24FDB116DB19000>), хотя раньше его такое соседство не смущало. Но и когда таковых изгнали из списка под давлением Кремля, «Евразия» «Родину» поддерживать не стала.

³⁰ Подробности о законопроекте см. на сайте «Религия в светском обществе»: <http://religion.sova-center.ru/discussions/18BEA07/195F7D3/1B5B358>

³¹ Депутат Глазьев хочет знать, почему Далай-ламе XIV не дали визу в Россию // Религия и общество. 2003. 5 ноября (http://www.newsru.com/religy/05nov2003/glazyev_print.html).

³² Дмитрий Rogozin: Россия - это православно-мусульманская страна. Лидер «Родины» считает, что стране необходим пост вице-президента, и занимать его должен мусульманин... // Сайт общества «Радонеж». 2005. 5 июля (<http://www.radonezh.ru/new/?ID=3616>).

Как видим, неоевразийская линия, заметно совпадающая с линией сближения национал-патриотической и социалистической идеологий, не приводит нас к внутренним кругам политического православия.

Националистическая линия

Если исходить из укоренившегося в общественном сознании сближения русской и православной самоидентификации, то кажется гораздо более естественным искать политическое православие среди русских националистов. И действительно, большинство русских националистов называют себя православными.

Это относится не ко всем русским националистам, принадлежащим к Православной церкви. Например, Сергей Бабурин, давно пропагандирующий смесь социал-демократии и имперского национализма (которую можно при некотором недоброжелательстве назвать просто национал-популизмом), ныне — заместитель председателя Государственной Думы от фракции «Родина» и лидер партии «Народная воля», крестился в 1997 году, постоянно блокируется с «православными патриотами», но сам о религии в политическом контексте вспоминает крайне редко³³. Бабурин как политик может быть отнесен разве что к самой периферии третьего круга политического православия. Он — респектабельный пример практически безрелигиозного национализма, лишь время от времени использующего религию как один из этнических атрибутов.

То же в точности можно сказать и о Дмитрии Rogozine. Конечно, не зря в субфракции Rogozina остались Чуев и Нарочницкая; Rogozin всю свою политическую карьеру прошел в блоках с участием разного толка православных националистов. Но сам он всегда выступал и выступает в качестве националиста левого.

Более радикальный пример того же рода (только исключая любую левизну) — Николай Лысенко, ветеран «Памяти» и депутат I Думы, в конце 90-х считал более перспективным старообрядчество³⁴. Но уже в 2003 году Лысенко, еще в начале 90-х бывший одним из первых агитаторов за противостояние исламу и иммигрантам с Юга, заявил, что в борьбе с Западом основную ставку надо делать на ислам³⁵. Лысенко по форме рели-

³³ В 2004 году, просматривая подряд номера бабуриной газеты «Время», выходящей примерно два раза в месяц, я не встретил ни одного материала, хоть немного окрашенного в православные тона.

³⁴ Лысенко Николай. Воля и этика национализма // Наше время. 2000. № 2.

³⁵ Лысенко Н.Н. Станет ли Россия новой Хазарией? // Ансар. 2003. 8 апреля (<http://www.ansar.ru/archives/arch/left03.04.08.html>).

гиознее Бабурина, но он явно использует религии в политических целях, а не меняет их на самом деле в процессе мировоззренческого поиска (по популярному образцу Рене Генона).

Упомянув Бабурина, нельзя не вспомнить и Народную партию Российской Федерации, с которой Бабурин еще в 2004 году пытался построить политический блок. НПРФ, возникшая осенью 2001 года, изначально была умеренным, даже бюрократическим, национал-популистским проектом, который приписывался одной из «фракций» Администрации президента. Лидеры партии Геннадий Гудков, Геннадий Райков, Валерий Гальченко много выступали в защиту общественной нравственности (за рекриминализацию гомосексуализма, например) и политической роли РПЦ, приняли активнейшее участие в антикатолической кампании в 2002 году³⁶. На парламентских выборах 2003 года в первой тройке партийного списка оказался референт Патриарха Николай Державин (что не убергло список партии от полного провала). И все же в высказываниях партийных лидеров нет вообще никаких апелляций к религии — только к защите державы, нравственности и национальной идентичности, чему православие должно способствовать.

Во всем этом можно усмотреть только самое поверхностное использование православия, а точнее — структур Московской Патриархии, в политических целях, лишь несколько более активное, чем у «Народной воли» Бабурина или у правящей «Единой России», во фракцию которой в новой Думе и вступили депутаты-одномандатники от Народной партии. Впрочем, в «Единой России» есть мэр Москвы Юрий Лужков, тоже систематически выступающий в поддержку Патриархии, есть даже Константин Затулин, вместе с В. Гальченко входящий в Центральный совет Союза православных граждан. И все-таки такого рода фигуры не делают ни «Единую Россию», ни даже Народную партию православными организациями; по нашей классификации, они едва ли попадут в третий круг. Впрочем, их идеологические позиции вообще крайне неопределенны (так что с таким же успехом эти партии можно было бы упомянуть и в предыдущей части о неоевразийской линии).

Обратимся теперь к радикальной и идейно более определенной части националистического спектра. В национал-патриотическом движении уже в конце 80-х годов образовались группы, которые, ничуть не

³⁶ См. например: В Москве и некоторых других городах состоялась антикатолическая общественная акция — так называемое «молитвенное стояние» // Полит.Ру. 2002. 28 апреля (<http://www.polit.ru/news/2002/04/28/571287.html>).

оказываясь от русского национализма, провозгласили его основой православия; «Память» Дмитрия Васильева совершила такой переход в 1987–1988 гг., став одновременно монархической³⁷. С тех пор православный национализм, распространившийся на многие организации и группы, понимался как стремление реставрировать Империю в стиле «Православие, Самодержавие, Народность». К кому это сейчас относится, если не говорить пока о группах, прямо позиционирующих себя как церковные?

В первой половине 90-х это были группы «Памяти» Д. Васильева, Николая Филимонова и другие — Черная сотня Александра Штильмарка, Союз русского народа Станислава Терентьева и еще немногие. Казацкие организации, как «красные», так и «белые», тоже неизменно позиционировали себя как православные; собственной идеологической активности они почти не проявляли, зато без их участия не сложилась бы газета «Русский вестник» — крупнейшая газета православно-националистического толка, выходящая с 1990 года. Со временем все более православным в своей идеологии становился Русский общенациональный союз (РОНС) Игоря Артемова. РОНС и «Русский вестник» политически заметны и доньше.

Весьма амбивалентно относились к православию в крупнейшем националистическом движении 90-х годов Русском национальном единстве (РНЕ). Александр Баркашов, основатель и бессменный лидер движения до полного раскола 2000 года, увлекался одновременно катакомбным православием и восточными учениями, соединяя их в своей расистской мистике. Он всегда безусловно негативно относился к Московскому Патриархату в целом, а в пропаганде РНЕ активно использовались неоязыческие мотивы. Но, с другой стороны, православие как идеологический элемент было вполне заметно в деятельности организации³⁸. Можно сказать, что в 90-е годы РНЕ использовало православие в своей идеологии, но не столь часто.

После развала РНЕ в конце 2000 года баркашовская ветвь РНЕ все более заинтересовывается мистическими и апокалиптическими мотивами современного православия как основаниями для своей радикальной

³⁷ Верховский Александр, Папп Анатолий, Прибыловский Владимир. Политический экстремизм в России. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 132.

³⁸ Лихачев Вячеслав. Указ. Соч. С. 175–177. О православии в РНЕ интересно рассуждала английская исследовательница Стелла Рок в докладе на конгрессе American Association for the Advancement of Slavic Studies (AAASS) в декабре 2002 г.: Rock Stella. Saints & Symbols: Post-Soviet Orthodoxy and the Russian Nationalist Movement // Рукопись предоставлена автором.

позиции³⁹; уже весной 2002 года этим мотивам был посвящен практически весь номер газеты «Русский порядок» (хотя и без язычества не обошлось — на сей раз в лице индейцев хопи)⁴⁰. В том же номере можно прочитать, как в 2001 году РНЕ Баркашова систематически распространяло листовки против ИНН — индивидуального номера налогоплательщика, то есть включилось в самую значительную кампанию, начатую некоторыми наиболее активными политическими православными. Не похоже, чтобы баркашовцы твердо встали на путь политического православия, но ко второму его кругу они принадлежат сейчас точно и эволюционируют к первому. Что же касается индейцев хопи, то надо ведь учитывать, что и сугубо воцерковленные активисты сугубо православных движений тоже могут параллельно увлекаться неоязычеством или оккультизмом⁴¹, пусть и не на уровне лидеров.

Сходную идейную эволюцию прошла крупнейшая ветвь РНЕ — одноименная организация братьев Евгения и Михаила Лалочкиных, причем эта организация, в отличие от Баркашова, не отрицает духовного руководства Московской Патриархии (хотя никаких связей с ней, конечно, не имеет). В партийной газете «Евпатий Коловрат» меньше апокалиптических страшилок, зато ее девиз — цитата из Достоевского: «Настолько ты русский, насколько ты православный». И пропорция «скорее религиозных» и «скорее политических» статей вполне сравнима с уже упоминавшейся газетой «Русский вестник», да и взгляды — очень сходные, пусть и несколько более радикальные. Вероятно, в пестрой организации Лалочкиных есть люди с разным отношением к православию, но в целом их часть РНЕ может быть, видимо, отнесена даже к первому кругу политического православия.

Но нельзя сказать, что динамика «православности» внутри русского националистического движения имеет какой-то явно определенный знак. Сейчас вполне заметны более православные крупные фрагменты РНЕ. С другой стороны, мы видим рост почти сплошь безрелигиозного скинхедского движения, далеко опережающий динамику всего остального националистического сектора, а главным националистическим «открытием» последних лет стала отчетливо антихристианская Национально-державная партия России.

³⁹ Православных судят за веру: Слуги антихриста готовят судилище над пророчествами Афонских старцев и Православных Святых о будущем России // Сайт РНЕ Баркашова. 2003. Осень (<http://www.rnebarkashov.ru/info02.htm>).

⁴⁰ Русский порядок. 2002. № 32. Доступен в интернете: <http://www.rnebarkashov.ru/gazet032.htm>

⁴¹ Примеров такого рода — множество. См. например: Кураев Андрей, диакон. О нашем поражении. СПб.: Светлояр, 1999. С. 28.

Церковная линия

В самой Церкви в начале 90-х годов формируется (хотя возникает, конечно раньше) весьма заметное политическое течение, идеи которого разрабатывались на основе этнонационализма, русского империализма, православной монархии, внутрицерковного антимодернизма и антиэкуменизма и знаменем которого стал митрополит Иоанн (Снычев). Важно понимать, что не епископат был инициатором и двигателем в церковной линии развития политического православия, а низовые активисты, как правило, из мирян, поэтому смерть митр. Иоанна никак не затормозила развитие движения, включившего затем многих новых людей, пришедших как из национал-патриотической общественно-политической деятельности, так и из собственно церковной среды.

Это движение достаточно хорошо осознает свое особое место и в Церкви, и в политике: в Церкви оно — «политическое крыло», в политике — та часть национал-патриотического движения, для которой православие не просто часть убеждений, но их основа. Самоназвания, соответственно, используются такие — «православные патриоты» или просто «православные», «православные монархисты» или просто «монархисты», иногда — «православные националисты».

Для этих политических православных очень важно соотношение себя с Московским Патриархатом. Лишь немногие из них уподобляются Баркашову и Васильеву в своем категорическом отвержении Московской Патриархии — за сотрудничество с демократической властью, за «потворство экуменизму» или еще за что-то. Среди тех групп, которые выросли в представлении первичности религиозной самоидентификации перед политической, лишь самые крайние радикалы принадлежат к другим православным юрисдикциям — «катакомбникам» или Русской православной церкви зарубежом (РПЦЗ). Таковы несколько мелких взаимосвязанных групп «православных опричников» (издания «Царский опричник», «Русский партизан», «Просветитель»); эти группы к тому же придерживаются крайне агрессивной расистской версии этнонационализма, являются прямыми пропагандистами насильственных методов, склонны к неоязычеству и использованию идей «консервативной революции» (в чем они близки радикальным неоевразийцам)⁴². По этим параметрам они тоже заметно отличаются от остальных церковных политических православных — и должны рассматриваться как отдельный феномен. Ввиду крайней мало-

⁴² См. справку: Опричное братство во имя святого преподобного Иосифа Волоцкого // Мир религий (<http://religio.ru/dosje/14/267.html>).

численности «опричников» можно позволить себе вовсе исключить их из рассмотрения в этой статье. Так же, как и некоторые другие специфические явления: например, активного публициста Егора Холмогорова.

Остальные церковные политические православные остаются в Московском Патриархате, даже если крайне резко критикуют саму Патриархию, как, например, газета «Русь Православная» Константина Душенова. И это нельзя объяснять только прагматическими соображениями: вне Московского Патриархата трудно себе представить серьезное участие в православной политике в России. Не меньшую, наверное, роль играет усвоенное церковное представление о канонической дисциплине, в рамках которой уход в раскол не менее недопустим, чем уклонение в ересь.

Соответственно, весь этот круг активистов поддерживает любые усилия по упрочению влияния Московского Патриархата в обществе. Причем если в начале и даже середине 90-х Патриархия относилась к политической активности мирян и рядовых клириков с большой настороженностью, то с конца 90-х умеренная часть таких активистов пользуется определенной поддержкой Патриархии, и дистанция между Патриархией и такими лояльными активистами все более сокращается.

Церковные политические православные объединены не только своей воцерковленностью, но и значительной общностью взглядов. Конечно, между ними существуют разногласия, есть и серьезные внутренние конфликты, не позволяющие рассматривать движение как единый политический субъект. Но черт идейного сходства больше, чем черт различия. Поэтому в церковной линии, наверное, проще не приводить примеры, а дать общий идейный портрет с примерами разногласий в расстановке акцентов⁴³.

Все они — православные монархисты, причем монархию понимают обычно в том «идеальном» виде, в котором она существовала при Николае I или хотя бы при Александре III. Соответственно, все они — принципиальные противники идей демократии, либерализма и прав человека, в первую очередь — свободы совести. Возврат к монархии единодушно мыслится через «национальную диктатуру» (степень жесткости такой диктатуры, конечно, варьируется).

Все церковные политические православные с той или иной степенью интенсивности переживают современную политику как противостояние с антихристом, «эпицентр» наступления которого находится на Западе (особенно в США) и в еврейском народе, хотя есть, конечно, и другие

⁴³ По состоянию на конец 2001 года такой портрет с расстановкой акцентов дан в: Политическое православие. С. 218–234.

враги, но соподчиненные этим двум — Западу и еврейству (качество и интенсивность антисемитизма заметно различается у разных групп, в отличие от антивестернизма, совершенно общепринятого). В последние годы тема врага интерпретируется в Церкви через понятие глобализации. Россия же представляется последним оплотом противостояния всемирной апостасии (и глобализации как ее последней стадии).

В самой России все церковные политические православные воспринимают себя (и вполне справедливо) как меньшинство во враждебном окружении. Одновременно они активно выступают за максимальный возврат общества к религиозным, церковным основаниям жизни (к идеализируемому «золотому веку» русского православного царства) и различаются в этом смысле только в смысле требуемых темпов этого возвращения.

Борьба с антихристом тесно связана с размышлениями о близости Апокалипсиса. Многие понимают эту близость буквально — в ближайшие годы или десятилетия. Обычно такие группы находятся в жестком противостоянии с Патриархией, не одобряющей их крайнего миллениаризма⁴⁴, и с другими более умеренными православными антиглобалистами.

Важно отметить, что радикальные группы подвергаются все более разносторонней и систематической критике со стороны умеренных, так что с 2002–2003 г. можно говорить об определенном размежевании в рядах церковных политических православных⁴⁵. Наиболее умеренная группа — это окружение архим. Тихона (Шевкунова), в котором есть и явно политические персоны (хотя бы депутаты нынешней Думы: А. Крутов, Н. Леонов, Н. Нарочницкая), и персоны, столь же явно уклоняющиеся от политики, олицетворяющие скорее «чистый» церковный консерватизм (редакция журнала «Благодатный огонь»).

«Центр» же церковного политического православия представлен в первую очередь ассоциацией православно-политических активистов — Союзом православных граждан (СПГ), складывавшимся еще с 1995 года; возглавляет СПГ Валентин Лебедев, главный редактор журнала «Православная беседа». В СПГ входит и играет важную роль братство «Радонеж» Евгения Никифорова, издающее одноименную газету и содержащее одноименную радиостанцию. В СПГ входит большинство известных церковных полити-

⁴⁴ Политическое православие. С. 73–94; подборки новостей последних двух лет см. на сайте «Религия в светском обществе» (<http://religion.sova-center.ru/events/13B7354/1433D8D>), Портал Credo (<http://portal-credo.ru/site/?act=topic&id=266>), Стояние за Истину (<http://www.zaistinu.ru/econtrol/>).

⁴⁵ Претензии «умеренных» были при поддержке Патриархии частично собраны в 2003 г. в сборнике: Испытания наших дней. В защиту церковного единства. М.: Даниловский благовестник, 2003.

ческих православных и некоторое количество явно не церковных или не вполне церковных. В нынешней Думе есть не менее дюжины членов СПГ.

В идейном самоопределении церковных политических православных большую роль играет этнонационализм, хотя все подчеркивают, что религиозная идентичность выше этнической и лишь некоторые иногда допускают проговорки, выдающие нетвердость этого убеждения. Подавляющее большинство смешивает понятия «русский» и «православный» и допускает откровенно враждебные высказывания по отношению к другим этническим общностям⁴⁶.

И все-таки этнонационализм является немного проблематичным мировосприятием для умеренных церковных православных, лучше понимающих об универсализме христианства. Поэтому среди них он чаще всего формулируется в подчеркнуто нерасовых терминах, например: «Народ представляет собой соборный организм, имеющий соборную душу»⁴⁷, но здесь слово «народ» обозначает отнюдь не совокупность граждан государства. Так или иначе, понятие православной России не может ассоциироваться со всем исторически поликонфессиональным населением страны, так что речь идет о нации не гражданской, а этнической, которая и является носителем православности России.

Умеренный этнонационализм подчеркнуто исключает агрессивность по отношению к другим этническим группам, но не забывает об особой роли русского этноса в чаемой православной империи. Этнонационализм должен, по мысли прот. Владислава Свешникова, быть одухотворен верой и стать «духовным национализмом», и затем «национализм русский и духовный должен в будущем определять все содержание политической жизни — от выбора и назначения достойнейших людей до организации всего народного хозяйства страны»⁴⁸.

В том же тексте прот. Владислав рассуждал о том, что «духовный национализм» должен исходить не из национальных интересов, а из национальных идеалов. Таким образом, национализм в государственническом, гражданском (в противовес этническому) смысле приветствуется, но ограничивается теми же русско-православными ценностями. И с этой позицией согласны все церковные политические православные.

⁴⁶ Там же. С. 113–117.

⁴⁷ Аксючиц Виктор. Русский характер // Православие.Ру. 2001. 31 мая (<http://www.pravoslavie.ru/jurnal/ideas/russkharakter2-1.htm>).

⁴⁸ Прот. Владислав Свешников предложил концепцию возрождения России // Страна.Ру. 2001. 25 марта (сейчас недоступно; но доступно на страничке автора: <http://averh.narod.ru/fundament/svesh1.html>).

Московская Патриархия

Естественная задача Патриархии в обществе — максимально и разносторонне упрочить влияние Церкви. Для этого происходит постоянный торг с государством за материальные ресурсы, ради этого ведется систематическая работа по формированию подконтрольного Патриархии сектора в СМИ, по внедрению религиозно окрашенных дисциплин в вузы и среднюю школу. Для продвижения своих интересов Патриархия использует как демократические механизмы — лоббирование федеральных и региональных законов и постановлений исполнительной власти разного уровня, так и не менее важные в современной России механизмы личных контактов с группами влиятельных чиновников.

А. Митрофанова справедливо указывает, что такое сочетание механизмов влияния — вполне естественная вещь: Церковь адаптируется к тем общественным механизмам, в которых существует. Митрофанова прилагает к российским условиям понятие «общественной религии» (public religion), введенное Хосе Казановой⁴⁹. «Общественная религия» (то есть выступающая от ее имени организация) признает ограниченность своих общественных притязаний и действует, в сущности, как любая другая общественная организация, например экологическая. При российском режиме «закрытой демократии» такая «общественная религия» не ограничивается демократическими механизмами, как не ограничиваются ими другие лоббисты. Вопрос в том, ограничивается ли «общественная религия», в нашем случае РПЦ, такой ролью, или она претендует на большее — на восстановление (или создание заново) своего контроля над обществом в целом⁵⁰. На этот вопрос ответ дать невозможно. Очевидно, что сейчас Московская Патриархия не имеет оснований даже и мечтать о таком контроле, но никто (включая Патриарха) не может сейчас предсказать, какие задачи поставит перед собой Патриархия, когда и если ее влияние существенно упрочится.

Сегодняшняя религиозно-политическая задача Патриархии — преодоление полной секулярности российского государства, в первую очередь — в сфере образования, культуры, СМИ, науки. Эту политическую задачу неоднократно и вполне отчетливо формулировали патриарх Алексий II и обычно представляющий позицию Церкви по политическим вопросам митрополит Кирилл (Гундяев)⁵¹.

⁴⁹ Casanova Jose. Public Religions in the Modern World. Chicago and London: University of Chicago Press, 1994. P. 57.

⁵⁰ Митрофанова Анастасия. Указ. соч. С. 26–30.

⁵¹ Заявление Патриарха см., например: Смирнов Марк. Свидетель церковной истории // НГ-религии. 2004. 21 июля.

Понятно, что РПЦ стремится преодолевать секулярность в пользу православия, а не каких-то иных религий. Но при этом Патриархия де-факто придерживается умеренной неоевразийской позиции, признавая своего рода суверенитет других «традиционных религий» в их этнических ареалах. Но существует и представление, что Россия — «православная страна», и другие «традиционные религии» должны из этого исходить⁵².

В официальной церковной доктрине — «Основах социальной концепции РПЦ», принятых на Архиерейском Соборе 2000 года — в разделе «Церковь и нация» (идущем сразу после раздела «Основные богословские положения») сказано:

«Когда нация, гражданская или этническая, является полностью или по преимуществу моноконфессиональным православным сообществом, она в некотором смысле может восприниматься как единая община веры — православный народ»⁵³.

И хотя трудно сказать, как именно понимали этничность авторы «Основ», нет сомнений, что никто не станет включать вместе с русскими в одну «этническую нацию» кубанских греков или московских грузин.

Наверное, точнее всего было бы сказать, что позиция Патриархии представляет собой гибрид умеренного неоевразийства и умеренного этнонационализма.

Соответственно, политическое сотрудничество возможно — и практикуется — не только с теми, кто причастен власти, но и с самыми разнообразными, порой даже весьма радикальными политиками обоих этих идейных течений (сам Патриарх официально поздравлял в 2001 году газету «Русский вестник»⁵⁴). Впрочем, похоже, что Патриархия готова сотрудничать практически с любыми силами, поддерживающими в той или иной степени усиление церковного влияния, просто среди либерально ориентированных политиков мало находится таких партнеров (но находятся).

Политическое православие в версии Московской Патриархии не исчерпывается десекуляризацией общества, точнее, десекуляризация понимается как часть более широкой программы, черты которой были намечены еще

⁵² Начиная по меньшей мере с интервью: Митрополит Кирилл: «Россия — православная, а не «многоконфессиональная» страна // Радонеж. 2002. № 8.

⁵³ Основы социальной концепции Русской православной Церкви // Общественные общероссийские чтения Основ социальной концепции Русской православной Церкви. Информационный бюллетень. 2001. № 1. (Далее — Основы социальной концепции). С. 21.

⁵⁴ Юбилей газеты «Русский Вестник» // Сообщение ОВЦС. 2001. 12 января (<http://www.russian-orthodox-church.org.ru/nr101122.htm>).

в 1999–2000 гг.⁵⁵ Основание этой программы в том, что мир представляется (явно не без влияния Сэмюэля Хантингтона) поделенным на религиозно определяемые «цивилизации», причем только одна из них принципиально плоха — западная как секулярная. Россия же понимается как лидер «православной цивилизации», противостоящей Западу. Соответственно, внутреннее устройство страны должно быть в некоторой — никогда не уточняемой — степени трансформировано от либеральных принципов (на которых оно, по мысли митр. Кирилла, сейчас основано) к «традиционным». Ну а поскольку единственной реальной православной традицией является традиция дореволюционная, к ней фактически и происходит отсылка.

Православная Россия должна и может стать успешным лидером в противодействии апостасии и глобализму, должна добиться восстановления «многополярного мира» через равноправие разных «цивилизационных» подходов к мироустройству, даже к международному праву⁵⁶.

Главная задача строящейся (восстанавливающейся) «православной цивилизации» — исключить принцип приватности религии. Конечно, Патриархия не надеется на восстановление принципа симфонии властей, как и на воссоздание православной монархии, но стремится к значительному расширению церковного участия почти во всех сферах жизни общества, кроме собственно государственной власти⁵⁷.

«Православная цивилизация» — это не просто лозунг. Предполагается сформировать соответствующие представления по всем общественно-значимым вопросам, альтернативные либерально-секулярным. Так, в 2004 году активизировались попытки адаптации принципа прав человека к идее «православной цивилизации»: для этого понятие прав индивидуума заменяется понятием прав, а точнее, интересов, неопределенных общностей, таких как «православные», «атеисты», «мусульмане», «русские» и т.д.⁵⁸

⁵⁵ Алексей II, патриарх Московский и Всея Руси. Мир на перепутье // НГ-Религии. 1999. 23 июня; Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Норма веры как норма жизни // Независимая газета. 2000. 16, 17 февраля.

⁵⁶ Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата сделал заявление в связи с работой Конвента «Будущее Европы» // Сообщение ОВЦС. 2002. 7 октября (<http://www.russian-orthodox-church.org.ru/nr210074.htm>).

⁵⁷ Основы социальной концепции. С. 25–34.

⁵⁸ См. материалы «круглого стола», проведенного обществом «Радонеж» и ОВЦС 1 июля 2004 г.: «Радонеж» организовал дискуссию о православии и правах человека // Религия в светском обществе. 2004. 13 июля (<http://religion.sova-center.ru/discussions/197B344/3D13257/3D1334C>).

И эта тема не оставлена: Протоиерей Всеволод Чаплин предложил разработать российскую концепцию прав человека // Религия в светском обществе. 2005. 7 июля (<http://religion.sova-center.ru/events/13B7354/14447D7/5B241A8>).

Отметим, что идеи «православной цивилизации» пользуются заметной поддержкой в высших эшелонах государственной власти. Например, на форуме «Диалог цивилизаций» на Родосе 3–6 сентября 2003 г., превратившемся в антиамериканскую манифестацию, Россию представлял, вместе с вице-премьером Галиной Кареловой и архиепископом Белгородским и Старооскольским Иоанном (Поповым), радикальный православный националист Михаил Назаров⁵⁹ (был и не менее радикальный исламский фундаменталист Гейдар Джемаль), так что политическое православие было явлено миру в единстве своего многообразия⁶⁰. Это единство было продемонстрировано и на VIII соборе ВРНС в начале 2004 года, где министр иностранных дел Игорь Иванов рассуждал о «православной цивилизации» и о ее роли не хуже самого Патриарха⁶¹. Позже идею цивилизационной особенности продолжил и более значительный Иванов — министр обороны; на пресс-конференции в Лондоне в июле 2004 года на вопрос о деле ЮКОСа и демократии в России он ответил, что есть западная демократия, а есть и восточная, от нее отличающаяся⁶².

Политическое православие как единый политический феномен

Из приведенного краткого и неполного обзора субъектов политического православия понятно, что степень их православной мотивированности весьма существенно различается, не меньше различия разных групп и по другим идеологическим параметрам — решительности критики либеральной демократии, степени и качеству национализма, отношению к существующей в стране власти и т.д. Есть большие сомнения в том, что политическое православие можно рассматривать как единый предмет политологического анализа. На современной российской политической карте, центрированной на фигуру президента Путина, даже вместе прошедшие в парламент лидеры «Родины» Дмитрий Rogozin и Сергей Глазьев оказываются страшно далеки

⁵⁹ Ныне достаточно широко известный как автор «письма 500-т»: обращения, направленного в январе 2005 года в Генеральную прокуратуру с требованием закрыть все еврейские организации как основанные на «экстремистской» идеологии иудаизма.

⁶⁰ «Диалог цивилизаций» на Родосе // Демократия в осаде. 2003. 16 декабря (<http://osada.sova-center.ru/archive/25F21B4/28F837B/2C6C19C>).

⁶¹ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова на VIII Всемирном Русском Народном Соборе // Сообщение ОВЦС. 2004. 3 февраля (<http://mospat.ru/text/news/id/6352.html>).

⁶² Сообщение ВВС. Цит. по: Россия требует от Грузии вернуть ракеты // Gala.Net. 2004. 12 июля (<http://news.gala.net/?cat=&id=157469>).

друг от друга — именно по степени лояльности к Путину, что уж говорить о митрополите Кирилле и его ненавистнике Константине Душенове.

Но среди самих политических православных есть несомненное чувство общности, позволяющее создавать самые неожиданные коалиции, в том числе такие, как блок «Родина». Это чувство общности чаще упоминают в разговорах, чем в статьях и манифестах, потому что оно (пока?) не поддается должной формализации. И все-таки стоит обратить внимание, что ни Душенова, ни других, еще более жестких хулителей Патриархии, никто не отлучает от Церкви, хотя крайние борцы с ИНН считают Патриархию «проводником идеологии глобализации»⁶³, а Патриарх называл их подкупленными кем-то раскольниками⁶⁴. Эти и подобные «обмены любезностями» между разными группами политических православных (а конфликтов в этой среде не меньше, чем в любой другой) не исключают дальнейших контактов или хотя бы однонаправленных действий. Например, 27 мая 2004 г. на слушаниях в Думе по законодательству о свободе совести митр. Кирилл неожиданно для всех высказался в защиту тех, кто отказывается принимать ИНН, а в это время сами отказывающиеся ходили крестным ходом вокруг здания Думы⁶⁵.

Если признать, что какое-то, пусть и самое смутное, единство политических православных существует, можно обсуждать вопрос, каковы его общие характеристики, куда это единство развивается и в каком направлении оно стремится подтолкнуть общество.

Национализм? Державность?

Политические православные, как мы видели, являются умеренными или радикальными русскими националистами. Национализм этот реализуется по двум линиям — этнонационалистической или неоевразийской. Принципиальные идеологи обеих линий подвергают друг друга жесткой критике, в церковной православно-политической среде неоевразийство отвергается безусловно⁶⁶, но в политической практике две линии ча-

⁶³ Общественное Движение «За жизнь без ИНН». Информационное сообщение № 11 // Стояние за истину (<http://www.zaistinu.ru/econtrol/INN/inn11.shtml>).

⁶⁴ Сообщение ИТАР-ТАСС-Радонеж // Сербский крест. 2002. № 25.

⁶⁵ Щипков Даниил. Дебют Сергея Попова и бенефис митрополита Кирилла // НГ-Религии. 2004. 2 июня.

⁶⁶ См. например: Аксюциц Виктор. Соблазн евразийства // Православие. Ру. 2001. 28 марта (<http://www.pravoslavie.ru/jurnal/ideas/eurasiasoblazn.htm>); Аверьянов Виталий. Разные консерватизмы, разные традиционализмы // Там же. 2001. 4 сентября (<http://www.pravoslavie.ru/analit/raznie.htm>); Нарочницкая Наталия. Философия антиглобализма российских неоевразийцев // Там же. 2002. 14 февраля (<http://www.pravoslavie.ru/jurnal/ideas/neoeurasia-antiglobal.htm>).

сто сближаются — у Московской Патриархии или в том же блоке «Родина», то есть там, где участие в реальной политике становится важнее некоторых идеологических разногласий, имеющих столь большой вес в политике маргинальной. Умеренные националисты жестко порицают крайности национализма (речь не только о Патриархии⁶⁷, но и, например, о Союзе православных граждан⁶⁸), но радикалы, хотя и обижаются, не перестают считать умеренных своими союзниками в борьбе с общим врагом.

Итак, политическое православие стремится сделать Россию государством более «русским» в этнополитическом смысле. В списках приоритетов политических православных как целого и русских националистов как целого — много пересечений, как много у них и пересечений персональных⁶⁹, причем эволюция ряда национал-радикалов (см. выше) еще увеличивает количество этих пересечений.

Правильнее всего — поставить вопрос о том, насколько важна этнонациональная проблематика для политического православия как целого. Понятно, что она очень важна для православных фрагментов РНЕ, для РОНС и тому подобных организаций; в последние годы «православизация» части радикальных этнонационалистов работает на усиление общего националистического «тонуса» политического православия. Почти все политизированные православные братства исповедуют агрессивный антисемитизм и другие формы этноксенофобии; некоторые церковные политические активисты связаны с расистским Движением против нелегальной иммиграции и т.д.

Умеренных националистов меньше, чем радикалов, во всяком случае — в первом и втором кругах политического православия. Но это меньшинство включает Патриархию, все более активную на политическом поле, так что вклад радикалов в основном компенсируется.

В результате, когда пишут о политической роли православия в России, корреляцию с русским этнонационализмом всегда вспоминают, но не ставят на первое место⁷⁰. Однако на протяжении всего постперестроечного периода

⁶⁷ Основы социальной концепции. С. 21—22.

⁶⁸ Агафонов Илья. Возбуждение межрелигиозной розни как объект судебного преследования // Единое Отечество. 2004. 12 февраля (http://www.otechestvo.org.ua/analitika/2004_02/an_12_01.htm).

⁶⁹ Мне неизвестны детальные сравнительные исследования. Сам я могу исходить, в частности, из своих, методологически во многом сходных, исследований. См.: Политическое православие; Верховский Александр. Общие черты программ и концепций; Портреты; Сравнительный обзор // Национал-патриотические организации в России. История, идеология, экстремистские тенденции. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 28—104.

⁷⁰ См. например: Филатов Сергей. Послесловие. Религия в современной России // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России / Отв. ред. и сост. С.Б. Филатов. М.—СПб.: Летний сад, 2002. С. 474.

даже руководители Церкви, не говоря уж о православно-политических активистах, гораздо чаще говорили не о собственно религиозных, а об этнонациональных проблемах — в аспектах дискриминации русских в странах СНГ, сохранения «русского характера» культурной и иной жизни российских городов, защиты русских (понимаемых как «потомственных православных») от прозелитизма иных религий и христианских конфессий. Политическое православие выступает как защитник русской этнической идентичности (не обязательно в расовом смысле, чаще в культурном) от иноэтнических, иноверческих и инославных влияний, особенно иностранных. Такая роль политического православия закономерно соответствует представлению большинства — тех, кто самоидентифицируется как этнически русский и одновременно православный, имеет, как правило, смутное (или вообще никакое) представление о православной религии и рассматривает свою религию как один из знаков своей этничности, но далеко не первостепенный⁷¹. Это, конечно, не означает, что сами православно-политические активисты должны быть представителями этого большинства. Сами они, как правило, более сознательные православные, во всяком случае — в первом круге. И задача политического православия, таким образом — упрочить конфессиональный компонент в национальных чувствах сограждан.

Само собой, политические православные, как и все русские националисты, в той или иной форме (хотя бы в форме публичной ностальгии) мечтают о Российской империи, пусть даже в виде СССР. Кстати, все политические православные особое внимание уделяют силовым структурам государства. И во всем этом они тоже вполне соответствуют представлениям большинства граждан, хотя популярность конкретной идеи православной монархии — ниже статистической погрешности⁷². Но лишь немногие православные радикальные группы всерьез рассчитывают на реставрацию монархии⁷³, остальные используют ее скорее как символ, не забывая и о советском символическом ряде, что выразилось, например, в согласии почти всех политических православных на восстановление советского государственного гимна⁷⁴.

⁷¹ По данным ВЦИОМ, во второй половине 90-х годов религия была связана «с мыслью о своем народе» лишь у 7—8% граждан. См.: Гудков Лев. Структура и характер национальной идентичности в России // Геополитическое положение России, М.: НЛО, 1999. Цит. по: http://www.polit.ru/research/idea/2004/04/05/national_identity.html.

⁷² Там же.

⁷³ См. например: Обращение высокопреосвященнейшего Ювеналия, архиепископа Курского и Рыльского (ко второму всероссийскому монархическому совещанию, Белгород) // Русский вестник. 1995. № 40—41.

⁷⁴ Политическое православие. С. 168—172.

Антилиберализм? Социализм?

По части экономических программ политическое православие крайне нестро, а многие группы вообще не имеют сколько-нибудь внятных представлений⁷⁵. Но всем им свойственно возмущаться социальной несправедливостью реформ 90-х (часто интерпретируя эту несправедливость в этнических терминах). В целом политическое православие не может быть названо левым даже в социально-экономическом плане, так как не выдвигает левых программ, за исключением крайних для данного течения случаев, таких как Сергей Глазьев. В целом политическое православие точнее было бы называть популистским.

Если просуммировать социально-экономический популизм, более или менее артикулированные идеи воссоздания русской империи, этнонационализм (повторимся — в очень разной степени), приверженность «сильной власти» (не у всех), отвержение (полное или частичное) светского государства, общее категорическое неприятие Запада (включая повсеместно уже укоренившиеся идеи антиглобализма), получится достаточно отчетливый портрет движения, направленного против либерализовавшей страну политики конца 80-х — начала и середины 90-х. Политические православные и сами все соглашаются, что либерализм (как бы различно ни толковалось это понятие) является их принципиальным противником.

Это антилиберальное движение естественным образом включает умеренно коммунистический фланг в лице части руководства КПРФ. Оценки советского прошлого разной степени комплиментарности можно найти в высказываниях подавляющего большинства политических православных, даже антикоммунистов. В мировой политике они готовы поддерживать околосоциалистических в идеологическом плане лидеров, таких как Слободан Милошевич, Александр Лукашенко, Саддам Хусейн. Возникает вопрос, не происходит ли в России, а может, и не только в России, интеграция православного и социалистического антилиберальных проектов.

А. Митрофанова убедительно доказывает, что понятие «православной цивилизации» в мире тесно связано не только с пророссийской, но и с социалистической ориентацией⁷⁶. Но эта связь столь отчетливо видна, только если пользоваться, как автор, максимально широким определением политического православия — принимая в него всех, кто апеллирует к

⁷⁵ Там же. С. 110–112.

⁷⁶ Митрофанова Анастасия. Указ. соч. С. 245–252.

православию в политике, что, по нашей классификации, окажется даже шире третьего круга. В таком «широком политическом православии» доминирующими оказываются просоциалистические и одновременно неоевразийские подходы, так что это течение готово включить в свою «православную цивилизацию» фактически всех, кто против Запада⁷⁷.

Широкая интерпретация имеет свой резон с прикладной политологической точки зрения: до недавних пор самой серьезной силой, хоть как-то ориентировавшейся на православие, была КПРФ, да и сейчас основные партийные силы, симпатизирующие политическому православию — либо левые, либо псевдоловоцентристские популисты: КПРФ, «Родина», Народная партия (до слияния с «Единой Россией»).

Если же посмотреть на это с точки зрения самих политических православных, то, как уже говорилось, в их ядре, в первом круге, какая бы то ни было близость с коммунистами, помимо тактической, уже почти не встречается. Последовательные политические православные считают, что их видение будущего страны (и мира) диаметрально противоположно видению коммунистов и вообще левых. Социально-экономический популизм еще не есть социализм. В этом смысле и деятели второго и даже отчасти третьего круга политического православия тоже рассматривают себя как альтернативу коммунистам (в том числе и в форме политической конкуренции «Родины» с КПРФ).

К тому же по мере укрепления путинского режима политический расклад меняется: самые влиятельные покровители православия теперь — «питерские силовики», в целом правоцентристская «Единая Россия» и, может быть, сам Путин (тоже не левый деятель).

Если рассматривать политическое православие как единую систему, в котором вес участника будет определяться и его политическим влиянием, и близостью к ядру системы, то в целом такая система окажется все-таки не левой, не прокоммунистической, а ориентированной на тоже антилиберальный и популистский, но правый, имперско-националистический проект.

Традиционализм? Интегризм?

Выше уже говорилось о том, что политическое православие ориентируется на идеалы прошлого, в основном — XIX века, отчасти — более ранних времен или советского периода. А сами по себе политические апелляции к православию в той или иной степени подразумевают стрем-

⁷⁷ Там же. С. 240–244.

ление увеличить его роль и расширить функции в современном обществе. Означает ли это, что политическое православие — традиционалистское течение?

Сами православные вполне отдают себе отчет в том, что и Церковь, и общество слишком изменились за период советской власти, что полноценная православная традиционность, если и существует, то только в виде небольших изолированных островков. (И к православно-политическому движению это тоже в полной мере относится.) Традиционализм, как непосредственный консервативный импульс сохранить определенную реальность, в России невозможен. Уж скорее можно попытаться представить «консервативную революцию», хотя и попытка прыжка назад не смогла бы вернуть прошлого. Да и революционность почти всем политическим православным чужда. Они предпочли бы плавную ре-эволюцию и к былой роли православия, и к его былому качеству.

Но не все готовы в этой ре-эволюции зайти слишком далеко. Стремление к реальному доминированию в обществе традиционной, то есть не подвергшейся новейшим искажениям, религиозности обычно называют религиозным интегризмом⁷⁸, и к интегризму склонны почти все политические православные первого круга⁷⁹. Но не второго и далее. Да и в первом круге есть весьма серьезное исключение — Московская Патриархия, провозглашающая задачи полной десекуляризации лишь в качестве абстрактного идеала.

Таким образом, про политическое православие в целом нельзя сказать, что оно пропагандирует интегризм. Однако политическое значение движения не исчерпывается его программными целями. Не менее важно направление давления на общество, которое это движение практически осуществляет. Политическое православие, при всем своем внутреннем многообразии, в целом действует именно в направлении более традиционалистского восприятия православия и в сторону все большего влияния последнего на все сферы общественной жизни, к которым политическим православным хватает ресурсов (интеллектуальных и организационных) обратиться. В некоторых сферах пока есть только робкие попытки (в экономике), в других — достаточно настойчивые требования (идея нравственной цензуры с участием Церкви⁸⁰).

⁷⁸ Кудряшова Ирина. Фундаментализм в пространстве современного мира // Политические исследования. 2002. № 1.

⁷⁹ Радикальный вариант: Стеняев Олег, священник. Мудрость небесная и земная. М.: Издательства Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2002. С. 113.

⁸⁰ См. например: Тихон (Шевкунов), архимандрит. Свобода или ограничение в творчестве? // Православие.Ру. 2000. 26 января (<http://www.pravoslavie.ru/jurnal/svoboda.htm>).

Политическое православие, действуя в первую очередь изнутри Церкви, активно предлагает не просто этнонационалистический и имперский, а антисекularный, если можно так выразиться, умеренно-интегриский проект развития России. Национально-имперская реставрация вполне органично вписывается в этот проект, учитывая исторический опыт РПЦ. Подчеркну, что умеренность интегризма заключается не в ограниченности интегриских требований (как у политических православных второго-третьего кругов — Глазьева, Зюганова и т.п.), а в постепенности их выдвижения. И стоит, наверное, оговориться, что эта постепенность есть результат не продуманной тайной стратегии, а собственного внутреннего развития политического православия и Русской православной церкви.

Заключение

Вернемся к модели политического православия как системы, где удельный вес элементов определяется и их политическим значением, и степенью их православности (то есть приоритетом религиозного мотива перед каким-то иным). Понятно, что эта модель весьма приблизительна, но учет «параметра православности» действительно необходим.

Дело в том, что видимые знаки православности того или иного деятеля, той или иной группы, проявляющиеся в первую очередь в содержании, тональности и терминологии политической речи, в кругу политических друзей, даже иногда в манере поведения, значимы и для власти, и для других групп, и для общества в целом. В давно секуляризованной и далеко отошедшей от всякой православной традиционности стране кто угодно может выдавать себя за православного (это порой делали, например, проповедники других религий), кто угодно может ссылаться на православие (а также на русскую культуру, космические энергии и вообще на что угодно), и поэтому теперь включение православности в свой политический образ и свою программу требует некоторых подтверждений (таких же подтверждений требует, скажем, включение коммунистической риторики). В числе таких подтверждений — причастность к Церкви (но не обязательно к ее руководству или вообще к клиру) как естественному месту и критерию православности (повторю: в ортодоксальном христианстве конфессиональную организацию невозможно отделить от личной веры), а также как хранителю «символического капитала» российской культуры, державности и духовности⁸¹. Важно также, что инициато-

⁸¹ Солдатов Александр. Священный «капитал» и его «олигархи» // Отечественные записки. 2001. № 1.

ром и главным двигателем политического православия являются именно церковные активисты.

Рассматривая политическое православие в нашей модели, придется, например, считать, что огромная КПРФ во главе с вовсе неправославными или не слишком православными лидерами занимает место, далеко не пропорциональное своему электоральному потенциалу. А церковные православные националисты имеют больший вес, чем недавно утвердившиеся в православии лидеры РНЕ.

Тогда политическое православие можно описать следующим образом. Во-первых, это достаточно обширный сектор российской политики, но его «центр тяжести» находится далеко от центров власти: симпатизанты православной политики в Кремле сами являются православными политиками в лучшем случае третьего круга, в Думе по большей части — та же картина, хотя и не совсем.

Следовательно, этот сектор по сути своей является латентной оппозицией: в авторитарной системе все, что удалено от ствола «вертикали власти», оказывается оппозицией того или иного рода. И действительно, умеренная часть политических православных мягко оппонировать Кремлю, немало и таких, кто оппонировать очень жестко.

Во-вторых, политическое православие является в некотором смысле альтернативой коммуно-патриотической оппозиции, какой она была в начале и середине 90-х. Та оппозиция была преимущественно левой, даже прокоммунистической, отрицающей либеральные реформы в экономике, но почти не отрицающей либеральную демократию как политический институт, имперской и этнонационалистической (последнее, заметим, не всегда, хотя национал-радикалов и тогда хватало), преимущественно секулярной (по нынешним меркам, Фронт национального спасения 1992—1993 годов или Народно-патриотический союз образца 1996 года вряд ли попали бы даже в третий круг политического православия). Политическое же православие — определенно имперское (но уже без идеи воссоздания СССР), этнонационалистическое (тоже умеренное и со своими радикалами), популистское, но в целом почти не прокоммунистическое, всерьез ставящее под сомнение ценности либеральной демократии (в немалой своей части — очень жестко), последовательно выступающее за десекуляризацию общества (имеющее и в этом смысле своих радикалов).

Это размытое идеологическое описание во многом (но не во всем) напоминает рогозинскую «Родину»⁸², в которой действительно связаны так или иначе многие политические православные. Но нынешняя «Роди-

⁸² См. в этом сборнике статью Марлен Ларюэль.

на» — это лишь прототип широкого национал-популистского движения (в отличие от довольно искусственно созданного «политического проекта», с которого «Родина» начиналась и каковым она во многом пока и остается). Национал-популизм как самостоятельный субъект на российском политическом поле очень перспективен, но находится в еще более зачаточном состоянии, чем политическое православие. По мере внутреннего развития этих двух типов оппозиций⁸³ у них есть серьезный потенциал конвергенции, но все это пока — неопределенное будущее.

Конечно, в России нет такого явления как «православная оппозиция», и, скорее всего, в ближайшем будущем не будет. И не только потому, что у политических православных нет сил. Да, большими политическими успехами группы первого круга похвастаться не могут, но все же парламентские выборы 2003 года прошли для них гораздо успешнее предыдущих. Успех «Родины» (9% голосов у «новичка») резко расширил представительство СПГ в Думе. И даже мелкая радикальная партия «За Русь Святую», которая всю свою агитацию свела к цитированию библейских заповедей (причем делала она это в максимально непривлекательном виде), получила 0,49% голосов, что очень мало, но все же втрое больше, чем результат единственного идеологически сравнимого блока «Русское дело» на выборах 1999 года — 0,17%.

Важнее, что влияние политического православия может расти не за счет создания и успеха оппозиционного движения, а через интеграцию в формирующийся авторитарный режим, в идейном отношении более близкий политическому православию, чем режим 90-х. Но пока самому политическому православию не хватает не только минимального единства, но финансовых, организационных, интеллектуальных ресурсов, чтобы реализовать серьезную наступательную стратегию и в этом направлении.

Найдутся ли такие ресурсы, каковы к этому моменту будут настроения правящих групп элиты (да и что это будут за группы хотя бы через пять лет) — все это пока неизвестно. Так же как нельзя предсказать, как будет развиваться внутренняя динамика в православно-политическом секторе. Ясно, что неизбежно сохранятся акценты на державности и антилиберализме. В случае серьезного кризиса в стране нельзя исключить варианты православно-коммунистической⁸⁴ или фундаменталистской мобилизации⁸⁵.

⁸³ А в полуавторитарном государстве любое реальное движение неизбежно становится оппозиционным.

⁸⁴ Митрофанова Анастасия. Указ. соч. С. 216—217.

⁸⁵ Riesebrodt Martin. Pious Passion. The Emergence of Modern Fundamentalism in the United States and Iran. Berkeley—L.A.—L.: University of California Press, 1998. P. 190—196; Политическое православие. С. 288—291.

Но варианты, акцентированные на этнонационализме и на десекуляризации представляются гораздо более вероятными, как и их сочетание. Есть основания предполагать, что десекуляризация будет играть при этом ведущую роль. Для Патриархии вопрос десекуляризации безусловно приоритетен. Но и для разных групп «православной общественности» акцент на десекуляризации гораздо перспективнее, чем акцент на этнонационализме: по части национализма у них есть более опытные и мощные конкуренты. А гармонично сочетать оба акцента не так уж просто: мешают и различия в концептуальных основаниях православной и националистической (и в этническом, и в державническом смысле слова) политики, и слабая связь религиозной и этнической самоидентификации у наших граждан⁸⁶.

Таким образом, описанный выше «умеренный интегрзм» выходит на первый план как стратегическая линия развития политического православия. Остальные его ключевые свойства — антилиберализм, популизм, национализм — оказываются полезными, но второстепенными.

Галина Кожевникова

Неоимперия АПН

В мае 2004 года начал работу обновленный сайт Агентства политических новостей (АПН.Ру), ставший официальным изданием Института национальной стратегии (ИНС)¹, возглавляемого в то время Станиславом Белковским.

С самого начала АПН складывался как круг публицистов, не приемлющих любые действия или идеологические конструкции, кажущиеся им «либеральными». Со временем этот круг превратился в некий клуб, участники которого видят миссию ИНС в том, чтобы «восполнить вакуум государства»², а стратегические задачи — в «консолидации самого консервативного проекта», который «предполагает не просто выработку пакета идей, а формирование определенной контрэлиты», донесении его до «политизированной массы потенциальных единомышленников, которые ждали его все эти годы», и затем — в донесении и до «аполитичной массы»³. Авторы ресурса готовы не только к критике «либерализма», но и к содержательным предложениям по тем или иным проблемам развития России. Хотя, конечно, такие публикации единичны.

Сразу оговоримся, что объектом анализа данного обзора являются именно публикации сайта АПН, а не воззрения каких-либо его авторов как таковых. Во-первых, это сделало бы задачу необъятной: «Сообщество АПН» — большой круг весьма активных публицистов, объединенных в массу «клубов», каждый из которых имеет собственный интернет-ресурс. Во-вторых, то, что некоторые тексты тех же авторов не публикуется на АПН, заставляет предположить, что по каким-то причинам они не подходят данному ресурсу и, соответственно, рассмотрение их исказит анализ концепции сайта.

Безусловно, большая часть текстов, опубликованных на сайте, являются реакцией на текущие события — недаром одной из составляющих

¹ Не путать с Советом по национальной стратегии. Это две близкие группы, одну из которых (Институт) на июль 2005 года возглавляет Михаил Ремизов, а другую (Совет) — Иосиф Дискин, Сергей Марков и Валерий Хомяков.

² Бутаков Ярослав. Фундаменталистская революция в государстве-цивилизации // Агентство политических новостей (далее — АПН). 2005. 28 апреля (http://www.apn.ru/index.php?chapter_id=135&data_id=351&do=view_single).

³ Интервью с Михаилом Ремизовым — президентом Института Национальной Стратегии // Правая.Ру. 2005. 17 мая. (<http://www.pravaya.ru/word/586/3278>).

⁸⁶ По данным ВЦИОМ, во второй половине 90-х годов религия была связана «с мыслью о своем народе» лишь у 7–8% граждан. См.: Гудков Лев. Структура и характер национальной идентичности в России // Геополитическое положение России, М.: НЛО, 1999. Цит. по: http://www.polit.ru/research/idea/2004/04/05/national_identity.html

его является условная новостная лента (принцип построения которой, к сожалению, непонятен). Привязанность авторских текстов к текущим событиям довольно сильно снижает аналитический компонент ресурса, усиливая его пропагандистскую составляющую. Это впечатление еще более усиливается, когда понимаешь, что те же самые авторы, которые в одних своих публикациях призывают к реалистичности, взвешенности и какому-то сверхпрагматизму во многих вопросах (см. ниже), в других весь этот прагматизм и сдержанность утрачивают⁴.

И тем не менее, претензии АПН на концептуальность небезосновательны. В основном это выражается в рамках рассуждений об имперской идее.

Россия — империя / неоимперия / постимперия

Подавляющее большинство авторов ресурса — сторонники имперской идеи. Для авторов сайта она однозначно позитивна и естественна. Эта идея является канвой, внутри которой существуют практически все публикации ресурса. Иногда создается впечатление, что имперские амбиции США осуждаются лишь постольку, поскольку они вступают в конфликт с «имперскостью» России. Возвращение России «имперской идентичности» является необходимым условием, залогом успешности всех дальнейших действий государства и на внешне-, и на внутривнутриполитической арене.

Основными частями «имперскости», которой Россия на сегодняшний день не обладает, но к которой обязана стремиться, являются:

- а) жесткая авторитарная власть, диктатура и тесно связанное с этим
- б) подавление центробежных тенденций в рамках существующих государственных границ;
- в) лидирование на постсоветском пространстве, в том числе в виде покровительства непризнанным государствам, которые должны превратиться в подобие британских доминионов. В далекой же перспективе возможно восстановление государства в границах СССР;
- г) возвращение России статуса великой державы на международной арене.

Это выглядит как последовательная стратегическая программа развития «Империи России». Другое дело, что на более детальном уровне столь же явной последовательности у идеологов АПН нет.

⁴ См., например, обращение: Казнь российских офицеров подрывает авторитет власти // АПН. 2004. 25 июня (http://www.apn.ru/index.php?chapter_name=events&data_id=136&do=view_single). Подписи под документом в настоящее время, к сожалению, отсутствуют, но в свое время обращение подписали практически все авторы ресурса.

Нет, например, единства во мнении, какими должны быть границы авторитаризма. Спектр предложений здесь довольно широк. От опасений, что его (авторитаризма) чрезмерность не оставляет другого выхода для выплеска протестной энергии, кроме террора⁵, до осуждения того, что путинские «стратегия и идеология ... не отделены от технологии проведения этой политической линии в формах и рамках существующих правил: конституционности, демократии и примата экономической свободы»⁶. От напоминаний, что в 1917 году «революция произошла потому, что системы вертикальной мобильности, присущие закосневшему царскому режиму, перестали работать»⁷, до рассуждений о том, что «верховная власть в государстве должна быть едина, и ... этой власти следует сосредотачиваться в руках одного лица, а не многоголового собрания и не узаконенной олигархии»⁸ и призывов «при отсутствии монархии и монархических традиций» обратиться «к теории и практике корпоративной модели социальной организации и политического представительства» (по классическому, разумеется, образцу фашистской Италии)⁹.

Нет и единства мнений в том, каким образом Россия может быстро и (главное!) не используя военную силу вернуть себе статус великой державы. Нельзя не отметить, что именно во внешнеполитическом блоке публикаций АПН имперский синдром проявляется в полной мере: здесь можно встретить полный набор пренебрежительных, уничижительных, откровенно оскорбительных высказываний в адрес государств и международных организаций: «торгашеская и политиканствующая Франция»¹⁰, «хулиганы из политической подворотни»¹¹, «всякая мелкая международная шпана»¹² и т.д., и т.п.

⁵ Черняховский Сергей. Сезон охоты на чубайсов? // Там же. 2005. 22 марта (http://www.apn.ru/index.php?chapter_id=135&data_id=298&do=view_single).

⁶ Аверьянов Виталий. О путинском стиле боевых искусств // Там же. 2005. 8 июля (http://www.apn.ru/index.php?chapter_id=135&data_id=82&do=view_single).

⁷ Святенков Павел. Сто дней тому вперед // Там же. 2005. 8 июля (http://www.apn.ru/index.php?chapter_id=135&data_id=81&do=view_single).

⁸ Бутаков Ярослав. Наказание властью // Там же. 2005. 11 февраля (http://www.apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=366&do=view_single).

⁹ Он же. Государство-корпорация на службе государства-цивилизации // Там же. 2005. 15 апреля (http://www.apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=444&do=view_single).

¹⁰ Он же. Если Франция сказала «НЕТ», значит, она сказала «ДА» // Там же. 2005. 31 мая (http://www.apn.ru/index.php?chapter_id=135&data_id=383&do=view_single).

¹¹ Черняховский Сергей. Кто будет резать ослиные уши? // Там же. 2005. 25 мая (http://www.apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=502&do=view_single).

¹² Филиппов Александр. В Греции их называли варварами // Там же. 2005. 12 апреля (http://www.apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=437&do=view_single).

Однако именно в рамках темы «Империя Россия» нам встретилось две позитивные программы, определяющие направления деятельности государства для преодоления центробежных тенденций и занятия доминирующих позиций на постсоветском пространстве.

Одна из них — по преодолению кризисной ситуации на Кавказе, разработанная в основном в статьях Сергея Маркедонова¹³.

Регулирование конфликтных ситуаций на Северном Кавказе, то есть внутривнутриполитическая проблема России, должно определяться четкой политической волей без оглядки на международное сообщество. При этом ни у кого не должно возникать сомнений в том, что на жесткость реализации этих мер невозможно тем или иным способом повлиять.

Во-первых, построение политики в регионе должно быть направлено не на укрупнение регионов, а на деэтнизацию власти в так называемых национальных республиках — только это позволит проводить там реальную политику в рамках общероссийского законодательства.

Во-вторых, власть, признав преступность депортации народов Сталиным, должна отказаться от идеи адекватного восстановления «исторической справедливости», особенно в вопросе территорий (это, в частности, касается осетино-ингушского конфликта): «Сегодня любое территориальное изменение на Северном Кавказе создаст опасный прецедент для тотального «черного передела», способного взорвать весь Юг России»¹⁴.

В-третьих, «отказывая в удовлетворении каких-либо территориальных «реваншистских» требований, Кремль в то же время должен четко зафиксировать нетерпимость по отношению к этническим чисткам. Любая республика (даже пророссийская Северная Осетия) не должна строиться на основе принципа этнической собственности на землю. Обеспечение возвращения вынужденных переселенцев-ингушей в Пригородный район и гарантий их личной безопасности при безусловном сохранении территориальной целостности Северной Осетии должно стать приоритетной задачей российской политики в регионе»¹⁵.

В-четвертых, надо, наконец, перестать представлять ситуацию на Северном Кавказе как череду отдельных криминальных, террористических проявлений. Признать терроризм социальным явлением (причем не

¹³ Подборку статей Сергея Маркедонова см.: http://www.apn.ru/index.php?chapter_id=136&data_id=39&do=view_single

¹⁴ Маркедонов Сергей. Еще один детонатор для Юга России // АПН. 2005. 29 марта (http://www.apn.ru/?chapter_name=print_advert&data_id=420&do=view_single).

¹⁵ Там же.

«глобальным» и не «международным», иначе масштабность задач парализует всю деятельность, а внутривнутриполитическим, пусть и подпитываемым извне, но в подавляющем объеме стимулированным внутренними проблемами) и переориентировать свои действия с «войны с террором» на «принуждение к миру».

И, наконец, в-пятых, неукоснительно соблюдать принципы секулярности и неизбирательности закона в борьбе с терроризмом, экстремизмом и ксенофобии: «Светскому государству необходимо реагировать не на религиозные ярлыки, а на политическую сущность того или иного социального явления. Не дело властей разбираться, что предпочтительнее для правоверного мусульманина — почитать духовных наставников и поклоняться святым местам или бороться с пережитками «языческого» поклонения могилам. Дело государства — вовремя пресекать террористические акты, жестко и если потребуется, то жестоко противодействовать ксенофобии и радикализму, от кого бы они ни исходили. В данном случае речь идет о соблюдении пресловутой равноудаленности»¹⁶.

В отличие от Северного Кавказа, закавказская политика должна строиться по совершенно иным принципам. Южный Кавказ — проблема уже не внутри-, а внешнеполитическая, как бы ни было обидно это признавать сторонникам России-Империи. И для возвращения былого влияния необходимо забыть об имперских амбициях, по крайней мере на время. Надо при этом оговориться, что С. Маркедонов — едва ли не единственный автор АПН, который не демонстрирует имперских амбиций и выступает как здравый, рациональный эксперт, ориентированный на то, что его предложения в стратегической перспективе должны привести к укреплению позиций России на постсоветском пространстве и способствовать ее возрождению как великой державы, покровительствующей «малым» государствам.

Рациональная, очищенная от излишней (даже истерической) эмоциональности картина ситуации в Закавказье выглядит следующим образом:

1. «Сегодняшний Юг Кавказа — это не «каноническая территория» российской дипломатии. Но это и не вотчина какого-либо государства». Это пересечение сферы интересов множества государств, в первую очередь Европы. И при этом интересы эти в основном не приоритетны.

2. Азербайджан и Грузия объективно заинтересованы в приходе новых внешнеполитических игроков на южнокавказский дипломатический театр.

¹⁶ Он же. Об истинном и ложном ваххабизме // Там же. 2005. 24 февраля (http://www.apn.ru/?chapter_name=print_advert&data_id=380&do=view_single).

3. США не стремятся войти в эту игру — регион не входит в сферу ближайших интересов Америки. Однако они не сопротивляются явно выраженному интересу Грузии и Азербайджана.

4. Никакого реального противодействия со стороны России этому процессу нет, поскольку на сегодняшний день она не обладает **никакими** ресурсами для удержания имеющихся позиций.

5. Единственным рычагом влияния, которым еще обладает Россия в регионе, является дипломатия (см. п. 1). Однако этот рычаг не используется или используется настолько бездарно, что не усиливает, а наоборот, ослабляет позиции страны в регионе. В качестве примера неэффективного решения проблемы С. Маркедонов приводит вопрос о военных базах в Грузии, когда российская сторона действовала по принципу «все или ничего», в результате не получив ничего. В то время как правильнее было отказаться от базы в Абхазии, утратившей для России какое-либо значение после падения режима Абашидзе, но бороться за базу в Ахалкалаки, потеря которой означает не только политическое и дипломатическое поражение России, но и «окончательную растрату кредита доверия у армян всего Закавказья». А между тем, по мнению автора, «проблему Ахалкалаки можно и должно было представить не как российско-грузинский конфликт, а как проблему грузино-армянских отношений», в котором Россия выступает в качестве посредника.

Второй довольно четко сформулированной программой являются предложения по вопросу о восстановлении доминирующей роли России на постсоветском пространстве. Основным вектором влияния, по мнению авторов АПН, здесь должны стать непризнанные государства на территории СНГ. Тема непризнанных государств была актуализирована событиями в Грузии и постепенно сошла на нет, вероятно, из «соображений политического момента». Однако сформулированная тогда позиция, видимо, осталась неизменной — поскольку некоторые авторы в завуалированной форме до сих пор обращаются к статьям годичной давности¹⁷.

Собственно, вопрос внешнеполитической деятельности, эффективности дипломатии в деле возрождения России как великой державы и, в частности, как лидера постсоветского пространства является второй позитивной программой, которую нам удалось увидеть в публикациях ресурса.

¹⁷ См. например, Милитарев Виктор. Правозащитная империя // Там же. 2004. 22 июня (http://apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=49&do=view_single); он же. Какая внешняя политика нам нужна // Там же. 2005. 23 мая (http://www.apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=497&do=view_single).

Диапазон рассуждений о непризнанных государствах колеблется от общетеоретических статей, выдвигающих тезисы типа «за последние десять лет ... по большому счету все государства (за исключением пока еще мирового суверена) стали непризнанными»¹⁸, до сочувственных «репортажей с мест», в которых, например, не только открыто признается, но и оправдывается потворство российских миротворцев контрабанде в Осетии («жалко же людей, последнее у них отбирают...»¹⁹). Все пишущие на эту тему авторы сходятся во мнении, что непризнанные государства — результат развала потсдамско-ялтинской системы и системы колоний, а также двойственности международного права, в котором одновременно заложены нерушимость государственных границ и право наций на самоопределение.

Между тем проблема непризнанных государств на территории России (а именно о них мы будем говорить в дальнейшем) осложнена еще и тем, что эти непризнанные государства ориентированы на империю которой ныне не существует — СССР, «однако Россия... отказалась от советской идентичности»²⁰. Соответственно, чтобы обрести официальный статус защитницы этих территорий, Россия должна «откровенно причислить себя к бывшим колониальным империям, тем самым зафиксировать свой постимперский статус, ...объявив Содружество независимых государств полноценным аналогом Британского Содружества наций»²¹.

По мнению АПН, стремление непризнанных государств на территории СНГ к суверенитету необходимо однозначно поддерживать всеми рычагами влияния, которые имеются в распоряжении России. Если нет возможности поддержать «непризнанное государство», необходимо поддерживать «непризнанный народ».

В то же время эти территории ни при каких обстоятельствах нельзя делать предметом политического торга с государствами, на которых эти территории находятся: это может быть расценено как политическое предательство. Подробное постоянство укрепит уверенность в стабильности партнерских отношений с Россией и позволит не только сохранять на этих тер-

¹⁸ Солозобов Юрий. Пираты XXI века // Там же. 2004. 8 июня (http://apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=34&do=view_single).

¹⁹ Амелина Яна. Тревожное спокойствие Южной Осетии // Там же. 2004. 18 июня (http://apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=43&do=view_single).

²⁰ Святенков Павел. «Осколочные государства» как модель постколониального контроля // Там же. 2004. 8 июня (http://apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=32&do=view_single).

²¹ Межуев Борис. Дело принципа // Там же. 2004. 22 июня (http://apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=48&do=view_single).

риториях пророссийски настроенные политические элиты, но и воспроизводить их в дальнейшем. Кроме того, такая политика привлечет на сторону России и признанные «малые государства», которые на сегодняшний момент являются разменными фигурами в политике великих держав.

Параллельно неплохо было бы (но не обязательно) решить проблему политического/этнического сепаратизма на территории собственной страны (см. выше).

Выбор такого пути накладывает на Россию довольно жесткие обязательства. Россия должна быть готова к одностороннему признанию непризнанных государств на территории СНГ, либо, при невозможности этого, к борьбе за непереносимое посредничество при переговорах об их интеграции в состав государств СНГ на условиях широкой автономии. Это станет своего рода «гражданской амнистией» для этих территорий, которую они заслужили самим фактом своего длительного суверенного существования (по аналогии с Восточным Тимором).

Россия должна быть готова к сверхпрагматичному, вплоть до отрицания целого ряда гуманистических принципов, подходу к решению этноконфессиональных проблем на территории непризнанных государств, например, к признанию невозможности возвращения на их территорию беженцев²².

И, наконец, Россия должна выступить инициатором пересмотра международного права с целью отказа от права наций на самоопределение как «от заложенной в фундамент любого государственного порядка мины замедленного действия»²³. Это позволит вывести проблему из разряда одной из внутренних проблем Содружества на международный уровень, а Россию — как инициатора — на роль лидера процесса. При этом принципиально важно проводить ревизию международного права **после** «гражданской амнистии» непризнанных государств.

Необходимость реализации этих шагов позволит переориентировать современную российскую дипломатию с грубого и неэффективного курса, направленного на сотрудничество только с официальными властями государств-партнеров и переговоры исключительно с великими державами, на политику которых Россия в настоящее время объективно влиять не в состоянии, на более тонкую деятельность.

Деятельность эта будет заключаться, во-первых, в организации самостоятельной политики в отношении с «малыми» государствами; во-вторых, в работе не только с официальными властями, но и с оппозицией, внутри которой таким образом создается возможность формирования пророссийски настро-

²² Милитарев Виктор. Правозащитная империя ...

²³ Межуев Борис. Дело принципа ...

енных сил; в-третьих, в постепенном формировании вокруг России блока «малых государств» а-ля Движение неприсоединения (авторы называют это «новый второй мир»). Блока, который поможет восстановить биполярную систему мира и выведет Россию на доминирующие мировые позиции.

На наш взгляд, подобная программа крайне утопична. Однако при очевидном отсутствии у власти каких-либо внятных внешнеполитических концепций, она, по крайней мере, может быть предметом обсуждения.

Россия — этнонационалистическая цивилизация

Еще одним программным предложением АПН является ревизия государственного устройства и Конституции России.

Действующая российская Конституция авторам АПН не нравится. Это практически общее место, неоднократно продекларированное в публикациях сайта. Идея изменения основного закона, которая за время существования ресурса несколько раз становилась предметом общественной дискуссии, находила в сообществе АПН активную пропагандистскую поддержку.

А в феврале 2005 года новый руководитель Института национальной стратегии Михаил Ремизов опубликовал «Концепцию государства-цивилизации и учредительные принципы нового строя»²⁴. Основные принципы «Концепции» таковы: Россия отказывается от осознания себя европейским государством-нацией. Этот способ самоопределения государства отвергается как нежизнеспособной в современных условиях и не соответствующей исторической России, которая «не входит в ядро того цивилизационного проекта, с которым связаны принципы Просвещения и французской революции».

Россия должна самоидентифицировать себя как «государство-цивилизация». Это означает, что

«- Россия складывалась не как «гражданская нация», а как исторический проект определенного союза народов, ядром которого являются русские;

- Россия составляет часть международной системы, но, во-первых, абсолютно не зависит от нее в смысле своей легитимности, во-вторых, рассматривает себя как гарант стабильности на постсоветском пространстве, т.е. стремится к

²⁴ Ремизов Михаил. Проект «Государство-цивилизация»: Концепция государства-цивилизации и учредительные принципы нового строя // АПН. 2005. 9 февраля (http://www.apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=362&do=view_single).

оформлению локальной международной системы, внутри которой она сама могла бы выступать легитимизирующим центром; – Россия не является государством, берущим исток во французской революции и не признает верховенства ее принципов. Она является локальной цивилизацией с собственными культурно-географическими константами».

В соответствии с этим представлением о России предлагается изменить Основной закон, положив в его основу следующие базовые принципы.

1. Принцип разделения власти и управления. В соответствии с ним президент является некоей надвластной структурой, центром общества и «в некотором смысле центром земного мира, гарантом правового и нравственного порядка», практической справедливости (в виде его права на формирование судебной, надзорной и контрольно-ревизионной власти), суверенитета (в виде права на введение чрезвычайного положения, главнокомандования вооруженными силами страны и т.п.) и общественно-патриотического консенсуса (в виде права инициирования референдума). Временными рамками полномочия президента не ограничены. По мнению М. Ремизова, это соответствует духу «народной монархии». Здесь стоит оговориться, что мы рассматриваем это как концептуальное предложение, не связанное с личностью нынешнего президента России. Об отношении к В. Путину будет сказано ниже. При этом сохраняется разделение властей, а правительство назначается парламентом.

2. Принцип неделимости и неотчуждаемости суверенитета. Этот принцип призван, во-первых, положить конец региональному сепаратизму внутри страны путем ликвидации ограниченных суверенитетов субъектов федерации с замены их на политическое участие в общефедеральном правлении. Во-вторых, он призван гарантировать нам защиту от проектов наднациональной интеграции и наднационального контроля и предусматривает вывод России из-под юрисдикции внешних правовых инстанций путем провозглашения приоритета конституционного права над международным.

3. Верховенство «гражданской свободы» над «правами человека». Фактически провозглашает примат государственных интересов (включающих в себя интересы «гражданина») над индивидуальными интересами и правами.

4. Правосубъектность народов. Русский народ в союзе с коренными народами России должен быть признан государствообразующим субъектом. «Этот союз рассматривается как открытый для всех народов исторической России (территория Российской империи и СССР)».

5. Принцип государства-убежища, когда «гражданами России априори признаются представители всех коренных народов страны, не имеющих государственности вне России».

6. Институт ассоциированного членства. Россия может стать ядром и руководителем альтернативного наднационального образования, способствующего «добровольному воссоединению братских народов исторической России», на правах ассоциированного членства. Проще говоря, Россия может расширить свою субъектность в границах СССР.

7. Принцип общенациональной собственности на землю, воздух и недра.

8. Публичный статус традиционных конфессий – православия, ислама, буддизма, иудаизма. При сохранении принципов свободы совести и разделения церкви и государства традиционные конфессии «пользуются поддержкой государства и могут вступать с ним в отношения конкордата в рамках определенных сфер социализации граждан».

М. Ремизов отмечает, что это лишь предварительный проект, нуждающийся в доработке. Однако если рассматривать его не как отдельную публикацию, а как результат коллективного творчества сообщества АПН, эта концепция становится еще более угрожающей.

Практически все положения «Концепции» в той или иной степени имеют отсылки к различным публикациям, в свое время появившимся на АПН. В первую очередь, к материалам, идеологически обосновывающим приемлемость для России модели государства фашистского типа. Италия Муссолини или гитлеровская Германия выступают в них образцами если не всего государственного устройства, то по крайней мере некоторым позитивным опытом, конструкцией, частью механизмов которой приемлема для российской государственной машины. И сторонниками этой точки зрения на сайте выступают не только Станислав Белковский или сознательно не упомянутые в этом обзоре такие радикальные авторы, как Александр Елисеев или Егор Холмогоров с Константином Крыловым. Подобные рассуждения можно встретить и в других статьях. Это и экономические выкладки, и рассуждения о том, что в отношении русских уже реализуются проекты «уничтожения носителей культуры» и «ассимиляции местной культуры пришельцами»²⁵. Наконец, это откровенно расистские рассуждения о «русскости» как «этногенетической категории»²⁶.

Таким образом получается, что на сайте, претендующем на консолидацию политически активной консервативной элиты, открыто и активно об-

²⁵ Богацкий Игорь. Национал-либерализм: от открытого общества к экономике суверенитета // Там же. 2004. 17 июня (http://www.apn.ru/index.php?chapter_name=advert&data_id=41&do=view_single); Помренин Константин. Непризнанные строители империи // Там же. 2005. 28 июня (http://www.apn.ru/index.php?chapter_name=advert&data_id=547&do=view_single).

²⁶ Бутаков Ярослав. Что важнее – государство или нация // Там же. 2005. 1 февраля (http://www.apn.ru/index.php?chapter_id=135&data_id=239&do=view_single).

суждаются проекты государственно-политического устройства России если не откровенно фашистского толка, то сильно смахивающие на таковые.

К счастью, как и в случае с «Крепостью Россией» Михаила Юрьева²⁷, эти рассуждения, представленные в качестве интеллектуальных упражнений, пока остаются в вакууме и не обсуждаются в более широкой, отличной по составу от АПН, аудитории. Кстати, возможно, публичное неприятие концепции М. Юрьева С. Белковским (напомним, он назвал «Крепость Россию» провокацией) обусловлено «борьбой за территорию». Однако в отличие от юрьевской «Крепости» представленный АПН проект — не одиночная статья, а целый цикл взаимосвязанных систематических публикаций, дополненных к тому же попыткой (к счастью, неудачной) создания политического движения — в виде «Корпорации православного действия» С. Белковского²⁸.

В остальных публикациях авторы АПН выступают все-таки не как идеологи, а как типичные пропагандисты. Например, они активно артикулируют идею антироссийского заговора, который является если не единственным, то одним из ведущих глобальных проектов внешнеполитических партнеров России во главе с США («волна «бархатных революций» на постсоветском пространстве оказалась запущена именно в тот момент, когда США начали испытывать острый кризис «мирового лидерства» в связи с покорением нефтяного Ирака»²⁹). Впрочем, некоторые авторы сами обращают внимание на непродуктивность регулярной апелляции к конспирологии:

«Не то чтобы мы не верили в заговоры погубителей России. Легкомысленное отношение к заговорам, к счастью, уже изжито. Но ссылки на них методологически непродуктивны, ибо от постоянного использования объяснительный механизм истирает-ся и, будучи применен ко всему, не объясняет ничего»³⁰.

Отсутствуют внятные экономические взгляды. Более или менее аргументированные статьи начали появляться лишь с 2005 года — возможно, далее эта линия усилится. А до этого из «экономических обзоров» АПН можно было понять лишь то, что АПН категорически не приемлет деятельность экономического блока правительства и лично Германа Грефа. Все,

²⁷ Юрьев Михаил. Крепость Россия // Новая газета. 2004. 15–17 марта.

²⁸ Презентация Корпорации Православного Действия // Религия в светском обществе. 2005. 10 марта (<http://religion.sova-center.ru/events/13B7354/1472C11/3F7743D>).

²⁹ Ремизов Михаил. Неоколониальная революция: осмысление вызова // АПН. 2004. 29 декабря (http://www.apn.ru/index.php?chapter_name=advert&data_id=317&do=view_single).

³⁰ Филиппов Александр. В Греции их называли варварами...

что исходит оттуда, экономическими обозревателями сайта однозначно отвергается. Отражает это реальные экономические воззрения или личную неприязнь к конкретной группе лиц, сказать довольно сложно. Удивительно, но до 2005 года невозможно было определить отношение авторов сайта к идее монетизации льгот; ясно было только, что оно — настороженное. Что вызывало настороженность — идея как таковая или же законопроект в том виде, в котором он предлагался Государственной Думой³¹, — так и осталось загадкой. А вот в 2005 году стало ясно, что АПН против монетизации — в первую очередь потому, что она «подставила» президента.

Но наиболее ярко пропагандистский потенциал сайта вырисовывается в публикациях АПН-овской «путинианы».

Путиниана: пропаганда и манипуляция

Абсолютное большинство публикаций сайта «президентоцентрично». Именно президент В. Путин рассматривается как единственный легитимный и дееспособный носитель власти. «Путиноцентричность» проявляется даже в заголовках: «О путинском стиле боевых искусств», «Генсек Владимир Грозный», «Пражская весна» Владимира Путина — это заголовки, взятые с сайта наугад. А вот С. Белковский, например, в 9 из 15 своих публикаций на АПН использовал фамилию действующего президента России.

Власть президента В. Путина (а не президента России вообще) равнозначна власти монарха: «Нет для России бедствия страшнее, чем исчезновение царя»³². Все удачные шаги — результат исключительно его достоинств. Все неудачи — результат некомпетентности подчиненных или сознательная диверсия, заговор, «подстава» («Никакой иной цели, кроме дискредитации главы государства у инициаторов монетизации льгот быть не могло»³³, «эти авантюры ... компрометируют Путина»³⁴).

Право на подобное восприятие В. Путин получает исключительно как «сильный» правитель. Ни Б. Ельцин, ни тем более М. Горбачев этого права не имеют³⁵.

³¹ Басов Олег. Сто дней Фрадкова // АПН. 2004. 16 июня (http://www.apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=40&do=view_single).

³² Белковский Станислав. Одиночество Путина-3 // Там же. 2004. 7 сентября (http://www.apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=164&do=view_single).

³³ Милитарев Виктор. Экзамен для Путина: Правильные ответы // Там же. 2005. 19 января (http://www.apn.ru/index.php?chapter_id=135&data_id=223&do=view_single).

³⁴ Черняховский Сергей. Сезон охоты на чубайсов?..

³⁵ Он же. Он ничего не понял и ничему не научился // АПН. 2005. 15 марта (http://www.apn.ru/index.php?chapter_id=135&data_id=291&do=view_single).

Один из ключевых моментов «путинианы» — вопрос о легитимности путинской власти. И эту легитимность действующий президент приобретает не избранностью в рамках существующего законодательства, а исключительно силой.

Путин в презентации АПН — одинокий вождь, обладающий почти сакральной властью («мандатом Неба»³⁶), твердо идущий по избранному им стратегически оправданному (однако никому постороннему не понятному) пути. И проблема заключается не в том, что путь этот зачастую антиконституционен, а в том, что действия свои Путин пытается как-то объяснить, оправдать, причем используя «формы и рамки существующих правил: конституционности, демократии и примата экономической свободы»³⁷. Этими объяснениями он покусается на собственную сакральность.

При этом путиноцентричность не означает, что авторам сайта видится в президенте идеальный правитель. Но опять-таки, разрушению идеала способствуют лишь проявления слабости: от позволения себя «подставить» нерадивыми подчиненными до либерально-демократической риторики, которая иногда нет-нет да и проскользнет в его выступлениях. Эта слабость является непростительной, хотя и неизбежной.

Тема «хромой утки» — слабого президента, дорабатывающего свой срок, появляется буквально с первых дней существования АПН, постепенно усиливаясь — вплоть до сравнения нынешнего Путина с поздним Ельциным³⁸. Это явное противоречие с апологетикой Путина создает впечатление легкой шизофрении и неизбежно вызывает желание разобраться, что же хотят сказать авторы сайта. Ведь постоянно твердя о неизбежности ухода Путина («уход кремлевского патрона предопределен»³⁹), сами АПН-овцы вески доводов в пользу этого утверждения не приводят. Более того, они постоянно констатируют отсутствие хоть сколько-нибудь значимой альтернативы Путину.

Есть и еще один нюанс: тема президентства В. Путина тесно связана с тем, что, как, видимо, и большинство современных российских публицистов и политтехнологов, авторы АПН полностью отказывают «народу» (любому, в том числе и россиянам) в наличии у него какой-либо

³⁶ Святенков Павел. Путин исчерпал Мандат Неба // АПН. 2004. 23 декабря (http://www.apn.ru/index.php?chapter_name=advert&data_id=307&do=view_single).

³⁷ Аверьянов Валерий О путинском стиле...

³⁸ Черняховский Сергей. Помню все твои трещинки // Там же. 2005. 19 января (http://www.apn.ru/index.php?chapter_id=135&data_id=221&do=view_single).

³⁹ Он же. Жизнь не заканчивается в 2008 году // Там же. 2005. 15 апреля (http://www.apn.ru/index.php?chapter_id=135&data_id=331&do=view_single).

политической и гражданской воли. Все события рассматриваются исключительно как результат манипуляции «массами», борьбы политических элит между собой. А народ, выражающий свое мнение (как на Украине), представляется в виде «нездоровой части общества» и «нескольких десятков тысяч уличных хулиганов»⁴⁰. В России эта борьба осуществляется у подножия трона, с которого на это все взирает «сакральный», но слабеющий, и в связи с этим практически не вмешивающийся в драку президент.

Впрочем, неумелое манипулирование, безусловно, может привести к тому, что ситуация выйдет из-под контроля. И поэтому есть все основания опасаться «оранжевой революции» в России (этот страх, граничащий с кликушеством, совершенно явно прослеживается в публикациях АПН). Так, например, справедливо замечая, что успех одной «оранжевой революции» порождает другую, С. Черняховский выражает уверенность в том, что «субъект переворотов (США — Г.К.) вполне может и затормозить действие своих новых сценариев. Но сегодня процесс может обойтись и без него», и «назначает» переворот в России на 2007 год⁴¹. М. Ремизов оценивает результат «бархатных революций» как «сломя инерции и выход на сцену мобилизованного массового субъекта. Или выкатыванием на сцену его муляжа...»⁴² (курсив наш — Г.К.).

Правда, неумелое манипулирование возможно, по всей видимости, лишь при «слабой» власти, например, во Франции, где была отвергнута Евроконституция («Соблазнительно было бы считать, что референдум стал стихийной народной реакцией отторжения глобалистского проекта... Но пока нет серьезных оснований считать, что происшедшее было чем-нибудь большим, чем тактическим маневром части французской политической элиты»⁴³). Для того чтобы остановить процесс сползания в революцию, Путина надо усилить. И создается впечатление, что авторы АПН, презентуя себя сторонниками сильной сакральной власти, фактически навязывают себя читателям в качестве альтернативы неумелым манипуляторам, без усталости подставляющим президента и ведущим страну к катастрофе 2008 года, которая «снаружи» будет выглядеть (ибо «на самом

⁴⁰ Он же. Не «переговоры» рожают власть // Там же. 2004. 19 ноября (http://www.apn.ru/index.php?chapter_id=135&data_id=180&do=view_single).

⁴¹ Он же. Сделай сам // Там же. 2005. 30 марта (http://www.apn.ru/index.php?chapter_id=135&data_id=311&do=view_single).

⁴² Ремизов Михаил. Неоколониальная революция: осмысление вызова // Там же. 2004. 29 декабря (http://www.apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=317&do=view_single).

⁴³ Бутаков Ярослав. Если Франция сказала «НЕТ»...

деле» это все равно будет война элит) либо как гражданская война, либо как революция.

При этом авторы АПН настаивают на том, что нынешняя элита дефектна и ее жизненно необходимо ротировать, заменив на элиту, которая «сможет не только купаться в привилегиях власти, но и нести ее бремя». Если они имеют в виду себя, то, похоже, АПН готовит общественное мнение к своему активному участию в политическом процессе, как минимум, в роли наследника идеологического отдела ЦК КПСС. Будут ли реализованы эти амбиции, сейчас сказать сложно. Однако, учитывая явную готовность авторов АПН ответить на уже сформировавшийся запрос на государственную идеологию, включающую в себя и авторитаризм, и патриотизм и «имперскость», их активность и относительную оперативность (насколько это слово может подходить к процессу выработки концептуальных решений), подобные претензии не кажутся безосновательными.

Правда, все предлагаемые АПН программы имеют одну общую черту — несмотря на всю свою «концептуальность», они все же не предваряют те или иные события, а следуют за ними, подлаживаются под текущий момент. Они ориентируются на настроения, которые, в представлении сообщества АПН, господствуют в элитах и обществе, а не формируют их. В этой ориентированности на сиюминутность они, безусловно, являются пропагандой. Более цельной и искусной, нежели у разрозненных публицистов, причисляющих себя к новым российским консерваторам, но все же пропагандой. Этот «пропагандизм» объективно вредит имиджу, который АПН пытается поддерживать — имиджу значимости, влиятельности своих авторов.

Невозможно отрицать, что разработки авторов АПН являются примером достаточно цельных и конструктивных предложений, на которые так бедна сегодняшняя идеологическая (причем не только «государственно-патриотическая», но и так называемая либеральная) «поляна». Только «конструктив» этот, на наш взгляд, довольно непривлекателен: жесткая авторитарная диктатура президента с неограниченным сроком правления, построенная на манипуляции элитами и отказывающаяся гражданам страны в политической и гражданской инициативе; полное отсутствие экономической программы; этнонационализм; приоритет государственных интересов над правами человека; изоляционизм и стремление к экспансии в границах СССР.

Александр Верховский

Романтика и прагматика либерального консерватизма

Эта статья начала готовиться более года назад как статья о «Серафимовском клубе»¹. За это время клуб практически прекратил свое существование, его основные участники во многом разошлись друг с другом. Сегодня, наверное, эта статья — уже не о клубе, а о журнале «Эксперт».

За последний год части персонажей статьи удалось пройти определенный путь от публицистики к участию в практической политике. Статья, однако, не столько о политике, сколько об идеологии, поэтому я решил ее не переписывать полностью, а только сократить и дополнить в соответствии с теми переменами, которые произошли за последний год.

Рождение клуба

Основополагающий меморандум «Серафимовского клуба»², представленный публике 15 января 2003 г., подписали популярные публицисты Михаил Леонтьев и Максим Соколов и руководители журнала «Эксперт» Александр Привалов (генеральный директор и научный редактор) и Валерий Фадеев (главный редактор). Кроме этих людей, специализирующихся в политике и экономике, в состав клуба вошли кинодеятели Алексей Балабанов и Сергей Сельянов, создавшие, среди прочего, «Брата», «Брата-2» и «Войну». Чуть позже примкнули Андрей Быстрицкий, заместитель председателя ВГТРК, и Константин Ремчуков, тогда депутат Думы от Союза правых сил. Председателем клуба стал Александр Привалов.

Все политические участники клуба в недавнем прошлом — известные деятели «либерально-демократического лагеря» (политическая идентификация Балабанова и Сельянова не столь очевидна, да не столь

¹ Первоначальная версия была в сокращенном виде опубликована: Верховский Александр. «Серафимовский клуб». Романтика либерального консерватизма // Неприкосновенный запас. 2004. №5. С. 26–35.

² Леонтьев Михаил, Привалов Александр, Соколов Максим, Фадеев Валерий. От политики страха к политике роста // Эксперт. 2003. 15 января.

важна: они не выступают, за них говорят их фильмы, о которых немало уже написано³). Кавычки здесь обозначают тот факт, что приверженность некоторым и даже многим принципам либеральной демократии перестала уже реально идентифицировать человека в политическом спектре России: согласие хотя бы с частью этих принципов декларируют чуть ли не все политически активные люди в стране. Очевидно, членов клуба (далее по установившейся вонне клуба традиции, на мой взгляд, необидной, буду называть их «серафимами») перестала устраивать столь невнятная идентификация, и они предприняли серьезную попытку найти новую. Естественно, во многом отталкиваясь от образа отвергнутой идентичности, приписываемой оставшимся в «либерально-демократическом лагере» публицистам и политикам, называемым либералами, да по большей части и пользующимся термином «либерал» как самоназванием. Конечно, вырисовывающийся в текстах «серафимов» образ «либерала» не может описывать все многообразие «либерально-демократического лагеря» ни в 90-е, ни сейчас, но основные идейные черты — приверженность демократии, правам человека, свободной экономике, идее гражданского общества, неприятие этатизма, любых форм государственной идеологии, этнонационализма, слабый интерес к идеологической интерпретации культурного и религиозного наследия — подмечены верно, поэтому я далее, комментируя «серафимов», могу использовать термин «либерал» без кавычек.

Главный момент различения, по мнению самих «серафимов» — это акцент на равноценности личной свободы и величия России как главных основ политического мировоззрения. Устав клуба начинается так:

«Клуб учрежден ... в день памяти преподобного Серафима Саровского, — для объединения людей, убежденных в необходимости и возможности скорого воссоздания России как одной из ведущих мировых держав»⁴.

Экономика и свобода

Первое, на что все обратили внимание, — это центрированность меморандума «серафимов» на вопросах экономики. Не стоит это списывать

³ См., например, рассуждения известного кинокритика Даниила Дондуря в статье: Руденко Инна. Сила «Брата-2» — не в правде, а в отморозках // Комсомольская правда. 2000. 27 декабря.

⁴ Устав Серафимовского клуба // Сайт Серафимовского клуба (<http://www.serafim-club.ru/about/1.shtml>).

только на специализацию журнала «Эксперт» — мы имеем дело скорее с принципиальной установкой. Вот как это было сформулировано в самом меморандуме:

«Либо тихое и в чем-то даже приятное погружение в окончательное историческое небытие, либо возвращение в историю, основанное на безусловной вере в то, что смерть можно будет побороть усилием воскресенья... То, что на духовно-метафизическом языке называется воскресением России, на языке вещно-политическом называется ускоренной модернизацией, мощным экономическим ростом.

... Политика роста — это еще и ключ к становлению России и оформлению нынешнего рыхлого конгломерата разнородных земель и территорий в единый организм, ибо именно в условиях быстрого хозяйственного роста — и никак иначе — составались все известные нам сильные национальные государства».

Авторы, таким образом, утверждают возможность изоморфизма политики и экономики с одной стороны — и метафизики и даже религии (см. раскавыченную цитату из Пастернака) с другой. Утверждение, что Россия должна быть одним из мировых лидеров «по праву», является отсылкой к традиционным мессианским представлениям, поскольку других «прав» на лидерство у России вроде бы нет (не считая ядерного оружия и права вето в Совете Безопасности, но ведь не о них речь).

В собственно экономической области меморандум, естественно, не содержал какой-то определенной программы. Видимо, подразумевалось как общеизвестное, что авторы меморандума — противники дирижизма и покушений на частную собственность. Но и либертарианцами их называть отнюдь не следует: была оговорена такая задача государства, как создание благоприятных условий для отечественного бизнеса, причем вплоть до протекционистских мер. Авторы исходили из того, что более подробную программу еще только предстоит создать, и не только в экономической сфере.

Однажды Кирилл Рогов написал, что «серафимы» — максималисты, верящие в возможность того, что государство и элиты способны усилием воли придать импульс экономике, и этим отличаются от традиционных российских либералов-гайдаровцев, верящих лишь в постепенные институциональные реформы⁵. Может быть, это противопоставление было пре-

⁵ Рогов Кирилл. Егор Гайдар и серафимы роста // GlobalRus.Ru. 2003. 12 марта (www.globalrus.ru/polemica/seraph/132446).

увеличенным. Но как тенденция оно подмечено верно: пафос меморандума — необходимость волевого усилия, и трудно не отнести его также и к экономике. В дальнейшем чуть ли не главным экономическим требованием авторов «Эксперта» стало государственное инвестирование, а конкретно — инвестирование средств Стабилизационного фонда в инфраструктурные проекты.

И еще одну вещь подметил Рогов: ускоренный рост экономики путем приложения государственной воли — это путь восточных «тигров», а не органично возраставшей Европы. Добавим: «тигры» не демонстрировали больших успехов в развитии демократии, да и не особо к тому стремились, хотя, если сравнивать в этом смысле их исходную точку с их нынешним состоянием, прогресс, пусть и весьма неравномерен, но очевиден. Насколько близка такая аналогия «серафимам», я сказать не берусь, но могу предположить, что и они могли ее заметить.

Для всех «серафимов» очень важна идея свободы, и они сами охотно применяют к себе термин «либеральный консерватизм», дабы подчеркнуть отличие своего консерватизма от более известных в России версий осмысления этого термина. «Серафимы», очевидно, стремятся держаться ближе к английским образцам, например, нередко прямо ссылаются на Черчилля⁶.

Наиболее патетические и, одновременно, наиболее развернутые высказывания о свободе были сделаны, что неудивительно, в связи с «делом ЮКОСа». «Серафимы» отстаивали в этой ситуации правые идеи приоритета свободы и частной собственности, хотя и не без патриотического пафоса⁷. Однажды Привалов написал по поводу покупки Абрамовичем «Челси», что любой имеет полное право инвестировать за рубежом и ни в коем случае нельзя принуждать человека инвестировать в России, но инвестировать в России — это выполнение определенного морального обязательства⁸.

Татьяна Гурова, Александр Привалов и Валерий Фадеев, авторы программной статьи «Наша маленькая свобода», призывали внимательно отслеживать угрозы нашей свободе и ограничивать эти угрозы (например, «возможность использования силовых структур и в политических, и в экономических целях»). В частности, авторы (вместе с Александром Меха-

⁶ Привалов Александр. По завету Пьера Безухова // Эксперт. 2003. 13 января; Соколов Максим. Глазьев — наше счастье // Известия. 2004. 5 февраля.

⁷ Гурова Татьяна, Привалов Александр, Фадеев Валерий. Наша маленькая свобода // Эксперт. 2003. 8 сентября.

⁸ Привалов Александр. Об ответственности // Эксперт. 2003. 7 июля.

ником) предложили проекты законов о государственной защите бизнеса (включая такие формулировки: «участие той же Генпрокуратуры в политической борьбе приравнивается к попытке государственного переворота», «прописать уголовную ответственность чиновников любого ведомства и ранга за разрушение бизнеса без должных к тому оснований»). Но не забыли написать также, что не стоит увлекаться устранением всех потенциально возможных угроз свободе, дабы не впасть в анархию.

«Проект» России

«Идея России», постоянно упоминаемая рядом с «идеей свободы», интерпретируется «серафимами» в «оборонительной» и «наступательной» модальностях.

Первая была обозначена еще в программной статье Привалова «По завету Пьера Безухова»⁹, опубликованной одновременно с учреждением клуба. В стартовых тезисах Привалов предлагал отвергнуть либерализм как теорию, противоречащую национальным интересам: идеальный экономический либерализм не признает государственного регулирования, следовательно, в его рамках нельзя даже поставить задачу развития именно российской экономики (а не экономики вообще), следовательно, вполне вероятно, что свободный рынок именно этот географический сектор экономики загубит. Автор с пафосом отвергает представление, согласно которому это не имеет особого значения, так как главное — реализовать экономическую свободу. Ведь главное — заботиться о жителях собственной страны, а иное отношение является по отношению к ним совершенно бессовестным.

Здесь интересно сознательное противостояние не реальному экономическому либерализму, а его крайней умозрительной версии (и в рамках ВТО нет стопроцентной открытости экономического пространства). И в пример в статье был приведен один Андрей Илларионов. В реальности практически никто из либеральных экономистов и не говорит, что на население собственной страны надо наплевать ради удобства «невидимой руки рынка»; большинство просто утверждает (в отличие от Привалова), что эта рука принесет населению России пользу, а не вред, и даже готовы эту руку попридерживать в некоторых конкретных ситуациях.

Таким образом, реальный спор о свободе торговли и национальных интересах всегда сводится к конкретным разногласиям об экономической эффективности тех или иных действий. Эти разногласия можно, но совсем не обязательно интерпретировать как принципиальное расхожде-

⁹ Он же. По завету Пьера Безухова.

ние между «патриотами» и «фритрейдерами». Однако «серафимам» такая интерпретация нужна сама по себе — как экономическое (напомним, для «серафимов» очень важное) проявление антипатриотичности либералов, не защищающих не только российское государство перед Западом, но и российских граждан перед мировым капиталом.

Однако «идея России» не ограничивается защитой граждан. Основной, «наступательный», пафос этой идеи стал темой первого же заседания Серафимовского клуба 15 апреля 2003 года. Представляя позицию на том заседании досталось Михаилу Леонтьеву. Приведу центральный абзац из его краткого выступления:

«Мы исходим из того, что Россия должна остаться самостоятельным субъектом, сохранить субъектность в рамках этого будущего. Любой ценой. Потому что (опять же это идеологическое построение, в которое мы верим) Россия не может сохраниться, потеряв субъектность. В отличие от каких-то других образований, она существовать как объект чужих проектов не будет, в том виде, во всяком случае, в котором мы привыкли видеть Россию»¹⁰.

Под «субъектностью» здесь понимается не факт простого существования и даже не уникальные национальные особенности, а наличие собственного «глобального проекта». В этом смысле участники дискуссии противопоставляли Россию Чехии, которая всегда была частью других, глобальных для своего времени, проектов, а самостоятельной роли в истории не имела (Привалов в конце, замечу, извинился перед отсутствующими чехами), и сравнивали ее с современными «проектами» — американским, исламским, китайским...

Тональность разговора в клубе сочетала констатацию очевидной слабости сегодняшней России и четкую претензию на ее будущую лидерскую роль в мировом масштабе. Диссонансом прозвучало только заявление Валерия Фадеева, что России с ее крошечным ВВП не надо ни на что претендовать, а надо сосредоточиться на выстраивании необходимых институтов суверенитета — финансовой системе, армии и т.д. Да еще заместитель главного редактора журнала «Русский предприниматель» Андрей Кобяков сказал, что национальный проект — это всегда полезно, так как соответствует общественным

¹⁰ Россия в мировом контексте. Заседание Серафимовского клуба 15 апреля 2003 г. // Сайт Серафимовского клуба (www.serafim-club.ru/problema1/stenogramma.shtml).

пожеланиям и имеет мобилизующий эффект, но вот проект глобальный Россия «не вытянет».

Собравшиеся на том заседании высказали немало такого, чего сами «серафимы» никогда бы не написали. Политолог Михаил Хазин говорил о необходимости возродить христианскую «в широком смысле» традицию в России и в Европе — как единственное средство защититься от исламской экспансии. Виталий Третьяков доказывал, что оптимальный проект для выведения России в глобальные лидеры — это коммунистический проект, как якобы сочетающий интернационализм и идею Третьего Рима и доказавший ранее свою имперскую эффективность. Депутат Андрей Кокосин начал с констатации сверхзатратности стратегии достижения лидерства, практиковавшейся ранее в России, а закончил тем, что назвал основой возрождения «субъектности» армию и ВПК и призвал возродить их за пять лет. Предприниматель (и бывший вице-спикер Думы от «Яблока») Михаил Юрьев говорил «о национальной идее (причем в жестком ее варианте! — А.В.) как основе будущего русского проекта», прозрачно намекал на аналогию с нацистской Германией и включил в свою «национальную идею» полную автаркию и отказ от демократии¹¹. Характерно, что других гостей у клуба не нашлось.

Сами «серафимы» на заседании почти не выступали и даже никакого заключительного слова не произносили, что после такой дискуссии и неудивительно. Удивительно другое — новой попытки клуб уже не предпринимал. Один Михаил Леонтьев развернуто повторил свой тезис о восстановлении «субъектности» в программной публикации в «Известиях» в феврале 2004 года¹², дополнив его рассуждением о распространении этой «субъектности» за пределы нынешней России — до неких границ «реального, неусеченного российского пространства»¹³. Но в последовавшей полемике¹⁴ именно этот тезис не был прояснен и почти не обсуждался. Никто из членов клуба на стороне Леонтьева не выступил, но и альтернативных программных текстов не написал. Можно сказать, что для «серафимов» как целого внешнеполитическая тема так и осталась на уровне принципиально очень важной, но почти не оформленной заявки. Мож-

¹¹ Подробнее он изложил эту концепцию в статье: Юрьев Михаил. Крепость Россия // Новая газета. 2004. 15–17 марта.

¹² Леонтьев Михаил. Союз меча и орала // Известия. 2004. 25 февраля.

¹³ Михаил Леонтьев: «Что стоит за лозунгом «Россия без Путина», или Ответы на незадаанные вопросы» // Известия. 2004. 3 марта.

¹⁴ Шевцова Лилия. Вперед, в прошлое! или манифест стагнации // Известия. 26 февраля; Россия между «рыбкинизацией» и «происками Вашингтона» // Там же. 2004. 4 марта.

но только сказать, что «субъектность» для них предполагает установку на не повторение западного опыта. Максим Соколов полагает, что, во-первых, «западничество» есть род предрассудка или парарелигиозного убеждения, а во-вторых, идейная зависимость от Запада опасна из-за его собственных внутренних кризисов; сейчас же Запад быстро клонится к упадку, и зависимость становится опасной смертельно¹⁵.

Очень важно, что довольно слабо заявленная «серафимами» тема «субъектности» и «суверенитета» ими самими лишь поддерживалась время от времени, зато в идеологическом мейнстриме стала быстро развиваться и после «оранжевой революции», дополнившись страшилкой «внешнего управления», превратилась в основной пропагандистский штамп. Избегать этого штампа не могли уже и авторы «Эксперта».

Национальное государство

Можно сказать с определенностью — «серафимы» в большинстве своем не являются империалистами в территориально-экспансионистском или в милитаристском смысле слова. Яркое, но единственное исключение — Леонтьев, который время от времени вспоминает о «праве» России на военное присутствие в странах СНГ, пусть даже и в противоречии с подписанными международными обязательствами¹⁶. Соколов приветствовал выступление Анатолия Чубайса о «либеральной империи»¹⁷, но не пытался реинтерпретировать его в экспансионистском ключе.

В меморандуме клуба была поставлена задача построения России как национального государства. Исторически в разных европейских странах само понятие национального государства по-разному связано с этничностью, и адаптация понятия требует ясности в том, какая его версия адаптируется. В 2003–2004 годы на этнические темы писал фактически один Соколов, и ясным его подход назвать было нельзя.

Применительно к крайним этнонационалистам («фашистам») Соколов даже употреблял формулу «с **вами** мы — не русские»¹⁸ и, соответственно, крайне резко критиковал редакцию газеты «Консерватор»¹⁹ и

¹⁵ Соколов Максим. Запад как Солнце // Эксперт. 2003. 14 апреля.

¹⁶ Однако // Первый канал. 2004. 28 января. Текст доступен на сайте Первого канала (www.ltv.ru/owa/win/ort6_main.print_version?p_news_title_id=63756).

¹⁷ Соколов Максим. Выход из гетто // Известия. 2003. 2 октября.

¹⁸ Он же. «Новые правые» засуетились не к добру // GlobalRus.Ru. 2003. 16 декабря (<http://www.globalrus.ru/comments/135679/>).

¹⁹ Он же. Эпитафия слову «консерватор» // GlobalRus.Ru. 2003. 11 марта (<http://www.globalrus.ru/opinions/132430/>).

издевался над главным теоретиком русской «новой правой» Александром Дугиным²⁰. Но вот Леонтьев был с тем же Дугиным достаточно близок и уже в 2004 году очень гармонично с ним соседствовал в качестве эксперта телепередачи «Русский взгляд».

Впрочем, и Соколов вызывал серьезную критику — за явно предвзятое отношение к чеченцам. Критика, в частности, основывалась на его интерпретации чеченской войны как войны «русских» и «чеченцев»²¹ и на идее коллективной ответственности чеченцев за теракты²².

Именно Соколов в программном первом номере «Эксперта» за 2004 год выступил со статьей «Национализм и либерализм»²³. Статья была призвана преодолеть «дурной спор» либералов и националистов, сформулировав оба подхода так, чтобы они стали взаимоприемлемыми, даже взаимопроникающими, в пределе — образующими столь желанный для «серафимов» либерально-консервативный синтез. При этом ценности либерализма, обычно столь критикуемые, не обсуждались, все внимание автора было сосредоточено на «реабилитации национализма».

Для такой реабилитации нужны две вещи: отмежевание от националистических крайностей и формулирование позитивного понимания национализма. Отмежевание декларируется отчетливо, но недостаточно содержательно, и поэтому остается непонятно, что все-таки Соколов относит к «совсем уже зоологическим проявлениям», а что нет. При этом автор полагает «зоологические проявления» национализма не какой-то его степенью, а его извращением, можно даже сказать бесовским извращением:

«... никакое человеческое чувство или стремление нельзя считать застрахованным от извращения, причем тут действует тот закон, что, чем выше духовная сущность, тем глубже и отвратительнее возможное падение».

«Дурной национализм» понимается как обожествление государства и нации, то есть язычество. При такой постановке вопроса неопределенность с местоположением планки, отделяющей «высокую духовную сущность» от ее извращения, представляется загадочным пробелом. Интересно, что в отсутствие собственного позитивного утверждения об этой планке Соколов упрекает либералов в ее завышении.

²⁰ Он же. Наслаждение дискурсом // Известия. 2003. 27 декабря.

²¹ Он же. Вместо фельетона // Известия. 2002. 2 ноября.

²² Он же. Самое дешевое ОМП // Известия. 2003. 10 июля.

²³ Он же. Национализм и либерализм // Эксперт. 2004. 12 января.

Позитивное понимание национализма дается через определение нации как культурно-исторической общности. Правда, общность эта понимается не как предмет исторически обусловленный, а как «национальная личность» или «организм», с верой в то, что «у Создателя есть и о каждом народе Свой замысел». У «национального организма» могут быть проблемы:

«Проблемы могут быть внешние — противоречия между народами и государствами никто не отменял, могут быть внутренние — если достаточно компактные и сплоченные меньшинства усиленно игнорируют ценности и культуру большинства...»

«Национальный организм», основанный на культурно-исторической общности, даже отвлекаясь от мистических аспектов определения Соколова, это совсем не «нация граждан», так как не всякий гражданин де-факто принадлежит к такой общности. Трудно сказать, является ли соколовский национализм этническим, так как автор не проясняет, входят ли в «русскую нацию» российские татары, буряты, чеченцы или только какая-то их часть. Впрочем, живой национализм всегда в той или иной степени иррационален, и Соколов это вполне определенно утверждает, призывая отказаться от «традиционно-либеральной невосприимчивости к ценностям органического и метафизического характера». Иррационально и даже религиозно санкционированная «личность» нации становится реальностью не меньшей, чем личность человека.

Соответственно, и иммиграционную политику, очень важную в видах экономического роста, автор предлагает строить как культурный фильтр²⁴ (не отдавая себе, видимо, отчета в том, что иммиграционная служба все равно не может проверить культурную самоидентификацию, но только некоторый небольшой набор знаний, на самоидентификацию практически никак не влияющий). Соколов понимает, что какие-то элементы расизма в этой политике неизбежны, и прямо заявляет:

«Надо определяться, что нам более интересно: судьба законных русских и собственная национально-культурная идентичность или светлые горизонты политкорректности».

И вот во внутренней политике расистский аспект лозунга «Россия для русских» он вполне осознает и определенно отвергает²⁵.

²⁴ Он же. Родина зовет // Известия. 2003. 22 мая.

²⁵ Он же. Счастье без инородцев // Известия. 2004. 26 февраля.

Более последовательная попытка декларации была предпринята в «Эксперте» ровно год спустя. В кратком интервью журналу директор Института этнологии и антропологии РАН Валерий Тишков говорит, что создание нации — это не унификация и смешение этносов, а создание именно национальной, общегосударственной, гражданской идентичности поверх (или хотя бы параллельно) с идентичностью этнической.

Это интервью было врезкой к базирующейся на тех же принципах статье Александра Механика²⁶. Механик исходит также из того, что инструментом единения нации является русская культура. В частности, именно через культурную экспансию автор мыслит сохранение единства с «национальными республиками». Определенная проблемность, связанная с такой интеграцией, им не рассматривается. Но в остальном статья не содержит уже никакого налета этнонационализма (не говоря уж о мистике «национальной личности»); подчеркивается важность надэтнического и надконфессионального характера государства, включая систему образования.

Механик констатирует, что нации в России пока просто нет, и ссылается на слова Сергея Градиловского, что у России сохраняется «имперское тело», хотя по ресурсам она уже — национальное государство. Нация — и здесь Механик опирается на рассуждения Вячеслава Глазычева и того же Градиловского — может быть создана только в «большом проекте», который в случае России заключается в самостоятельном, снизу, освоении собственного пространства (речь идет о географическом аспекте общей для «серафимов» идеи экономического прорыва). Очень важно, что ввиду демографических тенденций такое освоение возможно только с мощным привлечением иммиграции и миграции из последнего «демографического резервуара» страны — с Северного Кавказа. Механик не строит иллюзий относительно возможности привлечь большое количество иммигрантов, близких этнически или даже культурно, и соответственно, приходит к выводу о необходимости решительно отказаться от этнонационалистических стереотипов. Россия должна привлекать любых иммигрантов и стремиться интегрировать их в русскую культуру (за скобками остается тот факт, что и сама русская культура будет при этом меняться; возможно, автора это не беспокоит).

Еще Механик справедливо напоминает, что нация как способ самоидентификации граждан важна именно в демократическом обществе, так как в нем идентичность граждан определяет и легитимизирует идентичность власти. При диктатуре нация не сложится.

²⁶ Механик Александр. Освоение российской локальности // Эксперт. 2005. 17 января.

Можно ли считать, что рассматриваемая нами группа декларировала статьей Механика полный отказ от остаточных этнических предрассудков? Наверное, можно утверждать, что попыталась.

Права человека и демократия

Нет оснований считать, что «серафимы», сколько бы они ни ополчались против либерализма, являются принципиальными противниками политических и гражданских свобод, а также представительной демократии. Видимо, эти формы политической жизни представляются им вполне устоявшимися — как принципы, конечно, а не как практика — и не нуждающимися в обсуждении.

В области конституционного строительства лишь раз прозвучало действительно принципиальное предложение: Максим Соколов призвал вернуться к октябрьскому манифесту 1905 года и вытекающим из него Государственным законам 1906 года — как к последней конституции России, вполне легитимной в смысле преемственности с традиционной властью²⁷. Статья была написана как отклик на полемику по поводу речи Чубайса о «либеральной империи» и во многом посвящена тому, что многие исторические империи, включая Российскую в период между революциями, были вполне либеральными, то есть обеспечивавшими права граждан.

Здесь следует обратить внимание на два обстоятельства. Первое: ориентация на законы 1906 года означает признание монархии, притом далеко не декоративной, а весьма существенно ограничивающей институты представительной демократии. Соколов с пренебрежением отмахивается от принципиальных республиканцев (хотя верность республике через почти девяносто лет с момента ее провозглашения может уже считаться консервативной позицией) и предлагает рассматривать существующее президентское правление как что-то вроде местоблюстительства — в ожидании возможного обретения новой династии. Предположение же, что не стоит возвращаться к столь страшно рухнувшей политической системе, отвергается на том основании, что рухнула в те годы не она одна и, следовательно, нельзя утверждать, что именно та российская система власти была принципиально нежизнеспособна.

²⁷ Соколов Максим. Октябрьисты против февралюстов // GlobalRus.Ru. 2003. 12 ноября (http://www.globalrus.ru/all_actions/legis/135298/).

Второе, не менее важное обстоятельство: сама апелляция к установлениям столетней давности как к непосредственному ориентиру. Безусловно, европейские империи того времени были вполне либеральны в смысле прогресса демократии и гражданских прав за предшествовавшие сто лет. Но уровень демократии и гражданских прав в Британской и в Российской империях в 1906 году был все-таки отнюдь не одинаковый. И подчеркнутое игнорирование этого различия должно, вероятно, означать некоторое безразличие к политическим и гражданским правам граждан.

Интересно, что конституционное предложение Соколова было помещено на сайте «Гражданского клуба» (группы, во многом схожей с «серафимами») как открывающее новую тему дискуссии. Но больше ни одного материала в этой теме на сайте не появилось. Да и где бы то ни было — тоже. Не интересуют на самом деле ни «серафимов», ни, как правило, их идеологических соседей вопросы государственного устройства²⁸.

Зато права человека очень интересуют — и исключительно в негативном смысле. Даже само слово «правозащитник» употребляется «серафимами» как оскорбление.

Причина коренится, надо полагать, в чеченской войне. «Серафимы» совершенно бескомпромиссно относятся к чеченскому сепаратизму. Лентьев неоднократно говорил, что единственное решение проблемы Чечни — силовое, так как по-другому проблема сепаратизма и партизанщины не решается. Радикальное отношение к собственно чеченской проблеме суммируется с естественным отвращением к практической деятельности тех, кого называют «чеченскими террористами», и порождает отсутствие всякой терпимости по отношению к тем, кто, занимаясь защитой прав человека, случалось, защищал права и этих самых сепаратистов и террористов. Такое положение вещей сложилось еще в годы первой войны, когда Сергей Ковалев и его коллеги работали в осаждаемом федералами Грозном и вели переговоры с Басаевым в Буденновске. В те времена еще обсуждали, насколько оправданна защита прав мятежников и даже террористов, по отношению к кому следует в первую очередь проявлять гуманность на войне, каково соотношение эксцессов войны и ее целей и т.д. К началу второй войны дискуссии почти исчезли, а критики правозащит-

²⁸ Почти без внимания общественности осталось и подписанное на рубеже 2002–2003 гг. многими довольно известными людьми обращение о необходимости восстановления легитимной преемственности с предреволюционной эпохой. См.: Пора избрать путь // Посев. 2003. № 2. С. 5–8.

ников пришли к выводу, что правозащитная деятельность в связи с Чечней — это просто разновидность деятельности антигосударственной, причем осуществляемой вполне сознательно. А при таком подходе обсуждать что-то по существу уже не имеет смысла.

Даже взвешенный обычно Привалов написал:

«... правозащитники так заклинились на борцах за чеченскую свободу, что годами не замечают никаких других проблем — будто, например, у нас в ментовках перестали людей избивать»²⁹.

Наверное, Привалов сделал столь далекое от истины утверждение не только в эмоциональном порыве, но и по простой неинформированности о деятельности правозащитных организаций. И неинформированность эта понятна: из редакции «Эксперта» информационное поле правозащитников, увы, практически не просматривается (и не только из этой редакции)³⁰. Для «серафимов» правозащитники — скорее политический и идеологический лейбл, чем реальное социальное явление. И это вполне гармонирует с уже отмеченным недостатком интереса к самой теме прав человека.

Важнее, однако, что права человека воспринимаются «серафимами» как основное внеэкономическое содержание отвергаемого либерализма. И тот же Привалов писал в своей платформе для гипотетической либерально-консервативной партии:

«Отменяются ритуальные приседания вокруг знаменитых прав человека. У «человека вообще» нет в этом мире никаких от рождения наличных прав... Нет никакого «естественного равенства» людей — естественно, скорее, их неравенство; но общество обязано гарантировать некий равный набор прав каждому своему члену. Этот набор даже в процветающей стране должен быть весьма умеренным (правда, к нему обязательно прилагается принцип равенства перед законом). Социальное расслоение, если оно не чрезмерно, не является злом».³¹

²⁹ Привалов Александр. По завету Пьера Безухова.

³⁰ Недостаточно информированным читателям можно порекомендовать, например, сайт Фонда «Общественный вердикт» — <http://www.publicverdict.org>; сайт нижегородского Комитета против пыток — <http://www.pytkam.net>; сайт «Гражданский контроль» — <http://control.hro.org>

³¹ Привалов Александр. наброски к политическому катехизису // Эксперт. 2004. 12 января.

Интересно, что Привалов смешивает права человека с социальным эгалитаризмом. А в статье «По завету Пьера Безухова» права человека попали в один абзац с непонятно кому приписываемым представлением, «что плюрализм выше различия между добром и злом», что, наверное, должно ассоциироваться с американской моделью свободы слова. Но ни американская Первая поправка, ни социалистические идеи отнюдь не находятся в неразрывной связи с концепцией прав человека, хотя они в какой-то степени связаны исторически. Все это выглядит так, будто у обычно четко мыслящего автора данная конкретная тема попадает в зону сугубо эмоционального восприятия.

На самом же деле, даже судя по приведенной цитате, Привалов, как и любой «серафим», да и вообще почти любой человек, не отвергает прав человека как таковых (в их классическом понимании), хотя и любит порассуждать о возможных ограничениях свободы. Но Привалов подчеркивает, что права человека не есть специфически правая (читай, консервативная по Черчиллю) ценность. А все, что не правое, то левое. Левое не отрицается напрочь, полезность для общества левого подхода (в смысле приоритета равенства перед свободой) осознается, но правый (в смысле обратного приоритета) Привалов левые ценности может в лучшем случае терпеть. И здесь тоже можно усмотреть непоследовательность: ведь одна из базовых и для консерваторов, и для либералов ценностей — право частной собственности — это тоже право человека.

Верность российским традициям

Привалов, соглашаясь, что правыми могут называться очень разные идеи, считает правой и выделяет как главную для «серафимов» задачу «гармонически соединить идею России с идеей свободы». Для чего необходима верность существующим национальным традициям, обеспечивающая органичность развития общества, что является парафразой основного, начиная еще с Эдмунда Берка, тезиса консерватизма — что практически сложившаяся традиция как источник любых идей должна иметь безусловный приоритет перед умозрительными конструкциями любой природы.

В негативных терминах Привалова повторил Валерий Фадеев:

«В 90-е годы к власти пришли люди либерального склада, но либералы абстрактные. Их абстрактные либеральные ценности не были «свинчены» со страной, с народом, и наши проблемы возникали в том числе и из-за этого. Но с противоположной

стороны, в стане консерваторов тоже было слишком много абстрактных рассуждений»³².

Фадеев утверждает, что не понимает, что такое «общечеловеческие ценности», и противопоставляет им более конкретные групповые, включая национальные. Но если говорить о традициях в позитивных терминах, то традиции оказываются не уникально российскими, как, например, имперский путь развития или ограниченная монархия образца 1906 года.

Самым уникальным можно, наверное, считать российское культурное и философское наследие — просто потому, что значимые культурные феномены всегда уникальны. И действительно, у «серафимов» вполне органично смотрятся ссылки на русских философов и социальных мыслителей первой трети XX века — Петра Струве, Георгия Федотова и так далее. Соколов как-то даже написал, полемизируя с группой активистов СПС³³, что лучше уж опираться на нашу традиционную философию «столетней давности», чем на зарубежных и новомодных, но быстрее «протухающих» мыслителей вроде Тоффлера³⁴. Но современная политическая, экономическая, общественная жизнь все-таки довольно сильно отличается от той, к которой применяли свои концепции русские мыслители Серебряного века. Может быть, поэтому реальных ссылок на этих мыслителей у «серафимов» не так и много, даже у любящего уснащать свои тексты ссылками Соколова.

Наиболее ожидаемой у русского консерватора традицией, подлежащей актуализации, наверное, является православие. Но у «серафимов» этого почти нет. В большинстве своем они ограничиваются отдельными репликами, носящими скорее стилистический, чем религиозный характер.

Только у Леонтьева представление о роли православия в России носит достаточно жесткий характер:

«Православие для России, на мой взгляд, это основа всего. Никакой национальной идеи вне православия в России быть не может. Никакая конкурентоспособность и благосостояние не

³² Фадеев Валерий. Человек цельный, волевой и верующий в Бога — вот он правильный русский средний класс // Религия и СМИ. 2003. 20 ноября (www.religare.ru/print7428.htm).

³³ Гозман Леонид, Дондурей Даниил, Драгунский Денис, Колесников Андрей, Левинсон Алексей, Орешкин Дмитрий. Властители дум: интеллект на панели // Ведомости. 2003. 2 апреля.

³⁴ Соколов Максим. Либеральное «Слово к народу» // GlobalRus.Ru. 2003. 7 апреля (<http://www.globalrus.ru/comments/132801>).

могут быть смыслом жизни для русских людей. 'Москва — Третий Рим и четвертому не бывать'...»³⁵

Но в его публицистической деятельности эти воззрения не находят себе применения. Не вписываются личные убеждения в духе «Москва — Третий Рим» в общую канву леонтьевских комментариев. Даже регулярно выступая в православно-политической передаче «Русский взгляд», Леонтьев воздерживался от религиозно окрашенных суждений.

Соредакторы «Эксперта» относятся к православию внимательнее. Они даже вошли в редакционный совет интеллектуального православно-общественного сайта «Религия и СМИ». Но в этом совете они, видимо, пока не достигли взаимопонимания с основной командой сайта, что хорошо видно по стенограмме «круглого стола» «Политическое и религиозное измерение свободы» 25 марта 2004 года³⁶.

Вообще же Фадеев считает, что Церковь должна играть роль авторитетного советника:

«... церковь бесспорно — один из авторитетов, и если бы она мягко пыталась что-то поправить, по-моему, это было бы очень ценно»³⁷.

Но прямо заниматься политикой Церковь никак не должна. Более того, политикам стоило бы ориентироваться не на указания или фразеологию Церкви, а на фундаментальные религиозные ценности — тогда может получиться аналог германского Христианско-демократического союза, а не Райкова и Глазьева, чьи партии Фадеев считает в сущности «контррелигиозными». (Заметим, что и в совете «Религии и СМИ» Фадеева уже нет, зато есть Леонтьев.)

Итак, православие в идеологии «серафимов» присутствует, но скорее номинально, а главное — в полном отрыве от основного «массива» реального российского православия, то есть от Русской православной церкви.

Столкновение с бюрократическим консерватизмом

«Серафимы» слишком давно занимаются российской политикой и экономикой, чтобы сохранять какие-то иллюзии относительно качества

³⁵ Леонтьев Михаил. Ответы в он-лайн конференции «Известий» // Сайт «Известий». 2004. 10 марта (<http://online.izvestia.ru/archive.pl?fl=a&id=177>).

³⁶ Политическое и религиозное измерение свободы. Разговор в гостиной журнала «Эксперт» // Религия и СМИ. 2004. 25 марта (www.religare.ru/print8842.htm).

³⁷ Фадеев Валерий. Человек цельный...

современных институтов российского государства и персонажей, эти институты составляющих. С другой стороны, поворот к «либерально-консервативной» политике, предписываемый «серафимами», должен реализовываться именно этими учреждениями и этими людьми, что не может вызывать особого оптимизма. «Серафимы» вполне осознают, что главная проблема российского консерватизма — его пограничность с бюрократическими авторитарными практиками и идеями (последовательный либерал скажет «неотделимость от таковых»). Поэтому они не устают отмежевываться от угрозы профанации их идей.

Ярче всего это видно у Привалова:

«... консервативные настроения в обществе нарастают. Так ведь заранее известно, как эта самая чиновничья машина такие настроения использует. «Бог, семья, отечество», — скажет человек; или: «Бог, родина, свобода»; или еще какие-нибудь высокие и дорогие ему слова. И немедленно услышит в ответ: «Вот именно! Тебе же, дураку, давно говорят: православие, самодержавие, народность!» — и получит для начала команду сброситься на какую-нибудь начальственную благочестивую затею вроде храма Христа Спасителя, а потом нарастающую серию обязательных к исполнению указаний в духе графа А.А. Аракчеева, но с современным уровнем вложенной в них коррупции»³⁸.

Уже в 2003 году, на фоне «дела ЮКОСа» и плачевной парламентской кампании, нужно было выбирать позицию по отношению к практической деятельности правящей бюрократии.

Максим Соколов резко критиковал власть, неспособную отличить пресечение злоупотребления демократией от введения авторитаризма:

«Можно понять властные резоны и в окорачивании медиакратии, и в афере «ЮКОСа», но трудно понять, почему рамки достаточности были многократно превзойдены и окорачивание было проведено столь общепасным способом, что после него даже и минимальное функционирование представительной системы стало невозможным»³⁹.

И с тех пор критичность Соколова меньше не стала.

³⁸ Там же.

³⁹ Уроки и итоги избирательной кампании. Заседание Серафимовского клуба 5 февраля 2004 г. // Сайт Серафимовского клуба (www.serafim-club.ru/problema5/stenogramma.shtml).

С другой стороны, Михаил Леонтьев, вступивший в «Единую Россию», практически по всем основным вопросам власть поддерживал. В программе «Русский взгляд» через неделю после ареста Ходорковского он квалифицировал происходящие события как неизбежное обострение борьбы между патриотически настроенной частью общества, включая бизнес, ориентированный на внутренний рынок, и «катастрофной элитой», включая бизнес, ориентированный на рынки зарубежные⁴⁰. На следующий день, в своей передаче «Театр кукол», Леонтьев рассказал, что Ходорковский — агент американского глобализма, для которого не существует понятия национального суверенитета, и с таким агентом государство не может не бороться жестко. А брутальность действий «силовиков» Леонтьев объяснил тем, что надо напугать западных инвесторов, а то наши ценнейшие активы до сих пор слишком недооценены, и нет другого способа не дать этим самым инвесторам их скупить по дешевке. Что ж, если для защиты активов нужны уголовные репрессии, значит, приходится к ним прибегать⁴¹.

Позже, в период президентской кампании, Леонтьев писал о противостоянии «катастрофной элиты» и подкармливаемой ею вкупе с Западом разнообразной оппозиции путинскому курсу, который Леонтьев охарактеризовал как «цивилизованный реванш», превращающий народный реваншизм в импульс возрождения России. Борьба, несмотря на путинский рейтинг, интерпретировалась как очень напряженная, отсюда — ее жесткость:

«Из состояния хаоса и произвола невозможно перейти к цветущей либеральной демократии. Из хаоса и произвола можно подняться только к полицейскому государству в той или иной форме...»⁴².

В сущности, с этого времени Леонтьев может считаться выбывшим из сообщества «серафимов» — в стан решительных адептов путинского «цивилизованного реванша». Да, кстати, и «Серафимовский клуб», видимо, с тех пор не функционирует как таковой. Утратив свое радикальное путинское крыло в лице Леонтьева, кружок «серафимов» фактически превратился в круг авторов «Эксперта».

Позиция «Эксперта» по «делу ЮКОСа» была близкой к описанной выше позиции Соколова. Уже летний 2003 года этап атаки на ЮКОС вызвал отчетливо негативную реакцию Привалова⁴³. Он писал, что бизнес, конечно,

⁴⁰ Русский взгляд // Третий канал. 2003. 2 ноября.

⁴¹ Театр кукол // Первый канал. 2003. 3 ноября.

⁴² Леонтьев Михаил. Союз мечи и орала.

надо приучать отдавать должное национальным интересам, — и власть может побуждать бизнес инвестировать свои сверхприбыли в России и не продавать большие активы за границу без согласования с государством, но именно побуждать, может быть, даже и кулуарными угрозами, но только экономическими. И это будет хоть и неприятно, но не прямо противозаконно, и даже даст позитивный эффект. А вот использование «силовики» дает только один эффект — отток капитала и укрепление нового типа рэкета, грозящего сформировать соответствующий политический режим.

Примерно то же Привалов говорил вскоре на сентябрьском заседании клуба⁴⁴, но упор был сделан на проблеме настроений против частной собственности, активизировавшихся в обществе в связи с темой (не)легитимности итогов приватизации. Необходимость защитить институт частной собственности никто в клубе не оспаривал. Но Максим Соколов возразил, что нувориши в отсутствие традиционной правящей элиты всегда ведут себя политически опасно, и применение Путиным «дубины» в виде генпрокурора следует интерпретировать как неизбежную силовую меру именно вследствие недостижения или срыва закулисных договоренностей, о которых говорил Привалов.

Впрочем, после ареста Ходорковского Соколов полностью перешел на сторону Привалова:

«Когда полемика «ЮКОСа» с властью будет введена в минимально пристойное русло, М.Б. Ходорковскому можно и нужно будет предъявить столько вопросов и претензий, что мало не покажется. Доколе же ни о какой пристойности говорить невозможно, вопросы к М.Б. Ходорковскому подобает отложить до лучших времен, ибо единственный уместный сегодня объект полемики — это мордовороты»⁴⁵.

Президентские выборы заставили редакцию «Эксперта» сделать прямое политическое высказывание по отношению к режиму, действия которого они нередко критиковали. Татьяна Гурова, Александр Привалов и Валерий Фадеев в статье «Два президента»⁴⁶ призвали голосовать за Пути-

⁴³ Привалов Александр. О двух методах работы с людьми // Эксперт. 2003. 11 августа.

⁴⁴ Новый левый поворот. Заседание Серафимовского клуба 12 сентября 2003 г. // Сайт Серафимовского клуба (www.serafim-club.ru/problema4/stenogramma.shtml).

⁴⁵ Соколов Максим. Вопросы к Ходорковскому снимаются // GlobalRus.Ru. 2003. 25 октября (www.globalrus.ru/comments/135082).

⁴⁶ Гурова Татьяна, Привалов Александр, Фадеев Валерий. Два президента // Эксперт. 2004. 16 февраля.

на, потому что «сильный президент» Путин, то есть набравший много голосов, лучше «слабого президента» Путина, набравшего не так много голосов. Аргументацию стоит изложить подробнее, так как она отражает «серафимовское» видение российской действительности.

Авторы выказали одобрение путинскому первому сроку несмотря на издержки «управляемой демократии» и поставленное под сомнение «делом ЮКОСа» право собственности. Во-первых, Путин — за консолидацию общества. Во-вторых, при нем страна переживает стабильный экономический рост, причем не за счет высоких цен на энергоносители, а за счет инвестиций, поскольку Путин неоднократно заявлял, что он — за свободную экономическую систему. В-третьих, Путин укрепил государство, подавив сопротивление региональных баронов и «равноудалив» олигархов от власти, в том числе и за счет грубого, но необходимого «перехвата управления над основными телевизионными каналами». В-четвертых, Путин активизировал боевые действия в Чечне, несмотря на «катастрофическое состояние российской армии», и тем отбил охоту у сепаратистов в регионах России выражать свои сепаратистские настроения. И, наконец, в-пятых, Путин вернул России статус великой державы на международной арене.

Далее следовал ключевой аргумент: поддержать Путина надо потому, что, получив недостаточно много голосов, он будет более зависим от своего окружения, которое рассматривалось авторами как источник порчи курса, по президентскому замыслу либерального (имелось в виду — в экономической сфере). Авторы уверены, что в ситуации «слабого президента» безоговорочно возобладает «силовое крыло» в его окружении и «хваленное «путинское большинство» окончательно обернется бюрократическим болотом, которое очень скоро поглотит и современные дороги к развитию страны, и зачатки общественной элиты, да и самого Путина». А вот «сильный президент» успеет вырастить новую элиту, которая окажется сильнее «силового крыла» и продолжит освобождение и возрождение общества. Под новой элитой при этом понимались прошедшие в общественную деятельность и на государственную службу люди бизнеса.

Эти рассуждения кажутся очень неубедительными, и не только при сравнении аргументов с последующими событиями, но и из-за внутренней непоследовательности аргументации: например, авторы настаивали, что в аресте Ходорковского и вообще в авторитарных тенденциях президент не виноват, а виновата «слабая и пассивная элита», но не объясняли механизм такого распределения ответственности. Авторы предписывали второму сроку Путина программу демократизации общества, но лучше всего их настроения показывали, наверное, не формулировки текста, а его подзаголовки: «Чем опасен «слабый» президент» и «Опасен ли «сильный» Путин».

Максим Соколов, кстати, категорически не согласился со столь замысловатыми построениями своих коллег⁴⁷. Не называя их, правда, по именам, он раскритиковал нелогичность точно таких же рассуждений неких «кремлевских идеологов».

Проект либерально-консервативного движения

Принципиальная неудовлетворенность существующими политическими движениями и осознание того, что наличная государственная машина не может реализовывать предлагаемый либерально-консервативный синтез, подталкивали «серафимов» к идее формирования нового общественного движения.

Сам клуб не провозглашал задачу превратиться в его оргкомитет. И все-таки «серафимы» довольно определенно высказывались о необходимости либерально-консервативного партстроительства. И свои идеи предлагали широкой читательской аудитории, в которой особо выделяли средний слой бизнеса⁴⁸.

Валерий Фадеев говорил в период парламентской кампании 2003 года:

«В России не хватает сильной правой партии. СПС — правая, но слабая, потому что она оторвана от почвы, потому что она абстрактно либеральная. Яблоко — либеральная партия, но левая, социалистическая. В России нет жесткой правой консервативной партии, базовыми ценностями которой были бы именно те ценности, которые были бы важны для России»⁴⁹.

И тогда же Соколов, вдохновленный известной «империалистической» речью Чубайса, выступил со статьей «Чубайса в президенты», в которой писал, что текущая политика сводится практически к противостоянию «силовиков» с «олигархами» — «КГБ с ХГБ» (Ходорковский—Гусинский—Березовский), но нельзя поддаваться на уверения, что выбор только такой — «или прокуроры, или обер-воры, а третьего не дано», а надо занять свою собственную позицию. И эту позицию Соколов тут же довольно четко сформулировал:

«... необходимо сделать два четких заявления. Для кремлевских — «С ВАМИ — мы не государственники!». Для хищников и кормящихся при хищниках общечеловеков — «С ВАМИ — мы не либера-

⁴⁷ Соколов Максим. 14 марта как вещь в себе // GlobalRus.Ru. 2004. 24 февраля (www.globalrus.ru/opinions/136555/).

⁴⁸ Привалов Александр. Наброски к политическому катехизису.

⁴⁹ Фадеев Валерий. Человек цельный...

лы!». Из этих двух вытекает третье — «Мы — либеральные государственники... Чубайса — в президенты»...

Скажут: «Почему Чубайса?» Ответим. Из важных политических деятелей на сегодня он — единственный, кто хоть как-то, пусть коряво, но озаботился важнейшей для нашей земли идеей соединения России и свободы. Другие заботились о чем-то совсем другом, однако, если есть другие соображения по кандидатурам — Бога ради, ибо дело не в Чубайсе, а в России и свободе, и если есть кто-то лучший (хотя его и не очень видно), пусть будет лучший, но кто-то обязательно должен быть, ибо нельзя более противопоставлять обезьянам государственничества и обезьянам либерализма ничего, кроме общих рассуждений и пустого места»⁵⁰.

Уже после президентских выборов и публикации письма Ходорковского о кризисе либерализма⁵¹ Привалов с соавторами снова писали о необходимости создания самостоятельного либерально-консервативного движения, причем не на основе коалиции либералов и консерваторов, а на основе цельной идеологии, в основе которой должна лежать идея защиты частной собственности⁵².

Но «серафимы» ни на шаг не приблизились к реализации своих партийных замыслов. Не ограничиваясь понятными соображениями запретительного кремлевского контроля в сфере партстроительства и недостатка у «серафимов» разного рода ресурсов для такого строительства, можно заметить, что причина кроется и в неистребимой декларативности их подхода. «Серафимы» точно знают, «как не надо», но когда начинают описывать, «как надо», снова и снова сбиваются на изложение «от противного». И знают за собой этот недостаток (см. только что приведенную цитату), но ничего не могут поделать. Подробная проработка позитива требует большой работы, вряд ли возможной для небольшой группы очень занятых публицистов, а более широкий круг как-то пока не сложился.

Условная приваловская «либерально-консервативная партия» было бы не первой попыткой на этом поле. Что-то похожее (конечно, не такое же точно) провозглашалось не раз — от отделившихся осенью 1991 года от

⁵⁰ Соколов Максим. Чубайса в президенты // GlobalRus.Ru. 2003. 11 ноября (www.globalrus.ru/opinions/135268/).

⁵¹ Ходорковский Михаил. Кризис либерализма в России // Ведомости. 2004. 29 марта.

⁵² Гурова Татьяна, Механик Александр, Привалов Александр. Буржуазные рефлексии // Эксперт. 2004. 12 апреля.

«Демократической России» «демопатриотов» (Травкин, Аксютин, Астафьев...) до снова проявившего себя на выборах 2003 года Бориса Федорова, — но пока безуспешно.

Предыдущие провалы, конечно, еще не доказывают, что данное сочетание идей, именуемое то либеральным консерватизмом, то либеральным национализмом, то как-то еще, не сможет однажды завоевать себе место в политическом спектре. В качестве одного из доказательств (не окончательного, разумеется) можно назвать глубоко ретроспективный характер консерватизма «серафимов». Как и любой сегодняшний российский консерватизм, он не опирается на реально существующие и одновременно освященные традицией общественные институты — просто потому, что таковых почти не осталось. «Серафимы» фактически обращаются к «веховской» традиции столетней давности (которая тогда и была либерально-консервативной). В частности, показательна постановка задачи восстановления империи в сочетании с созданием национального государства: как раз сто лет назад (плюс-минус пара десятилетий) первое было российской реальностью, а второе — доминирующей европейской идеей⁵³.

Можно согласиться с тем, что либеральный консерватизм первой трети XX века стал вершиной российской общественной и религиозно-философской мысли, но масштаб этого интеллектуального триумфа сам по себе не облегчает задачи новых консерваторов. Применить его плоды к радикально изменившейся стране и в радикально изменившемся интеллектуальном контексте немногим проще, чем создать столь же мощное новое учение.

Встраивание в «партию власти»

Трудно сказать, насколько сами «серафимы» разочаровались в своих партстроительных надеждах. В общем-то, у них для этого были все основания. С другой стороны, в Кремле и его окрестностях должны же были рано или поздно использовать столь активную группу в своих целях (Левонтьев был использован гораздо раньше). И произошло это скорее рано, чем поздно — в связи с политической реформой, приуроченной к бесланской трагедии.

Эта реформа не была полностью поддержана в «Эксперте» (там, скажем, никогда не любили пропорциональную систему выборов⁵⁴), но зато круг его авторов оказался активно задействован в построении одного из элементов реформы — Общественной палаты. Валерий Фадеев, являю-

⁵³ См. статью Ярослава Шимова в этом сборнике.

щийся, помимо работы в «Эксперте», директором Института общественного проектирования, возглавил инициативную группу, готовившую законопроект о палате. 13 сентября 2004 г. Путин упомянул палату в своей известной речи, в октябре Фадеев уже неоднократно выступал по концепции законопроекта, а в декабре законопроект уже полностью сложился — и был легко принят.

Общественная палата, закон о которой вступил в силу 1 июля 2005 г., напомним, должна являться консультативно-экспертным совещанием при власти (но не при каком-то ее органе конкретно). Она формируется Президентом: он назначает треть ее членов, те назначают вторую треть, а потом эти две трети отбирают третью по предложениям каких-то собраний в регионах; очевидно, что вся процедура будет полностью подконтрольна Администрации. И само по себе это неплохо: ведь отбираются эксперты и представители общественности, и демократический механизм выборов здесь просто невозможен: прямые выборы породили бы еще один парламент, а института особо признаваемых государством корпораций, которые могли бы делегировать своих кандидатов (как на выборах последнего Съезда народных депутатов СССР или на выборах в средневековых европейских городах), в сегодняшней России тоже нет.

Заметим, «серафимы» предлагали создать такую палату уже давно. Привалов, например, еще в 2003 году писал:

«Предложения альтернативных механизмов — коротко говоря, корпоративных — обычно вызывают обвинения в подражании Муссолини. Я бы не стал так горячиться. Во-первых, отчего именно Муссолини, а не Земскому собору или, если кто совсем уж западник, не Генеральным штатам?»⁵⁵

Обсуждение Общественной палаты как таковой не является целью этой статьи⁵⁶, но важно отметить одну из ее функций — институционализацию связи между режимом и поддерживающей его частью общественно-

⁵⁴ Соколов Максим. Диспропорциональная избирательная система // Эксперт. 2004. 12 января.

⁵⁵ Привалов Александр. По завету Пьера Безухова.

⁵⁶ Само это обсуждение весьма обширно. Приведем лишь две публикации из дискуссии в правозащитной среде: Гефтер Валентин. Общественная палата: есть ли шанс на благополучный исход? // Законотворческий процесс в Государственной Думе: правозащитный анализ. 2005. № 84 (февраль; <http://www.hrights.ru/laws/law84.htm>); Левинсон Лев. Общественная палата как невозможное // Законотворческий процесс в Государственной Думе: правозащитный анализ. 2005. № 85 (март; <http://www.hrights.ru/laws/law85.htm>).

сти. Неважно, будут ли заседать в палате хоть какие-то люди, открыто не одобряющие правление Путина; очевидно, что их там будет не более нескольких человек. Собственно говоря, палата окажется местом, где смогут взаимодействовать прямые ставленники власти и независимые, но лояльные к ней общественные деятели, в том числе, например, религиозные лидеры или люди типа «серафимов». Для таких деятелей палата — единственный способ обозначить достойную позицию в отношениях с властью, не быть ни оппозиционерами, ни обслуживающим персоналом.

Власть, со своей стороны, отдает себе отчет (не всегда, конечно) в невозможности строго вертикального управления и заинтересована в регламентированном и легитимированном сотрудничестве с достаточно большой частью общественности. Та же часть, которую такие правила игры не устраивают, власти для сотрудничества не нужна, и власть полагает, и не без оснований, что прекрасно обойдется поддержкой заметной (видимо, даже большей) части общественности, просто игнорируя остальных. (Когда я пишу «власть», я имею в виду те группы в Кремле, которые занимаются проектом Общественной палаты.)

Таким образом, «серафимы», похоже, сумели реально присоединиться к «партии власти», не в парламентском, а в реальном смысле этого слова. Как известно, в авторитарной системе, каковой российская политическая система становится прямо на глазах, есть мощные стимулы (и отнюдь не только меркантильные) войти в «партию власти».

Этот выбор для интеллектуала предполагает не просто политическую лояльность, но и необходимость сформулировать политическую концепцию, включающую его собственные действия как важную часть системы. Необходимость чего-то вроде Общественной палаты в «Эксперте», повторю, подчеркивали и раньше, но нужно ведь еще доказать, что остальные демократические институты должны находиться в том состоянии, в котором они оказались.

И вот Михаил Рогожников, заместитель Фадеева по Институту общественного проектирования, написал в декабре 2004 года⁵⁷, что либеральная демократия себя исчерпала, к тому же она используется США как инструмент экспансии (ср. с «серафимовским» понятием «субъектности»).

Рогожников утрирует очевидное положение, что институты демократии по-разному строятся и развиваются в разных странах. Ссылаясь на Ивана Ильина (на которого, заметим, несколько позже ссы-

⁵⁷ Рогожников Михаил. Какая демократия нам нужна // Эксперт. 2004. 13 декабря.

лался и Путин⁵⁸), он пишет, что нужны не «формальные» демократические институты, а «творческая демократия», то есть в первую очередь демократическое самосознание и личные качества граждан. Не вдаваясь в аргументацию, Рогожников утверждает, что политическая реформа, провозглашенная Путиным после Беслана, устраняет некачественные, коррумпированные институты и создает какие-то институты, «идущие дальше любой где-либо осуществленной модели» демократии.

Важно понимать, что поддержка Путина в описываемом кругу по-прежнему не означает согласия с методами, которыми проводится его курс или наивных заблуждений относительно мотивов правящих личностей. Это наглядно продемонстрировал смоделированный «диалог серафима с властью» в первом номере «Эксперта» за 2005 год⁵⁹. Авторы исходят из того, что власть имеет какое-то непротиворечивое представление о пути развития страны, и стараются смоделировать его так, чтобы с этим представлением можно было как-то взаимодействовать, пусть и не без проблем.

Смоделированная «власть» оказалась помешанной на понятии эффективности, каковой она может достигать только через контроль во всех сферах, даже если для этого нужно все время менять «правила игры». В частности, она намерена полностью контролировать крупный капитал; ФСБ для «власти» — единственная и несомненная опора, настолько эффективная и качественная, что даже в коррупцию в рядах ФСБ невозможно поверить. Интересно, что «власть» обещает обеспечить через этот контроль большую свободу среднему и мелкому собственнику и даже гражданскому обществу, но смоделированному «собеседнику», то есть авторам, все-таки в это не очень верится.

«Власть» утверждает необходимость гармоничного развития демократических институтов и констатирует невыполнение этого условия. Соответственно, она полагает, что исправить положение можно, убавив демократии там, где ее больше, чем в других местах. Но полностью все подавить «власть» не хочет и демонстрирует некоторую доброжелательность по отношению к «собеседнику», представляющему, в сущности, тот самый средний класс, «освобождаемый» от гнета крупного капитала, хотя «собеседник» и упрекает «власть» довольно резко.

⁵⁸ См. президентское послание 2005 года на специальном сайте «Послание. Идеология»: <http://poslanie.ideologiya.ru/poslaniya.shtml?id=5>

⁵⁹ Волков Александр, Привалов Александр. Апология государственности // Эксперт. 2005. 17 января.

С такой властью бесполезно говорить о России и свободе, а говорить с ней о совершенствовании ФСБ «серафимы» не могут. О чем же тогда? Ответом на этот вопрос стала явно программная статья Татьяны Гуровой «Формула нашего суверенитета» в том же номере журнала⁶⁰. Гурова пишет о понятной власти задаче консолидации общества и основания для такой консолидации выбирает тоже для власти понятные — собственность и суверенитет страны. А «демократические права» она сводит к избирательному праву и далее говорит, что «люди интуитивно готовы к тому, чтобы масштаб этих прав удовлетворял компромиссу между частными свободами и интересами страны». Попросту говоря — демократия должна быть существенно ограничена.

Кстати, то же самое, но «в позитивном ключе», высказал тогда же депутат «Единой России» Владимир Плигин. Он считает, что конституционное определение России как демократического и правового государства «является в некоторой степени заданием на будущее», а сейчас надо решать более неотложную задачу «сохранения государства», хотя Плигин и не объясняет, что угрожает самому существованию российской государственности⁶¹.

Гурова озабочена основными добывающими отраслями как основой суверенитета и капитализма. Они безусловно не должны доставаться иностранцам и даже могут на какой-то период быть отданы в государственное управление. «Дело ЮКОСа» не должно повториться, но государственный контроль должен быть гарантирован; и более того, автор предлагает масштабный передел собственности — с целью сформировать «суверенную элиту».

Схема передела — очень интересна. Почти половина собственности в стратегических отраслях должна достаться путинской «партии национального реванша». «Ультрасиловикам» тоже надо что-то дать, а именно примерно такие же доли, как «олигархам» 90-х и представителям поднимающегося среднего бизнеса. А вот лояльным либералам типа Чубайса положено только 5%.

Во-первых, не очень понятно, что такое путинская «партия реванша», если из нее вычесть «ультрасиловиков» и чубайсовских либералов. Здесь сознательно оставлено пространство для спекуляций, оно же пространство для политического маневрирования внутри «партии власти».

Во-вторых, эта схема содержит пусть скромную, но вполне определенную претензию на прорыв среднего бизнеса, от лица которого и стре-

⁶⁰ Гурова Татьяна. Формула нашего суверенитета // Эксперт. 2005. 17 января.

⁶¹ Гурова Татьяна, Фалеев Валерий. На долгий срок // Эксперт. 2005. 17 января.

мится выступать «Эксперт», в завтрашнюю элиту. Будущее мыслится в перспективе одного и более десятилетий. За это время, видимо, «новые люди» должны составить динамичное и эффективное большинство в элите (что тоже, заметим, без серьезного передела обойтись не сможет) и обеспечить качественный прорыв России к статусу мировой державы.

Интересно, что проект обновленной «суверенной элиты» есть центральное и, одновременно, самое слабое место статьи Гуровой: затруднительно представить реализацию столь продуманного и глобального плана передела собственности. К тому же упорный Привалов в том же номере выступил с отдельной статьей против планов пересмотра итогов приватизации⁶², но как же тогда формировать гуровскую «суверенную элиту»...

В какой-то момент авторам «Эксперта» показалось даже, что их место во власти не ограничится Общественной палатой, что появляется чаемое либерально-консервативное движение. Поводом для оптимизма стала декларация создания либерального крыла «Единой России»⁶³.

Еще в начале года Максим Соколов мечтал о создании «номенклатурной оппозиции», поскольку и власть, и оппозиция реальная представлялись ему абсолютно неприемлемыми. С одной стороны, «властные деяния перестают лезть в какие бы то ни было ворота», с другой — «оранжевый опыт» (шок от украинских событий был еще свеж) будет «триумфом западобесия» под «лозунгами фактической десоверенизации», да к тому же может привести к новому Октябрю. Соколов был готов даже, за отсутствием других вариантов, на «консервативный» возврат к столь проклинаемой еще недавно эпохе Волошина и Касьянова⁶⁴.

И вот «номенклатурная оппозиция» заявила о себе. «Эксперт» пером Андрея Громова и той же Татьяны Гуровой тут же написал, что декларация группы Плигина, Крашенинникова и т.д. — это «выбор Кремля». Вопреки январской гуровской статье утверждалось, что по сравнению с избранными Путиным либеральными единокороссами слабы не только оппозиционные демократы, но и региональные лидеры и даже «ультрасиловики», якобы непопулярные и в ФСБ («Не случайно среди подписавших либеральный манифест «Единой России» много выходцев из ФСБ, которые еще недавно ассоциировались с «питерскими чекистами»). Авторы настойчиво писали, что именно либеральное крыло должно стать идеологическим ли-

⁶² Привалов Александр. Отберите у детей спички // Эксперт. 2005. 17 января.

⁶³ С какой идеологией выйдет «Единая Россия»? Обращение к членам партии // Полит.ру. 2005. 22 апреля (<http://www.polit.ru/dossie/2005/04/22/lib.html>).

⁶⁴ Соколов Максим. Письмо Пьера Безухова к съезду // Эксперт. 2005. 17 января.

дером «Единой России», — и это, видимо, в сотрудничестве с обновленным СПС обеспечит преемственность власти⁶⁵.

Столь решительный отказ от прежних планов и оценок можно объяснить тем, что на сей раз авторы (и, видимо, вся редакция) выступили не столько как эксперты, сколько как участники политической игры, понадеявшись на более серьезный успех, чем с проектом Общественной палаты.

Но игра не состоялась: «либеральное крыло» тихо и удивительно быстро перестало существовать.

Заключение

Судя по всему, сложившийся уже политический режим не нуждается в «либеральных консерваторах» в качестве политической силы. Он, похоже, вообще не нуждается в политических силах, полагаясь на силы административные. Здравый смысл побуждает власть обращаться к независимым людям и группам, но рефлекс созданного режима побуждает резко ограничивать участие во власти этих групп, и так возможное только при условии повышенной лояльности. И рефлекс оказывается сильнее здравого смысла.

В таких обстоятельствах независимым группам, стремящимся повлиять на власть изнутри (а не встать в оппозицию к ней), остается только подчиниться и занять отведенные им ниши, надеясь на то, что из этих ниш они смогут пробиться и расширить свое влияние. Проблема в том, что в авторитарной системе нельзя пробиться выше силой или убеждением, а только — решением сверху. А сверху в этой системе находятся элементы отнюдь не либеральные. Не только апелляция к демократическим речам Путина⁶⁶ неуместна, но и моделирование мышления власти, принятое Волковым и Приваловым (см. выше), может оказаться чрезмерно оптимистическим. А значит, бороться придется не только и, может быть, не столько за расширение влияния, сколько за сохранение хотя бы того влияния, что есть.

⁶⁵ Громов Андрей, Гурова Татьяна. Капитальный ремонт консерватизма // Эксперт. 2005. 9 мая.

⁶⁶ Соколов Максим. Письмо Пьера Безухова к съезду.

Анвар Амиров

«Справедливость наконец-то восторжествовала»

«Объективные» основания действий власти в «деле ЮКОСа» в представлении ее сторонников

Дело компании ЮКОС — одно из ключевых событий в экономической и политической жизни России последних лет. Как известно, часть политиков и предпринимателей увидели в этой истории негативные моменты для дальнейшего развития страны. Но многие общественные деятели высказались в поддержку действий властей. Они, как ни банально это звучит, выражают мнение определенных слоев общества. Нам хотелось зафиксировать и понять, на чем основана поддержка действий властных структур в части российского общества.

Особенности оценки дела ЮКОСа

Первая из особенностей общественной дискуссии по делу нефтяной компании ЮКОС, которая легко выявляется, состоит в том, что позиция автора зачастую оказывается скрытой под маской объективного комментатора. Комментаторы в средствах массовой информации часто не высказывают прямо одобрение или порицание происходящим событиям, они лишь пытаются определить объективные, на их взгляд, причины конфликта. Реже встречаются прямая поддержка действий государства в отношении ЮКОСа и попытки обосновать необходимость и полезность подобных действий.

Очень часто комментарий сводится к репрезентации собственного понимания расхождений во взглядах руководителей ЮКОСа¹ и ру-

¹ При этом сами взгляды руководителей ЮКОСа могут трактоваться и узко, и расширительно. Позиция Михаила Ходорковского и его партнеров может расширяться до позиции определенной группы. Например, его действия могут представляться как деятельность владельцев крупного бизнеса (тех, кого принято называть «олигархами»). Но они же могут трактоваться и более широко — как действия тех, кто разбогател в результате политики, проводившейся в 90-е годы президентом Ельциным. Или еще более широко — как взгляды класса капиталистов. В узком смысле за действиями М. Ходорковского видят некие его личные амбиции.

ководства государства. И уже из выявленных расхождений делается вывод, что государство было вынуждено применить меры защиты в виде административного и уголовного воздействия как на руководителей компании, так и на сам ЮКОС. При этом делаются идеологические ссылки на природу российского государства, которое в силу этой самой своей природы не может (и/или не должно) терпеть расхождение во взглядах.

Такая технология, на наш взгляд, чаще всего подразумевает негативную оценку деятельности руководителей ЮКОСа. Как минимум они не учли (в силу каких-то субъективных или объективных причин) объективные условия ведения бизнеса в современной России, за что и понесли наказание. Как максимум — сознательно выступили против природы российской государственности.

Особенность «комментаторской» позиции заключается в том, что она часто не имеет характера поддержки или порицания действий руководителей государственных органов или ЮКОСа. Такая позиция претендует на объективный характер и раскрытие объективных тенденций. Михаил Ходорковский и его партнеры, с этой точки зрения, представляются как минимум неудачниками. Если и не выражается прямо поддержка действиям властей, то дается негативная оценка руководителей ЮКОСа. Именно их действия были неверны. Как говорил доктор медицины Бартоло предприимчивому Фигаро: «Умный никогда не будет связываться с сильным».

В таких комментариях по делу ЮКОСа исполнительная власть часто предстает в виде «самодействующего» механизма, особого рода машины, лишенной персонального управления. ЮКОС, его владельцы, прежние руководители страны нарушают некие неписанные законы функционирования государственной власти, некие инварианты российской государственности. В ответ государственная машина возвращается в рамки этих инвариантов и через механизмы преследования начинает вытеснять из своего организма факторы-нарушения. При этом, чем ближе комментатор к властному ядру, тем более анонимным, более механистичным становится государственный механизм. Этот механизм, подобно телам аристотелевской физики, стремится занять предписываемое его природой «естественное» состояние. — И, наоборот, чем более маргинальное положение занимает комментатор, тем более персонифицированным становится государственный механизм.

Важной особенностью дела ЮКОСа является параллельный ход нескольких процессов: фискальные претензии Федеральной налоговой службы собственно к нефтяной компании, уголовный процесс по обвинению владельцев

компании Михаила Ходорковского и Платона Лебедева², другие процессы. Есть собственно дело ЮКОСа и ее дочерних структур, которое рассматривали арбитражные суды различных инстанций. Но есть и большое «дело ЮКОСа», которое включает в себя дела Ходорковского и Лебедева, дела других управленцев компании, претензии к дочерним структурам и пр. И снова, чем ближе комментатор к властному ядру, тем в большей степени дело ЮКОСа сводится им к разбирательству в арбитражном и/или уголовном суде. И чем более «маргинальным» по отношению к властному ядру³ является автор комментария и высказывания, тем более широкое поле явлений (политических, экономических, нравственных и т.п.) «затягивает» в себя комментарий и тем менее автор находит необходимым обосновывать свои аргументы, ограничиваясь констатациями типа «известно, что».

Официальная версия

Официальная версия преследования ЮКОСа заключается в нарушении руководителями компании действующего (действовавшего) законодательства. Эти нарушения выразились в использовании компанией разного рода финансовых схем уплаты налогов, которые привели к занижению уровня налогообложения компании и тем самым нанесли ущерб федеральному бюджету⁴. Решение по данному делу было вынесено Арбитражным судом г. Москвы 26 мая 2004 года. Таким образом, официальным обоснованием преследования ЮКОСа было исполнение закона вне зависимости от размеров и статуса его акционеров и руководителей.

² Как известно, по уголовному делу, рассматривавшемуся в Мещанском суде г. Москвы, Ходорковскому и Лебедеву не предъявлялись обвинения, связанные с деятельностью ЮКОСа.

³ Автор вполне отдает себе отчет в очевидной неопределенности употребляемых понятий «близости», «удаленности», «ядра власти». Неясна метрика, которая могла бы быть использована для подобного рода определений. Но можно обратиться к интуитивной логике ранжирования, по которой, например, журналист общенационального телеканала оказывается ближе к ядру власти, а журналист негосударственной газеты — дальше от этого ядра. Следует сделать еще одно замечание. Та или иная степень одобрения действий властей по отношению к ЮКОСу совсем не означает автоматического одобрения всей той политики, которую осуществляют власти по широкому спектру вопросов. Одобрение «дела «ЮКОСа» не есть одобрение политики правительства и президента.

⁴ В мае 2005 года представители Генеральной прокуратуры России сообщили, что их ведомство было намерено предъявить Михаилу Ходорковскому и Платону Лебедеву обвинения в неуплате налогов и отмывании незаконно полученных средств. На момент написания статьи обвинения предъявлены не были.

Официальная версия произошедшего, как и следовало ожидать, не содержит указаний на политические, коммерческие или какие-либо другие причины для преследования ЮКОСа.

В ноябре 2003 года президент Путин, отвечая на вопросы итальянских журналистов о деле ЮКОСа, заявил: «Государство может ставить (в деле ЮКОСа — А.А) перед собой лишь одну цель — наведение порядка в выполнении действующего законодательства»⁵.

«Концептуальные» противники исполнительной власти, оспаривавшие справедливость претензий к ЮКОСу, в качестве одного из аргументов заявляли, что дело носит выборочный характер. Те претензии, которые были предъявлены к компании, могли быть предъявлены большому числу российских корпораций.

Со своеобразной аргументацией, почему именно к ЮКОСу были предъявлены жесткие меры, выступил министр финансов РФ Алексей Кудрин. В интервью газете «The Financial Times», опубликованном в декабре 2003 года, Кудрин отметил, что ЮКОС находился на первом месте по уклонению от налогов. «Они были очень агрессивными. Они пытались найти легальные схемы. Я не могу критиковать легальное уклонение от налогов, но другой вопрос — это моральная сторона», — сказал он⁶.

Кудрин назвал компанию ЮКОС «компанией номер один по уходу от налогов»⁷.

В деле ЮКОСа был еще один момент, который потребовал от властей пояснений их действий. Это касалось возможности предоставления ЮКОСу отсрочек по тем платежам, которые корпорация должна была сделать по решению суда. Тем более, что руководители компании неоднократно заявляли, что компания в состоянии выплатить долг при условии предоставления подобной отсрочки. Пояснение по позиции правительства дал заместитель министра финансов Сергей Шаталов. По его словам, на предоставление отсрочек или рассрочек налоговых платежей тоже имелись определенные ограничения, наложенные законом о бюджете. Согласно закону о бюджете на соответствующий год Минфин мог предоставить такую отсрочку по налоговым поступлениям в бюджет РФ. Однако действовать Минфин мог в пределах сумм, предусмотренных за-

⁵ Путин Владимир. Вступительное слово и ответы на вопросы журналистов на пресс-конференции по итогам российско-итальянских переговоров // Президент России. Официальный сайт 2003 5 ноября (<http://www.kremlin.ru/text/appears/2003/11/55073.shtml>)

⁶ Кудрин считает необходимым остановить уклонения от налогов — FT // ИНТЕРФАКС-АФИ. 2003. 3 декабря (цит. по: http://www.minfin.ru/off_inf/593.htm).

⁷ Там же.

коном о бюджете. Кроме того, г-н Шаталов заявил, что «в вопросах реструктуризации давно поставлена точка — два года назад», — сказал Шаталов. По мнению г-на Шаталова, принятие решения по реструктуризации долгов «ЮКОСа» означала бы «отказ от тех принципов, которые были приняты два года назад (то есть в 2002 году — А.А.)»⁸.

И все-таки даже официальная позиция властей по вопросу необходимости воздействия на ЮКОС оказалась не вполне монолитной. В марте 2005 года помощник президента России Игорь Шувалов коснулся дела ЮКОСа во время своего выступления на ежегодной инвестиционной конференции Американской торговой палаты. Говоря о приверженности российских властей либеральному курсу, он признал, что это дело имело показательный характер, и было призвано понудить другие компании платить налоги в полном объеме. По мнению г-на Шувалова, на тот момент основная задача, стоявшая перед правительством, была «заставить компании платить налоги». «Если не ЮКОС, то это была другая компания», — сказал Шувалов. Он также сказал: «Никто не хочет больше никакого «ЮКОСа», но если это потребуется для того, чтобы заставить платить налоги, правительство пойдет на это»⁹.

Фактически г-н Шувалов косвенно подтвердил мнение об избирательном применении закона к компании.

Политическая необходимость

Отсутствие полного единства в правительстве во взглядах на дело ЮКОСа продемонстрировал не только помощник президента Игорь Шувалов. Министр экономического развития и торговли РФ Герман Греф, выступая еще в декабре 2003 года в телевизионной программе «Времена» на «Первом канале», высказал мнению, что в этом деле имеется политическая составляющая. По мнению г-на Грефа,

«произошло неизбежное — столкновение набирающего обороты российского бизнеса и очень крупных компаний, которые явно диспропорциональны текущему состоянию экономики страны, которые сумели мобилизовать массу активов, и произошел конфликт с властью. Он был неизбежен, он бы все равно произошел. Компании начали играть активную политическую роль в политической жизни страны, что, естественно, не понравилось власти»¹⁰.

⁸ РИА «Новости». 2004. 6 июля.

⁹ Прайм-ТАСС. 2005. 29 марта.

¹⁰ Времена // Первый канал. 2003. 28 декабря (цит. по: http://www.ltv.ru/owa/win/ortb_main.print_version?p_news_title_id=62574)

Следует отметить, что политическое обоснование дела ЮКОСа – как неизбежного столкновения набирающих обороты крупных российских компаний и властей – было внятно сформулировано весной 2003 года. К тому моменту преследование компании и ее руководителей еще не началось. Весной 2003 года получил распространение доклад общественной организации Совет по национальной стратегии¹¹ под названием «В России готовится олигархический переворот»¹². Авторы доклада утверждали: «Весна 2003 года ознаменовалась началом качественно нового для современной России процесса. Правящий олигархический слой ... приступил к подготовке трансформации государственного устройства страны с целью обеспечения личной унии сверхкрупного бизнеса и исполнительной власти».

К олигархам, стремившимся совершить «трансформацию государственного устройства» России, был отнесен в докладе и Михаил Ходорковский. Доклад констатировал: «Олигархический слой в современной России выработал определенную систему базовых ценностей. Эту систему с известной степенью точности можно назвать антinationальной».

Мнение о том, что руководители ЮКОСа стремились трансформировать свои экономические возможности в политическую силу, разделяется многими политиками, аналитиками и другими общественными деятелями. При этом явно или неявно, подобно докладу Совета по национальной стратегии, подразумевается, что руководители ЮКОСа стремились проводить такую политическую линию, которая получает определения антinationальной, противоречащей интересам страны. Понятно, что здоровое общество и государство должны противостоять подобного рода политике.

О существенном политическом влиянии ЮКОСа говорил в упомянутом уже интервью министр финансов России Алексей Кудрин. По словам г-на Кудрина, ЮКОС руководил влиятельным «энергетическим лобби» в Государственной Думе третьего созыва. Оно, по мнению г-на Кудрина, являлось «очень агрессивным и богатым»¹³.

Бывший председатель правительства России, председатель Торгово-промышленной палаты РФ Евгений Примаков оценил «дело Юкоса» как «стремление власти, пока не поздно, дать отпор вседозволенности» групп олигархов¹⁴.

¹¹ Общественная организация «Совет по национальной стратегии» была создана в 2002 году. В состав СНС входили 23 известных эксперта, в частности: Иосиф Дискин, Станислав Белковский, Сергей Марков, Андрей Рябов, Марк Урнов, Дмитрий Орешкин, Леонид Смирнягин, Илья Пономарев и др.

Авторство доклада принадлежит Станиславу Белковскому.

¹² В России готовится олигархический переворот // Утро.Ru. 2003. 26 мая (<http://www.utro.ru/articles/2003/05/26/201631.shtml>).

¹³ Там же.

С ним солидарен депутат Государственной Думы Виктор Алкснис:

«Дело Юкоса – это не экономическое дело, а политика. Это показательный процесс. И что дело Юкоса – это просто попытка построить представителей крупного бизнеса, показать им границы того поля, в котором они могут действовать, а если они выйдут за пределы этого поля, то на них обрушится вся мощь российского государства»¹⁵.

Руководитель программы «Постскриптум» на телеканале ТВЦ Алексей Пушков сравнил действия президента Путина с поступками президента США Рузвельта:

«Когда американский железнодорожный магнат Морган в конце XIX – начале XX века опутал страну сетью железных дорог, сделав объективно прогрессивное дело, он стал демонстративно спрашивать: а, собственно, кто там сидит в Белом доме? Рузвельт? Кто он такой, сколько у него денег? Ах, у него нет и миллиона? Тогда что же он там делает? И тогда законно избранный президент Рузвельт жестко показал ему его место. В этом смысле Путин поступил вполне логично по отношению к Ходорковскому. Он пошел по пути Рузвельта. Ходорковскому объяснили, кто является легитимным президентом»¹⁶.

По мнению политолога Александра Ципко, важным и нужным в противодействии власти влиянию ЮКОСа оказалось не только противодействие влиянию капитала, но и тому политическому направлению, которое руководство компании исповедовало. «Дело Юкоса обнажило все основные конфликты России и прежде всего непримиримый конфликт между теми, кто называет себя либералами, и подавляющей частью населения», – писал он. Г-н Ципко считает, что

«налицо конфликт между теми, кто составляет явное, подавляющее меньшинство России и кто добивается ... увековечения режима, сложившегося в результате ваучерной приватизации, увековечения иммунитета от судебных преследований для героев реформ, и теми, кто полагает, что дальше так жить нельзя,

¹⁴ Е. Примаков: Олигархи угрожают экономике РФ // ИА Росбизнесконсалтинг. 2004. 14 января (http://top.rbc.ru/index.shtml?news/policy/2004/01/14/14205053_bod.shtml).

¹⁵ Олег Миронов о процессах над владельцами ЮКОСа // Радио Свобода. 2005. 30 марта (<http://svoboda.org/ll/grani/0305/11.033005-1.asp>).

¹⁶ Россия: выбор маршрута // Труд. 2005. 28 апреля.

что интересы экономической и политической безопасности страны требуют от президента новых решений».

В то же время среди причин, вызвавших действия против ЮКОСа, назывались личные политические планы и взгляды Ходорковского. Вот, например, мнение, которое высказал президент Института стратегических оценок Александр Коновалов сразу после ареста Ходорковского: «Ходорковский уже давно говорил, что в продолжении бизнеса он очень большого личного интереса не видит... Человек в такие годы, с хорошим здоровьем и с таким состоянием, может ставить перед собой глобальные задачи, сверхзадачи... Президента и администрацию напугали именно политические амбиции Ходорковского»¹⁷.

Автор издания «Спецназ России» считает, что Михаил Ходорковский имел серьезные политические планы:

«После слияния ЮКОСа и «Сибнефти» Ходорковский вполне мог бы претендовать на высшую власть в стране, а его «личное» состояние могло приблизиться к ВВП всей Российской Федерации. Сам олигарх в отличие от многих крупных предпринимателей в последнее время неоднократно проявлял непомерные политические амбиции»¹⁸.

А вот некто Влад. Турбин, не только констатирует политические планы г-на Ходорковского, но и говорит об опасности его политической позиции. По мнению этого автора, Ходорковский был намерен добиваться создания в России парламентской республики. Комментатор сравнивает президента Путина с Мининым и Пожарским и поддерживает руководителя государства в том, что «вместо аморфной парламентской республики, без царя в голове, которую предлагал Ходорковский, Россия продолжает оставаться государством с сильной единоличной властью, хотя сегодня она формально и республика, но по сути — единоначалие»¹⁹.

¹⁷ Политологи об уходе Ходорковского // Время новостей. 2003. 4 ноября. Отметим, что А. Коновалов не дает оценки ни планам г-на Ходорковского, ни действиям президента и его администрации. Он лишь констатирует политические амбиции предпринимателя.

¹⁸ Евдокимов Павел. Битва за русскую нефть // Спецназ России. 2003. №11. Оставляем на совести автора сопоставление возможного личного достояния Ходорковского и ВВП России.

¹⁹ Турбин Влад. Ник. За что посадили Ходорковского // Вперед, Россия! Информационно-аналитический бюллетень Бориса Федорова. №2 (цит. по: Так за что посадили Ходорковского? // Демократия в осаде. 2003. 8 декабря; <http://osada.sova-center.ru/archive/25F21B4/35AAE63/2BC4ECD>).

Экономическое обоснование

Влияние, которое имела нефтяная компания ЮКОС на решение экономических и политических вопросов в стране, определялось ее экономической мощью. По мнению значительной части тех, кто поддержал действия властей против самой корпорации и ее руководителей, владельцы ЮКОСа использовали эту экономическую силу несправедливо.

Несправедливым, по их мнению, было само получение владельцами группы «МЕНАТЕП» богатства и связанного с ним экономического влияния. Несправедливой, искаженной, опасной была политика, которая на протяжении 90-х проводилась президентом Борисом Ельциным. Чаше всего в этой связи упоминается процесс приватизации, в результате которого группа «МЕНАТЕП» получила под свой контроль ЮКОС, а владельцы компании смогли сделать себе миллиардные состояния.

Президент Путин был одним из тех, что выразил свои сомнения по поводу законности и справедливости возникновения подобных состояний. В интервью израильскому телевидению он так высказался по делу ЮКОСа:

«Многие решения, которые были приняты в начале и в середине 90-х годов в ходе процесса приватизации, подавляющим большинством российской общественности, мягко говоря, считаются очень спорными... Уверен, что простые граждане в любой стране, в том числе и в Вашей, конечно же, будут задаваться вопросом: «Как в нормальной экономике, соблюдая закон, за 5–6 лет можно заработать 6–7 миллиардов личного состояния в рамках закона?»²⁰

Говоря о деле ЮКОСа в широком аспекте, еще более резко выразил мысль о несправедливости больших доходов бывший член Совета Федерации Рамазан Абдулатипов:

«Бизнес-элиты еще не наелась. Для нее недостаточно 100, 200, 300 процентов... Мы допустили огромную дифференциацию — не только между людьми, различными слоями, но и между регионами. Мне кажется, вопрос перед бизнесом вообще можно поставить так на ближайшие 20 лет: кто заработал больше миллиарда долларов — автоматически с вещами должен идти в Лефортово»²¹.

²⁰ Путин В. Интервью Первому каналу израильского телевидения // Президент России. Официальный сайт. 2005. 20 апреля (<http://www.kremlin.ru/text/appears/2005/04/86991.shtml>).

²¹ Россия: выбор маршрута // Труд. 2005. 28 апреля.

Несправедливое распределение доходов в стране в первую очередь связывается с той приватизацией, которая прошла в 90-е. Особенное неприятие вызывает проведение в 1995 году так называемых залоговых аукционов. Тогда, как известно, акции гигантов российской индустрии перешли в руки небольшой группы предпринимателей за сравнительно небольшие по нынешним меркам суммы. Известный журналист Михаил Леонтьев видит в деле ЮКОСа и Михаила Ходорковского восстановление справедливости, нарушенной в результате приватизации и залоговых аукционов.

«В своем комментарии он говорит следующее: «Известно, что он (Ходорковский. — А.А.) не заплатил причитающуюся государству сумму. Он расплатился с государством государственными же деньгами, это уже всем известная афера. 350 миллионов, за которые он получил ЮКОС, не были реально заплачены Ходорковским. Исходя из того, что Ходорковский получил половину активов бесплатно, можно сказать, что теперь государство вернуло себе свое, пусть и через свою полугосударственную компанию, плюс получило в бюджет почти 10 миллиардов долларов... Я считаю, что можно считать, что справедливость в деле ЮКОСа наконец-то восторжествовала... С имущественной точки зрения теперь все по-честному»²².

Значительная часть общественности считает, что экономической ошибкой 90-х была передача природных богатств в частные руки. Государство, по мнению ряда политиков и экономистов, должно вернуть крупные компании нефтяной отрасли в свои руки. Вот, например, характерное мнение Владимира Жириновского, который, как известно, очень чутко улавливает общественные настроения. Комментируя дело ЮКОСа, он заявил, что деньги «Юкоса» — «это все деньги нашей страны, это просто юридическое оформление присвоения доходов за продажу нефти в пользу одного лица». Владельцы компании, по мнению политика, незаконно присваивали доходы за использование национальных богатств. В этой связи Владимир Жириновский заявил:

«Мы, Госдума, не давали права присваивать деньги за национальное богатство. Он (Ходорковский. — А.А.) имеет право как менеджер получать зарплату за управление компанией, но не стоимость нефти. 70 процентов доходов за использование при-

²² Леонтьев Михаил. ЮКОС. Западной собаке не укусить толстые икры Газпрома // Мультипортал КМ. Ru. 2004. (<http://www.km.ru/uncensored/index.asp?data=20.12.2004%2018:15:00&archive=on>).

родных ресурсов должны отдаваться государству». Лидер ЛДПР считает, что представители ЮКОСа «должны это понять и рассчитаться с государством»²³.

Прямое и достаточно радикальное мнение по вопросу залоговых аукционов высказывает бывший заместитель председателя Государственной Думы, предприниматель Михаил Юрьев:

«Я являюсь категорическим противником — чтобы отобрать у Ходорковского и отдать какому-нибудь там Иванову... Я категорически против. Но то, что у всех тех олигархических групп, которые сырьевые компании украли — я говорю именно так, потому что есть немногие, которые все-таки, из последних, были куплены за мало-мальски реальные деньги. Да, я как бы совершенно уверен, что их нужно отобрать — только не в частную собственность кому-то другому, а в государственную — ну, называйте это национализацией, хорошо, я не против»²⁴.

Отметим, что существует еще одно негативное мнение об экономической политике и о ЮКОСе, которое было высказано со ссылкой не на экономические законы, но на религиозные нормы. На интернет-сайте Ислам.ру имеется редакционный комментарий к делу ЮКОСа:

«В России создан ужасающий порядок: несколько человек фигурируют в списках самых богатых людей планеты, а более трети населения не живет, а лишь поддерживает существование в пределах прожиточного минимума. При этом отечественные олигархи приватизировали только «железо», то есть вышки, заводы и проч. Природные богатства и земля, в которых они находятся, остались во владении государства. Согласно Исламу, природные богатства, расположенные на общественной земле, принадлежат всему населению страны. Доход от их продажи должен быть распределен между всеми гражданами, а не внутри группы избранных лиц»²⁵.

²³ Цит. по: Баусин Алексей. Обострилась конкуренция за право разоблачать «врагов народа» из ЮКОСа // Независимая газета. 2003. 4 августа.

²⁴ Юрьев Михаил. Внутренний враг и национальная идея // Эхо Москвы. 2004. 28 ноября (<http://echo.msk.ru/guests/2177/>). Название дано радиостанцией «Эхо Москвы».

²⁵ Исламское решение «дела ЮКОСа» // Ислам.Ру. Пресс-клуб (<http://www.islam.ru/pressclub/tema/yukos.htm>). Правда, в отличие от В. Жириновского, автор комментария не высказывает мнения, как следует поступить в случае ЮКОСа. Но моральное суждение, на наш взгляд, высказано достаточно ясно.

А вот уже упомянутый журналист Михаил Леонтьев находит арест Ходорковского законным, поскольку тот был эффективным руководителем. Руководитель ЮКОСа оказался, если так можно выразиться, ударником негодной экономической политики:

«Ходорковский являлся самым эффективным функционером в системе по выкачиванию сырьевых ресурсов из России, сложившейся за последнее десятилетие реформ. Именно на добычу ресурсов и их экспорт ориентирована сейчас вся российская экономика, в ущерб всему остальному. По этой причине, арест Михаила Ходорковского был практически закономерен, т.к. только таким экстремальным образом можно остановить этот маховик выкачивания ресурсов из России и заставить задуматься российский бизнес, как иначе можно зарабатывать, не забывая в то же время и о социальной ответственности»²⁶.

Анти-Americana

Политический фактор в деле ЮКОСа не ограничивается только лишь экономической политикой.

Еще до начала дела ЮКОСа, в упомянутом выше докладе Совета по национальной стратегии под названием «В России готовится олигархический переворот», в качестве негативной характеристики «олигархов» констатировалась их зависимость от западных держав. Авторы доклада пишут:

«В коллективном понимании олигархов, иностранный собственник в России защищен существенно лучше отечественного. Можно сказать, что олигархи осознанно или бессознательно апеллируют к ресурсу других государств как гарантов их интересов на политико-экономическом пространстве России»²⁷.

Большое число комментаторов положительно оценивают действия властей по отношению к ЮКОСу именно в связи с внешнеполитическим положением России. Главную роль в этой оценке играет борьба России за возвращение своего положения в мировой политике, утраченного после

²⁶ Цит. по: Новая патриотическая программа «Русский взгляд» // Информационно-аналитический портал «Евразия». 2003. 2 ноября (<http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=print&sid=1515>).

²⁷ В России готовится олигархический переворот // Утро.Ru. 2003. 26 мая (<http://www.utro.ru/articles/2003/05/26/201631.shtml>).

распада Советского Союза. Многие политики, политологи и эксперты видят суть конфликта в попытках корпораций и правительства США утвердить новый мировой порядок и получить доступ к российским топливным ресурсам. Руководитель ЮКОСа Михаил Ходорковский представляется им сторонником американской политики.

Автор популярной книги «Почему Россия не Америка» Андрей Паршев усматривает эту тенденцию в планах руководителей ЮКОСа привлечь американских инвесторов. Вот как он комментирует дело ЮКОСа:

«Что касается России, то мы видим совершенно явные попытки англо-американских корпораций присвоить себе нашу нефть – например, при помощи своей агентуры в лице ЮКОСа. Ведь именно им планировалась продажа этой нефтяной компании. Скорее всего, суть недавних событий заключалась в том, что была попытка Ходорковского окончательно передать ЮКОС в собственность иностранцев, но наше государство нашло в себе силы воспротивиться, может быть, временно»²⁸.

Комментатор журнала «Российская Федерация сегодня» Анатолий Салуцкий считает, что Ходорковский планировавший продажу акций ЮКОСа американским инвесторам, угрожал национальной безопасности. По мнению этого автора, продажа несла угрозу национальным интересам России:

«Теперь общественности стало известно, что бывшие руководители этой компании (ЮКОСа – А.А.) планировали ее продажу американцам. А слияние ЮКОСа с “Сибнефтью” на этом фоне могло означать, что под контроль американских нефтяных гигантов перешло бы более половины российской нефтедобычи, что повлекло бы за собой фактическую утерю нашей страной политической самостоятельности. В таких условиях президентские выборы 2008 года, само собой разумеется, прошли бы по сценарию, написанному за океаном... Продажа иностранцам по дешевке российской бюджетобразующей нефтяной компании кардинально расходится с национальными интересами страны»²⁹.

²⁸ Вельдина Ольга. Мифы лгут... Интервью с писателем Андреем Паршевым // Литературная газета. 2003. №52.

²⁹ Салуцкий Анатолий. Уроки «дела ЮКОСа» // Российская Федерация сегодня. 2004. №24.

Павел Евдокимов в публикации под характерным названием «Битва за русскую нефть» посчитал опасными представления Ходорковского о роли российских нефтяных компаний на мировых рынках. В частности, по его мнению, это проявилось в несогласии Ходорковского с политикой президента Путина в иракской войне. В марте 2003 года, как известно, президент Путин поддержал позицию Франции и Германии, выступивших против введения войск коалиции во главе с США в Ирак.

«Накануне войны в Ираке он (Ходорковский. — А.А.) играл первую скрипку с российской стороны в попытках разрушить франко-германо-российский альянс. Менее чем за неделю до начала боевых действий олигарх утверждал, что «Россия не должна упустить свой шанс», что ей следует заключить союз с Соединенными Штатами, а не выступать на стороне европейцев против «демократизации» официального Багдада». Ходорковский «фактически выступал агентом влияния США. Ходорковский лоббировал концепцию «энергетического союза» с дядей Сэмом. Цель — гарантия поставок русского черного золота за океан в случае тяжелой нестабильности на Ближнем Востоке. Таким образом, контратака на Ходорковского со стороны российских властей и красноречивый отказ президента Владимира Путина вступить за него имеют глубокий стратегический подтекст»³⁰.

Своего рода апофеозом расследования антироссийской деятельности Михаила Ходорковского стал доклад Станислава Белковского «Трагедия Владимира Путина». В докладе сообщается о ставших известными политологу мотивах ареста предпринимателя. По сведениям г-на Белковского, Михаил Ходорковский в ходе своей поездки в США в 2003 году в беседе с помощником Джорджа Буша по национальной безопасности Кондолизой Райс заявил, что собирается прийти к формальной политической власти в России. После этого Ходорковский был готов пойти на полное ядерное разоружение России. За это бывший владелец ЮКОСа якобы рассчитывал получить 50–60 миллиардов долларов США на программу утилизации ядерного оружия. Еще 100 миллиардов акционеры «ЮКОСа» должны были получить за организационные услуги, всенародную пропагандистскую кампанию и «самое символически важное действие — подтверждение неизбежности конца истории по-вашингтонски»³¹.

³⁰ Евдокимов Павел. Битва за русскую нефть // Спецназ России. 2003. №11.

³¹ Белковский Станислав. США отказались купить у Ходорковского ядерный арсенал России за 160 миллиардов долларов // Лента.Ru. 2004. 19 января (http://lenta.ru/russia/2004/01/19/khodorkovsky/_Printed.htm).

Предложение Ходорковского показалось американцам чересчур авантюрным, и они поставили о нем в известность президента Путина.

Масоны, еврей, «мировая закулиса»

Ряд комментаторов «дела ЮКОСа» считают, что своей деятельностью Ходорковский противопоставил себя традиционным российским экономическим и политическим ценностям. По мнению лидера движения «Евразия» Александра Дугина, Ходорковский вообще выступал с антихристианских позиций. По его словам,

«Ходорковский был убежденным глобалистом, т.е. служил антихристу, так как глобализация в православной (особенно в старообрядческой) перспективе и есть установление на земле царства антихриста. Ходорковский (как и Сорос) оказывал поддержку тем религиозным и культурным организациям, которые согласны с проектом глобализма»³².

Однако другие комментаторы усматривают корень проблемы вовсе не во взглядах Ходорковского на глобализацию. В их глазах он представляет собой опасность как представитель масонского движения. Упомянутый выше Влад. Турбин заявляет:

«Финансовая империя вовсе и не является собственностью М. Ходорковского, активы принадлежат не ему лично, а масонской братии, которая использует их на свою уставную деятельность. М. Ходорковский в такой схеме выглядит, с одной стороны, партийным управляющим (чужому такой пост не доверишь), а, после статьи в «Ведомостях»³³, оказывается, что он работает не только в финансовом отделе, но еще и в идеологическом — пишет из тюрьмы программу действий на пятьдесят лет вперед».

Влад. Турбин вновь положительно отзывается о президенте Путине, который «устранил угрозу парламентаризма в России. Промая масонские планы, В. Путин делал то же самое, что в свое время сделали Екатерина Великая, Николай Павлович и товарищ Сталин, разгромившие масонство».

³² Дугин Александр. Ходорковский был убежденным глобалистом, то есть служил антихристу // Портал-Credo. 2003. 6 ноября (<http://portal-credo.ru/site/?act=authority&id=149>).

³³ Имеется в виду статья М. Ходорковского «Кризис либерализма в России», опубликованная в газете «Ведомости» 29 марта 2004 г.

кие организации своего времени — сохранил для России путь традиционного исторического развития»³⁴.

Поддерживает мнение о связях Ходорковского и владельцев ЮКОСа с масонами и депутат Государственной Думы, член президиума Центрального политического совета партии «Народная воля» Николай Павлов: «Структуры Ходорковского «Открытая Россия», РГГУ Афанасьева–Невзлины³⁵ — откровенно масонские структуры».

Однако г-н Павлов видит опасность масонских организаций не в стремлении к парламентаризму. По его мнению, «роль масонства всегда и во все эпохи была исключительно разрушительной. Стратегическая цель масонства — отмена всех царств, всех религий»³⁶.

А вот автор газеты «Дуэль» Б. Никиш уточняет, какая именно масонская структура сделала Михаила Ходорковского миллиардером: «Нефть и другие природные богатства России были отняты у русского народа и иудомасонской закулисой организованно переданы в руки международного еврейства (составной частью которого является российское)».

По мнению г-на Никиша, передача природных богатств «имеет своей главнейшей целью, пожалуй, не столько обогащение еврейства (это безусловно, само собой...), сколько то, чтобы Россия, лишённая своих богатств, как можно скорей скапутилась. Исчезла бы с карты мира как государство русских. Россия — без русских». То, что автор имеет в виду именно руководителя ЮКОСа, выдает следующее далее суждение: «Еврей Ходорковский сидит за решёткой... При этом ему на его счета в зарубежные банки каждый год от продажи русской нефти поступает по 8 миллиардов долларов США»³⁷.

Бывший редактор «Военно-исторического журнала» генерал Виктор Филатов оставляет в иудомасонской конструкции лишь первую ее часть. Главным действующим лицом он видит не Михаила Ходорковского, а американца Ротшильда, который «рекрутирует русских дурачков в Крас-

³⁴ Турбин Влад. Ник. Даже в тюрьмах масоны чертят новые планы // Наша Родина. 2004. 31 марта (<http://www.nasha-rodina.ru/art7/a040331-masons.html>).

³⁵ Афанасьев Юрий Николаевич — бывший ректор Российского государственного гуманитарного университета. Невзлин Леонид Борисович — совладелец ЮКОСа, в 2003 г. занимал пост ректора РГГУ.

³⁶ Павлов Николай. «Государство существует не для того, чтобы создать рай на Земле, а для того, чтобы предотвратить ад...» // Наша Родина. 2004. 7 июля (<http://www.nasha-rodina.ru/art7/a040607-pavlov.html/>).

³⁷ Данный текст был расположен в сети Интернет на сайте газеты «Дуэль» (http://www.duel.ru/200503/?03_3_2), который в настоящее время недоступен. Текст взят из копии, хранящейся на поисковом сайте yandex.ru.

ную Армию мирового сионизма. Обтяпывает Ротшильд свои «большие проекты» в России кагалом: Group MENATEP, ЮКОС». По мнению Филатова, известный миллиардер Джордж Сорос является всего лишь финансовым офицером Ротшильда, а «Соросом в России Ротшильд назначил Ходорковского». Именно он ставил задачи Ходорковскому, чтобы получить контроль над Россией:

«Захватив культуру, образование, экономику России, Ротшильд кинулся теперь на легализацию своей политической власти в России... Начинать атаку на Путина приказано Ходорковскому. Первое задание: не допустить, чтобы нефтепроводы России ушли от евреев... Второе задание: обеспечить участие России в войне Ротшильда против Ирака... Третье: к торжествам свободных выборов в Думу «враждебные» Путину партии одеть во все «зеленое» со свастикой Давида»³⁸.

Восприятие дела ЮКОСа как борьбы с «мировой закулисой» вызывает всплеск антисемитской надежды. В ответ на слова президента Путина о стремлении властей навести порядок, анонимный комментатор интернет-сайта «Русское дело» восклицает:

«Президент Путин наконец произносит те несколько слов, которые весь Русский Народ как воздуха ждал последние 12 лет... Владимир Владимирович, от евреев устала уже и Европа. Ваш смелый почин ценят и приветствуют как дома, так и за рубежом. Все карты — Вам в руки! Ведите нас на бой! Народ давно готов!»³⁹.

Заключение

Если суммировать все версии произошедшего с ЮКОСом, то можно выявить общую тенденцию, которая объединяет сторонников государства. В глазах тех, кто в той или иной степени поддержал действия влас-

³⁸ Филатов Виктор. Солдаты Ротшильда // Русская библиотека (<http://libereya.ru/public/filatov.html>).

³⁹ Переворот продолжается! Путин обещает «навести порядок в стране»! // Русское дело. 2003. 6 ноября (http://www.RusskoeDelo.org/novosti/archive.php?year=2003&month=november#06_11_2003_PE). Нужно отметить, что не все приверженцы теории (иудомасонского заговора) приветствовали действия властей. Для очень многих все, и сам президент Путин, и правительство, и правоохранительные органы — лишь марионетки в руках тех, кто хочет нанести ущерб России.

тей, главной идеологической причиной атаки на ЮКОС (а в итоге — и разрушения компании), стало расхождение взглядов и интересов руководства компании (в частности Михаила Ходорковского) с «интересами государства» и взглядами руководства страны. Правовые аспекты и уголовного дела Ходорковского и Лебедева, и арбитражных дел ЮКОСа — лишь удобный повод для восстановления того, что каждый из комментаторов считает справедливостью. Право в их глазах служит и должно служить идеологии.

Ярослав Шимов

Национализм в Центральной, Восточной Европе и России: генезис, особенности развития, современность

Вначале — совершенно необходимая оговорка. Современный (в широком смысле слова, то есть в последние 150–200 лет) национализм в восточноевропейском регионе — тема настолько обширная и непростая, что претендовать на сколько-нибудь полное ее освещение в рамках небольшого текста было бы или слишком наивно, или чересчур самонадеянно. Посему все нижеследующее нужно рассматривать лишь как эскиз, попытку бегло обрисовать контуры происходивших и происходящих процессов генезиса наций в регионе Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ).

***

Принадлежность или не-принадлежность России к Европе является — как в российском обществе, так и за его пределами — предметом споров, которые принято относить к разряду «вечных». Однако по крайней мере в одном отношении Россия несомненно принадлежит к Европе, причем к Европе Восточной: в том, что касается специфики формирования современной нации (наций) на ее территории.

Некоторые исследователи, впрочем, подвергают сомнению само существование Восточной Европы как историко-культурного и политического феномена, полагая ее мифом, рожденным воображением высокомерного Запада:

«Именно Европа Западная в XVIII веке, в эпоху Просвещения, избрела Восточную Европу, свою вспомогательную половину... На том же континенте, в сумеречном краю отсталости, даже варварства, цивилизованность обнаружила своего полудвойника, полупротивоположность. Так была изобретена Восточная Европа»¹.

¹ Вульф Ларри. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 35.

Впрочем, тот же автор признает, что

«...отчуждение основано на экономической пропасти, пролегшей между богатой западной и бедной восточной половиной Европы; но несомненно и то, что эта пропасть окружена многовековыми наслоениями предрассудков и культурных стереотипов»².

Стараясь абстрагироваться от подобных предрассудков и стереотипов, обратим внимание на исторические факты и тенденции, подтверждающие реальную «особость» Восточной Европы, ее во многом отличный от западного путь — в том, что касается интересующей нас темы, а именно — формирования наций, националистических представлений и идеологий.

Для начала хотелось бы отметить, что автор этих строк солидарен с известной концепцией Бенедикта Андерсона, представляющего нации как один из видов «воображаемых сообществ» (*imagined communities*), который появляется в определенную эпоху при определенном стечении исторических обстоятельств³. Нации возникают как представление о некоей новой — точнее, в рамках большинства националистических дискурсов, «хорошо забытой старой» — общности. Эти представления поначалу разделяет весьма небольшая группа людей, как правило, представителей интеллигенции, то есть тех, кто оказался в каком-то смысле *вне* традиционной социальной иерархии. Нация — отнюдь не само собой разумеющееся, естественное явление, а лишь умозрительная (но реализуемая на практике) концепция. Чтобы понять это, достаточно вспомнить, что далеко не каждый этнос является нацией, то есть крупным сообществом, для которого характерно представление о культурном и языковом родстве всех его членов, исторической общности как их собственных судеб, так и судеб поколений их предков, привязанность к определенной территории и стремление к политическому самоопределению, высшей формой которого является создание национального государства.

Как отмечает Б. Андерсон,

«принадлежность к нации (nation-ness), равно как и национализм, — это своего рода культурные артефакты... Создание этих артефактов к концу XVIII столетия явилось следствием спонтанного «пересечения» отдельных исторических сил; но,

² Там же. С. 34.

³ Впрочем, это «стечение» настолько широко распространено, что нации и национализм стали в XIX—XX вв. явлениями глобального масштаба.

однажды созданные, <эти артефакты> стали «модальными», приобрели способность к трансплантации... в различные социальные ландшафты...»⁴.

Большинство исследователей сходится на том, что толчком к формированию современных наций, по крайней мере в Европе, явилось постепенное устранение сословных барьеров, экономический рост и связанное с ним распространение грамотности. Результатом последнего стало возникновение единых (то есть не ограниченных — в рамках данного территориально организованного сообщества — определенным сословием, социальной или религиозной группой) национальных культур на базе того или иного языка, становящегося таким образом *национальным* языком. Такая культура прививает людям, вырастающим в ее лоне, принципиально новое мироощущение.

Как полагает другой известный исследователь феномена национализма — Эрнест Геллнер,

«воспитание человека — самое ценное его достояние, поскольку дает ему его собственную идентичность. Современный человек, что бы он ни говорил, лоялен прежде всего не к монарху, стране или вере, а к культуре»⁵.

Возникающее в отдельных странах Европы в конце XVIII—XIX вв. культурное единство создает условия для формирования новой формы «воображаемого сообщества» — *нации*. Ее членами постепенно начинают осознавать себя не только «сознательные» представители интеллигенции, национально ориентированной буржуазии и/или аристократии, то есть те, кто, собственно, и создает концепцию нации, но и большинство носителей данной культуры.

Возникает система коллективных представлений и мифов, прежде всего исторических, устанавливающих якобы утраченную связь времен и дающих нации ощущение собственных корней. При этом средневековые королевства и империи, в которых идеологи национализма видят «предков» современных наций, зачастую представляют собой исторические явления, имеющие совсем немного общего с их якобы «потомками». Как отмечает Энтони Смит,

«националистическое обращение к прошлому — это не только возвеличивание народа и призывы к нему, но и повторное от-

⁴ Anderson Benedict. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.—N.Y.: Verso, 1991. P. 4.

⁵ Gellner Ernest. *Nations and Nationalism*. Oxford: Basil Blackwell, 1988. P. 45.

крытие отчужденной интеллигенцией всего этнического наследия и живой общности предполагаемого происхождения и истории... Мифы, символы, ценности и воспоминания вызывают у народа отклик, потому что они основываются на живых традициях людей (или выделяются из них), которые способствуют объединению и проведению различий между ними и их соседями»⁶.

Таким образом новая общность, нация, заявляет о себе и своих границах — географических, исторических и культурных.

***

Исторические условия для формирования наций оказались неодинаковыми в разных регионах Европы. В отличие от западной и северной ее частей, где формирование наций протекало в рамках государств, сложившихся еще в «донациональный» период (Франция, Испания, Англия, Швеция, Дания и др.), на востоке Европы вплоть до начала XX в. продолжали существовать огромные полиэтничные и поликультурные империи (Российская, Австро-Венгерская и Османская, до 1795 г. — также Речь Посполитая). Их единство поддерживалось тем же способом, что и в период раннего Нового времени — авторитетом правящих династий и мощью созданного ими государственного аппарата. (Особые случаи представляли собой Германия и Италия, где языковое и культурное единство и, как следствие, национальная идентичность зародились в условиях государственно-политической раздробленности, преодолеть которую удалось только во второй половине XIX в.)

Именно поэтому в Центральной и Восточной Европе существовало острое противоречие между имперскими государствами и новыми, национальными формами общности, возникшими в рамках этих государств. Это противоречие носило объективный характер, поскольку традиционные государства были *наднациональными* по своей структуре (достаточно вспомнить, например, «космополитический» характер аристократической элиты послепетровской России). Национализм же представляет собой

«политический принцип, который превращает культурное единство в важнейшую социальную связь, ... ставит легитимность отношений <между людьми> в зависимость от того,

⁶ Смит Энтони. Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2003. С. 95.

принадлежат ли члены рассматриваемой группы к одной и той же культуре... Для экстремальных форм национализма культурное⁷ единство является необходимым и достаточным условием легитимной принадлежности к данному политическому сообществу: только носители определенной культуры могут быть его членами, и сделать это должны все носители данной культуры»⁸.

Формы разрешения конфликта «нация—государство» оказались неодинаковыми в разных частях ЦВЕ, хотя все три вышеуказанные империи в 1917–1920 гг. распались. Но если на месте Австро-Венгрии возникла группа новых независимых национальных государств⁹, а кемалистская Турция, территориально «урезанная» наследница Османской империи, пошла путем радикального турецкого национализма, отказавшись от имперского принципа, то Российская империя в конечном счете была восстановлена большевиками — хоть и под другими лозунгами и с иной государственно-политической структурой. Большевицкий интернационализм оказался тем скрепляющим принципом, который пришел на смену триаде «православия, самодержавия и народности», служившей идеологическим фундаментом монархии Романовых. Впрочем, демонтаж имперского принципа был начат в России еще последними царями, противопоставившими ему великорусский национализм — что послужило в конечном итоге одной из причин краха империи: «Политика русификации не была в империи новостью. Она уже применялась в Польше после восстаний 1831 и 1863 годов¹⁰. Но при Александре III она уже не являлась, как прежде, наказанием, налагаемым на непокорный край; она стала системой, которую русское прави-

⁷ Наверное, в данном случае вернее было бы сказать «этническое», так как радикальный национализм обычно разделяет этнически «чистых» и «нечистых» носителей национальной культуры.

⁸ Цит. по чешскому изданию: Gellner E. Nationalismus. Praha: CDK, 2003. S.17–18. Курсив Э. Геллнера.

⁹ Ирония истории заключалась в том, что большинство этих государств, будучи *национальными* по идеологии и политической структуре (доктрина «чехословакизма» в Чехословакии, доминирование сербской элиты в Югославии, преследования этнических меньшинств в «расширенной» Румынии и новой Польше), являлись *многонациональными* де-факто и таким образом унаследовали — зачастую в еще более обостренной форме — проблемы межнациональных отношений, свойственные рухнувшей монархии Габсбургов.

¹⁰ Не совсем точно. О масштабной и целенаправленной политике русификации в польских, литовских и белорусских губерниях можно говорить только после разгрома восстания 1863–1864 гг.

тельство проводило по отношению ко всем подвластным национальностям, даже наиболее ему верным»¹¹.

Таким образом, с точки зрения генезиса наций крах императорской России отличался от краха Австро-Венгрии. Габсбурги олицетворяли национальную по своему характеру монархическую власть, которая потерпела поражение в борьбе с национализмами подвластных ей наций — чехов, поляков, австрийских немцев, венгров, сербов, румын и др. В империи же Романовых, помимо аналогичной борьбы правительства с проявлениями польского, финского, украинского, грузинского и прочих национализмов, имел место медленный, но верный дрейф самой власти в сторону великорусского национализма. Надо заметить, что многие современники осознавали характер происходящего, и это находило отражение в дореволюционной полемике по вопросу о национализме:

«...Народности, достигшие известного культурного развития, предъявляют к государству требование на признание за их культурой тех прав на самоуправление и национальную школу, которые заключаются в разумной децентрализации государственного управления; добровольно соглашаясь на эти требования, государство делает национализмы провинций для него не опасными... Борьба между народностями равноправными менее вредит государству, нежели борьба между государством, которое говорит от имени господствующей народности, и этими национализмами, принимающими в таких случаях характер оперативных стремлений»¹².

Русификаторские усилия трех последних императоров отражали начавшийся процесс формирования русской нации, который протекал примерно по тем же канонам, что и аналогичные процессы в остальной ЦВЕ. Рост ксенофобии и этнической нетерпимости, судебные процессы по делам о «ритуальных» убийствах, даже погромы — все это на рубеже XIX—XX вв. было характерно не только для России, но и для других стран региона. Восточноевропейский этнонационализм отличался от национализма западноевропейского, гражданского. Последний признавал принадлежность к нации всех граждан данного государства, в то время как первый делал акцент на этническое происхождение, признавая права «полноценного» члена нации только за этнически «чистыми» особями. (В условиях ЦВЕ с

¹¹ Янов Александр. Патриотизм и национализм в России, 1825—1921. М.: Академкнига, 2002. С. 273.

¹² Погодин Алексей. К вопросу о национализме // Национализм. Poleмика, 1909—1917. М.: ДИК, 2000. С. 126—127.

ее этнической чересполосицей это было особенно странно, и тем не менее именно здесь этнонационализм достиг в 20—30-е гг. XX века своего апогея). Конечно, и Запад далеко не был свободен от ксенофобии и проявлений этнонационализма — достаточно вспомнить дело Дрейфуса во Франции, — однако вектор исторического развития в данном случае (за исключением Германии, где этнонационализм восторжествовал в своей крайней, нацистской форме) был направлен в сторону более мягкого гражданского национализма, в то время как на востоке Европы — в сторону национализма этнического¹³.

Известно, что одним из первых и наиболее влиятельных «идеологов» национализма был немецкий философ конца XVIII века Иоганн Готтфрид фон Гердер. Он «смотрел на мир как на большой сад, в котором народы напоминают растения, произрастающие в соответствии со специфическими и таинственными законами, установленными Богом... Язык и культура образуют внутреннюю гармонию народов, которые представляют собой нечто много большее, нежели простая сумма тех, кто к этим народам принадлежит, поскольку народ (Гердер не проводил строгого разграничения между понятиями «народ» и «нация» — Я.Ш.) является духовным сообществом людей, уникальным коллективом и отражением образа Божьего... Ни один народ не превосходит другие, но каждый отличается от остальных. Каждый индивидуум соединен судьбой со своим народом»¹⁴.

Достаточно умеренная теория Гердера была впоследствии, однако, «развита» позднейшими националистами как раз в духе не только отличия, но и превосходства их народа над остальными. За пределами Западной Европы подобная интерпретация гердеровских положений была во многом следствием сложившихся там к XIX веку политических реалий, когда формирующиеся нации — точнее, их интеллектуальные элиты, «изобретшие» соответствующие *imagined communities* на базе реально существующих национальных культур — столкнулись с конкретными пре-

¹³ Нетрудно понять, что основное различие между нациями (точнее, представлениями о нациях), в основе которых лежит тот или иной из указанных принципов, заключается в том, что в первом случае нация как «воображаемое сообщество» остается открытой для каждого, кто считает себя принадлежащим к ней, говорит на ее языке и (это даже не обязательно, хоть и желательно) обладает соответствующим гражданством; во втором же случае, даже обладая всеми указанными признаками (самоидентификация, гражданство, владение языком) человек не вправе рассчитывать на принадлежность к данной нации, если его предки — или по крайней мере их большинство — не являлись представителями соответствующего этноса.

¹⁴ Schulze Hagen. Stat a narod v evropskych dejinach. Praha: Lidove noviny, 2003. S. 148.

пятствиями на пути институционального оформления этих наций. Таки-ми препятствиями были или государственно-политическая раздробленность, унаследованная от прежних эпох (так случилось в Германии и Италии), или огромные наднациональные империи, чьи государственные традиции были объективно враждебны национализму подвластных им народов.

Пример немцев и итальянцев, добившихся во второй половине позапрошлого столетия исполнения своей национальной мечты и сформировавших единые Германию и Италию, не мог не подействовать воодушевляюще на национальные движения в ЦВЕ. Правда, объединение Германии и Италии произошло не под властью демократических институтов, как мечтали либеральные националисты, а под скипетром старых королевских династий — Гогенцоллернов и Савойя. Это стало переломным пунктом в истории европейского национализма: националистическая идеология, до сих пор носившая в большинстве регионов Старого Света либеральный, а то и революционный характер, была «перехвачена» старыми элитами и сдобрена консервативно-традиционалистскими представлениями. В императорской Германии быть немецким националистом после 1871 года уже не означало, как парой десятилетий ранее, быть бунтарем-буршем, мечтающим не только о национальном, но и о социальном освобождении. Теперь националист был одновременно *Kaisertreu* (верным императору), а стремление к радикальным социальным переменам стало характерной чертой иного политического лагеря — социалистического, сторонники которого отвергали национализм как «реакционную» идеологию. Только позднее, в 20-е годы XX века, опять-таки в Италии и Германии появились радикальные идеологии, примирившие доселе непримиримое — национализм и социализм. Используя такой политический «коктейль», носителям этих идеологий — итальянским фашистам и немецким нацистам — удалось не только завоевать власть в своих странах, но и развязать экспансионистскую войну невиданных масштабов.

***

Итак, в отличие от Западной Европы (и от Германии и Италии после формирования там единых государств) в ЦВЕ государство не могло быть хранителем национальной культуры и наиболее мощным инструментом укрепления нации, поскольку, как уже говорилось, государства вроде Австро-Венгрии, Османской империи и (до последней трети XIX в.) царской России были наднациональными и противостояли национализму.

Поэтому члены каждого из национальных *imagined communities*, возникших в рамках таких государств, должны были самоидентифицироваться, сознательно отделяя себя от остальных сограждан. А что могло быть более надежным способом такой самоидентификации, чем этническое происхождение и (в несколько меньшей степени) язык? Характерно, что в межвоенную эпоху ситуация изменилась, но отнюдь не так, как можно было бы предполагать. В новых национальных государствах ЦВЕ восторжествовал не гражданский национализм, а политика ассимиляции, направленная на превращение этнических меньшинств в «полноценных» членов титульных наций. «Правительства насаждали культуру титульных наций на всей территории соответствующих государств; по их представлениям, в противном случае все достижения <предшествующей> борьбы за национальную независимость могли обесцениться»¹⁵.

Радикализация националистических движений и их идеологий в ЦВЕ стала характерным признаком межвоенного периода. Практически в каждой стране региона возникли ультранационалистические партии и движения, получившие массовую поддержку. Советская и определенная часть западной историографии нередко обозначала эти политические силы как «фашистские», что не соответствует действительности. Спектр националистического радикализма в ЦВЕ (да и за ее пределами — в Германии, Италии, Испании, Франции) был более широк. Эта проблема — взаимоотношения между радикальным национализмом, фашизмом и консерватизмом/традиционализмом — не утратила актуальности по сей день, поэтому стоит остановиться на ней подробнее. Хотя бы для того, чтобы избежать в политических дискуссиях модного нынче злоупотребления понятием «фашизм».

Многие исследователи разделяют — на мой взгляд, не без оснований — традиционалистский авторитарный консерватизм (для удобства обозначим его аббревиатурой ТАК), популистский правый радикализм и фашизм (национал-социализм в такой классификации обычно считается радикальной формой последнего¹⁶).

«И правые радикалы, и авторитарные консерваторы подчеркивают свою приверженность принципам элитизма и сильного лидерства, используя в той или иной степени традиционалистское наследие. Авторитарные консерваторы предпочитают в

¹⁵ Rothschild Joseph. East Central Europe Between the Two World Wars. Seattle—L: University of Washington Press, 1998. P. 12.

¹⁶ Есть основания далеко не во всем соглашаться с таким подходом, но для удобства примем его в качестве рабочей гипотезы, тем более что различия между фашизмом и нацизмом непосредственно не касаются нашей основной темы.

наибольшей степени избегать новшеств при формировании правящей элиты <своих режимов>, в то время как правые радикалы готовы идти в этом отношении дальше — но не так далеко, как фашисты»¹⁷.

Но это не слишком четкое разграничение, видимо, требует пояснений.

ТАК опирается на традиционные для данной нации политические традиции и институты (монархию, армию, церковь), его идеология представляет собой смесь консервативно-охранительных и национал-патриотических идей и лозунгов. Для повышения собственной популярности и дополнительной мобилизации общества ТАК-режимы иногда поддерживают и даже сами формируют массовые полувоенные организации (испанская Фаланга, Фронт национального возрождения Румынии при Кароле II, «Глинковская гвардия» в Словакии в конце 30-х гг. и др.). Однако такие организации выполняют вспомогательную политическую роль, не превращаясь в ядро режима, как в случае с фашистскими диктатурами. Во главе ТАК-режимов чаще всего стоит правитель, легитимность которого традиционна, то есть монарх (уже упоминавшийся Кароль II в Румынии, Александр Карагеоргиевич в Югославии, Борис III в Болгарии и др.), или же автократ, демонстрирующий верность традиционным ценностям (генерал Франко в Испании, адмирал Хорти в Венгрии, маршал Пилсудский и его наследники в Польше). Характерно, что политическими противниками ТАК-режимов являются не только левые и либеральные силы, но и фашисты, и правые радикалы, воспринимаемые такими режимами как революционные и дестабилизирующие элементы. (Наиболее показателен в этом отношении кровавый конфликт в Румынии в конце 30-х гг. между «королевской диктатурой» Кароля II и праворадикальной организацией «Железная гвардия» К. Кодряну.)

Фашизм, идеология которого родилась из «скрещения» радикально-национализма и социализма, трудно четко отнести к правым или левым идеологиям в силу его «врожденной» эклектичности. В отличие от ТАК, фашизм не делает упор на традиции, скорее наоборот — все фашистские движения, особенно на начальной стадии, подчеркивают свою революционность¹⁸. Важную роль в фашистском мифе — не только на роди-

¹⁷ Payne Stanley G. A History of Fascism, 1914–1945. Madison (Wisc): University of Wisconsin Press, 1995. P. 17.

¹⁸ Впрочем, впоследствии и итальянский фашистский режим, и — в меньшей степени — режим Гитлера в Германии из соображений политической тактики тесно сотрудничали с традиционными общественными и государственными институтами, в первую очередь с армией и (в случае Италии) с монархией и католической церковью.

не этой идеологии, в Италии, но и за ее пределами — играл культ молодости, обновления и «пробуждения нации» (отсюда лозунг немецких нацистов Deutschland erwache! — «Германия, пробудись!»). Фашизм обещает нации покончить с упадком и безволием, которое в глазах фашистов олицетворяет либеральная демократия, и беспощадно бороться с «антинациональными» силами в лице социалистов и коммунистов. Согласно одному из многочисленных определений фашизма, он представляет собой «политическую идеологию, мифологическое ядро которой составляют различные варианты популистского ультра национализма, делающие упор на представлении об обновлении нации»¹⁹.

Фашизм — явление преимущественно городское, к его основным социальным опорам, как известно, относились городская мелкая буржуазия, интеллигенция, часть служащих и военных. Наоборот, в сельских районах, население которых ориентировано на традиционные консервативные ценности, фашизм не слишком преуспевал. Известно, что аграрный юг Италии относился в 20-е гг. к наименее «фашизированным» регионам страны, а немецкий национал-социализм хоть и зародился в столице Баварии Мюнхене, но еще в начале 30-х не пользовался большой популярностью среди баварских крестьян. Именно поэтому в странах ЦВЕ, отличавшихся в межвоенный период экономической отсталостью и упором на сельское хозяйство, «чисто» фашистские движения были редки и не слишком влиятельны, в отличие от праворадикальных и традиционалистских. Наиболее близки к фашизму оказались, пожалуй, венгерские «Скрещенные стрелы» и румынская «Железная гвардия» (которую все же стоит скорее относить к правым радикалам, нежели к «настоящим» фашистам). Характерно, что ни одному из праворадикальных или фашистских движений в регионе — за исключением «Скрещенных стрел» на короткое время в 1944–1945 гг. — не удалось прийти к власти в своих странах. ТАК-режимы с их опорой на традиционные элиты и консервативные ценности всегда оказывались сильнее, чем ультра националисты с их тоталитарными склонностями и революционным по духу коллективизмом.

Что же касается правых радикалов, то они находятся примерно на полпути между ТАК и фашизмом — с тенденцией к сближению, в зависимости от обстоятельств, с одним из этих политических полюсов. Правый радикализм обычно носит более «плебейский» характер, чем ТАК, в меньшей степени опирается на традиционные элиты и их идеологию, но в то же время не является столь откровенно антидемократическим и тоталитарным, как фашизм. Например, в Венгрии в начале 30-х гг. лидер правых

¹⁹ Griffin Roger. The Nature of Fascism. L.—N. Y.: Pinter, 1994. P. 26.

радикалов Дьюла Гёмбеш²⁰, став премьер-министром, вступил в политический союз с лидером тогдашнего ТАК-режима, регентом Венгрии адмиралом Хорти, преследуя не только левые силы, но и некоторые группировки пронацистской ориентации. В Австрии режим канцлера Энгельберта Дольфуса и его преемников (1932–1938 гг.) объединил консервативные (Христианско-социальная партия) и праворадикальные (милитаризованное движение Heimwehr) силы в рамках так называемого Ständestaat — «корпоративного государства». Его название и некоторые атрибуты позволили многим историкам не совсем точно именовать данный режим «австрофашистским», хотя точнее было бы все же относить его к праворадикальным. Этот режим последовательно боролся со своими противниками как слева (социал-демократы и коммунисты), так и справа (австрийские нацисты, убившие Дольфуса в 1934 году).

***

В отличие от других стран региона, Россия не пережила в эпоху между двумя мировыми войнами подъема радикального национализма. Причина этого ясна: победа в гражданской войне большевиков, на чьих знаменах были начертаны иные лозунги — интернационализма и пролетарской солидарности. Многие современные историки предполагают, что альтернативой леворадикальной диктатуре в России, так же как, скажем, в Венгрии или Финляндии, переживших свои гражданские войны, был — что вполне типично для ЦВЕ — консервативный традиционализм.

«Несмотря на некоторые... крайне правые тенденции, белогвардейские диктатуры прокладывали путь скорее для авторитарных консервативных режимов, чем для современных тотальных, гомогенных диктатур... Руководители белой контрреволюции в России были слишком людьми прошлого, чтобы суметь с помощью хорошо организованной национальной и социальной демагогии создать режим итальянского или немецкого типа»²¹.

Таким образом, если бы походы Колчака или Деникина закончились победой, то результатом, не исключено, стало бы возникновение в Рос-

²⁰ В русскоязычной историографии встречается также вариант написания этой фамилии «Гомбош».

²¹ Халас Иван. Диктатура белогвардейских генералов в период гражданской войны в России, 1917–1921 гг. // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 50–51. Подробнее см., например: Шамбаров Валерий. Белогвардейщина. М.: Эксмо-пресс, 2002.

сии вполне «стандартного» по меркам ЦВЕ 20–30-х гг. авторитарного националистического режима.

Однако, в отличие от Будапешта или Хельсинки, в Москве и Петрограде установилась не «белая», а «красная» власть. В связи с этим процессы формирования современных наций на территории бывшей царской империи приняли своеобразную форму — впрочем, не настолько своеобразную, чтобы полностью отделять их от аналогичных процессов в остальной ЦВЕ. Политика «коренизации», поддержки национальных языков и культур, проводившаяся советской властью в ряде республик СССР в 20-е — начале 30-х гг., свидетельствует о том, что процесс становления наций продолжался, и большевистское руководство стремилось направить этот процесс в удобное для него русло. В области национальной политики советская власть, однако, столкнулась с серьезным противоречием. С одной стороны, «право наций на самоопределение» изначально было составной частью ее программы; с другой стороны, воссоединив большую часть бывших владений Романовых, коммунисты приступили к созданию собственного имперского государства, для которого, как и для всякой империи, «самоопределение наций» было смерти подобно.

Впервые это противоречие проявилось еще в начале 20-х гг., вылившись в конфликт между Лениным и Сталиным по вопросу об «автономизации» советских республик, то есть об их возможном включении в состав РСФСР на правах автономий. Прекращение политики «коренизации» и волна репрессий против «буржуазных националистов» на Украине, в Белоруссии, Грузии и других республиках, поднявшаяся во второй половине 30-х, свидетельствовала о том, что сталинская имперская линия начинает преобладать — по мере того, как доктрина «мировой революции» становилась утопией даже в глазах самих советских вождей, а на смену ей пришло более реалистичное учение о «социализме в отдельно взятой стране»²². Однако окончательно отказаться от хотя бы показного интернационализма и продолжить русификаторскую политику последних Романовых ни Сталин (хотя в конце 40-х гг. он немало сделал для этого), ни тем более его преемники были все же не в состоянии.

В результате советская национальная политика оставалась в значительной степени попыткой одновременно усидеть на двух стульях. С одной стороны, имперские тенденции были налицо на протяжении всего послевоенного существования СССР (централизация политической системы,

²² Подробнее см., например: Шимов Ярослав. Беспокойный призрак империи. Заметки об имперском прошлом, постимперском настоящем и (возможном?) неоимперском будущем России // Логос. 2005. №1. С. 3–18.

доминирование русского — или по крайней мере славянских — этносов в правящей элите, набравшая обороты русификация системы образования в национальных республиках и т.д.). С другой стороны, сама федеративная структура Союза, сколь бы фиктивной она ни была, привела к образованию республиканских элит и соответствующих потенциальных центров власти. Союзный центр, конечно, принимал некоторые меры для того, чтобы эти элиты не были этнически однородными и не становились бы реальными политическими репрезентациями «титовых» народов союзных республик. Одной из таких мер было назначение «наместников» — вторых секретарей ЦК компартий союзных республик из числа русских или по крайней мере славян. Однако этот политический обычай лишь способствовал тому, что неславянские элиты республик острее чувствовали полуколониальный характер своих отношений с Москвой²³. Активизация республиканских элит была лишь делом времени: как только по тем или иным причинам железная хватка Кремля ослабла бы, реальные властные полномочия «перекочевали» бы на республиканский уровень, со всеми вытекающими для империи печальными последствиями. Это и случилось на рубеже 80–90-х гг.

Распад СССР поэтому значительно больше напоминал распад Австро-Венгрии, чем крах Российской империи: как и в случае с монархией Габсбургов, сказалось наличие внутренних границ, которые были мало значимы до тех пор, пока имперская власть была устойчива, но стали катализатором раскола, как только она ослабла. При этом в обоих случаях не сыграло особой роли даже то, что далеко не во всех провинциях обеих империй на момент распада существовали развитые и популярные националистические движения. Вот как описывал ситуацию на Украине в 1988 году канадский историк украинского происхождения Орест Субтельный:

«...Кажется, что большинство советских украинцев воспринимает советскую власть как легитимную и ассоциируют себя с ней. Из-за интенсивной пропаганды и монополии правительства на информацию они в лучшем случае лишь «что-то слышали» о страданиях, причиненных их народу этой властью в не слишком отдаленном прошлом... Многие советские украинцы гордятся мощью и престижем Советского Союза, важной частью которого они являются»²⁴.

²³ Недаром первым получившим широкую огласку массовым антиправительственным выступлением в союзных республиках стали волнения в Алма-Ате в конце 1986 г., поводом для которых послужило назначение главой ЦК КП Казахстана не казаха, а русского — Геннадия Колбина.

²⁴ Subtelny Orest. Ukraine: A History. Toronto (ON): University of Toronto Press, 1988. P. 53.

Усилия КПСС по созданию «новой исторической общности людей — советского народа» были отнюдь не настолько бессмысленными и безрезультатными, как принято считать. И в то же время всего лишь через три года после написания только что процитированных строк Украина стала самостоятельным национальным государством!

***

Чтобы понять, почему это произошло, вернемся на несколько десятилетий назад, в первые послевоенные годы, ознаменовавшиеся расширением советской сферы влияния на весь регион ЦВЕ. Это расширение и приход к власти в конце 40-х гг. лояльных Москве коммунистических режимов сопровождалось масштабными этническими чистками — выселением немецкого и отчасти венгерского меньшинств из Польши, Чехословакии и Югославии, а также из новообразованной Калининградской области СССР. В 1947 г. в результате так называемой операции «Висла» произошел и «обмен» польским и украинским населением между западными регионами Украины, оказавшимися в составе СССР, и юго-восточными областями Польши. В итоге Польша, Чехия, Западная Украина и некоторые другие регионы стали фактически моноэтническими. Этнические чистки в ЦВЕ, которые оправдывались тогдашними властями (в случае, когда речь шла о немецком населении) зверствами нацистов в годы войны, сопровождалась новым подъемом националистических настроений, который умело использовался местными коммунистическими партиями и правительствами в собственных интересах. Как заявлял лидер польских коммунистов Владислав Гомулка, «мы должны выбросить их (в данном случае речь шла о немецком населении Западной Польши — Я.Ш.), поскольку все государства строятся по национальному принципу, а не по принципу <автономных> национальностей!»²⁵.

Феномен *национал-коммунизма*, появившийся в ЦВЕ в послевоенные годы, не был чужд и самому Советскому Союзу. Вот, например, каковы были последствия советской политики в Литве, точнее, в Виленском крае, населенном до Второй мировой преимущественно белорусами, поляками и евреями, но подвергшемся в послевоенный период активной «литуанизации»:

«Старая шутка о том, что «Вильнюс литовский, но Литва — русская», больше не отражала действительности. Литва была

²⁵Цит. по: Snyder Timothy. The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven—L.: Yale University Press, 2003. P. 187.

советской, а это, особенно в Вильнюсе, означало нечто иное, чем быть русской. Мечты литовских <национал->романтиков XIX столетия и националистов начала XX века в советский период оказались реализованными... Советская власть позволила литовцам сохранить романтическое представление о том, что традиции и величие нации сохраняются до тех пор, пока живет ее язык... Кроме того, советское правление дало литовцам возможность свести к минимуму воспоминания о своих старых исторических связях с Польшей»²⁶.

Литва, пожалуй, была одним из наиболее ярких примеров того, как под властью коммунистов парадоксальным образом продолжалось формирование наций и даже националистических идеологий — в той мере, в какой они не противоречили геополитическим интересам СССР и «генеральной линии партии».

Последняя оговорка свидетельствует о том, что «нациеформирующий» потенциал национал-коммунистических режимов в советских республиках и странах соцлагеря все же был сильно ограничен. Тем более что далеко не везде дела обстояли так, как в Литве: например, в соседней Белоруссии русификация в 70–80-е гг. привела к тому, что городское население республики стало практически полностью русскоязычным, а национальному самосознанию белорусов был нанесен заметный ущерб. В самой России, фактической (хоть и негласной, и довольно специфической) метрополии советской империи, простор для национал-коммунизма был одновременно и большим, и меньшим, чем в других советских республиках или странах ЦВЕ. Большим — в силу доминирующего положения России, меньшим — поскольку подъем русского национализма вызвал бы рост межнациональной напряженности в СССР и поставил бы Кремль перед теми же проблемами, с которыми некогда столкнулись последние цари.

Тем не менее, «подспудно» русские националистические настроения довольно широко распространились не только и даже не столько в обществе, сколько среди определенной части партийно-советской элиты и творческой интеллигенции. В этих кругах (историк Николай Митрохин, занимавшийся этой проблемой, называет их «русской партией»²⁷) сам СССР трактовался как наследник Российской империи —

²⁶ Ibidem. P. 97–98.

²⁷ См.: Митрохин Николай. Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

«государства, созданного этническими русскими и для этнических русских. Согласно этому мифу, только этнические русские имеют право руководить этим государством в настоящее время, они должны составлять как минимум «квалифицированное большинство» во всех престижных сферах (управление, оборона, торговля, наука)... Миф о «русском государстве» безусловно противоречил не только историческим фактам, но и принципам существования Российской империи, в которой отношение к гражданам определялось в зависимости от их лояльности и вероисповедания. Однако к 1950-м годам мало кто помнил о полиэтничной элите и аппарате управления Российской империи, и молодые чиновники, да и интеллектуалы принимали на веру внушенные им в детском и подростковом возрасте тезисы сталинской пропаганды второй половины 1930-х — начала 1950-х годов, утверждавшей приоритет русского этнического фактора»²⁸.

Росту русских националистических настроений способствовала и специфика государственно-политического устройства СССР, в рамках которого Россия была единственной союзной республикой, не имевшей собственного партийного аппарата и его вершины — республиканского ЦК²⁹. В определенных кругах даже этот факт служил подтверждением «ущемления русских интересов».

Итак, в период «позднего» СССР (конец 60-х — 80-е гг.) у власти в большинстве советских республик и в зависимых от Советского Союза странах ЦВЕ оказались представители национал-коммунистической номенклатуры. Их появление было, с одной стороны, следствием продолжавшегося в регионе, несмотря на официальную интернационалистскую доктрину коммунизма, формирования современных наций. С другой стороны, национал-коммунизм свидетельствовал о незавершенности имперского строительства в СССР. В самой структуре этого государства, ставшей следствием «ленинской национальной политики», были заложены предпосылки его распада. Вдобавок горбачевские реформы позволили

²⁸ Митрохин Н. Этнонационалистическая мифология в советском партийно-государственном аппарате // Отечественные записки. 2002. №3. С. 298.

²⁹ Компартия РСФСР была создана в 1990 г., незадолго до распада СССР. Эта структура, объединившая наиболее консервативных представителей российских коммунистов, выступавших за сохранение и упрочение советского строя, парадоксальным образом способствовала дальнейшей «суверенизации» России и в каком-то смысле внесла свой вклад в дело распада Союза — пусть и явно против воли ее членов и организаторов.

«вырваться на волю» аутентичным национальным движениям. (Как многие хорошо помнят, в конце 80-х практически любое «неформальное» объединение в союзных республиках, вне зависимости от причин его возникновения и изначальной программы, быстро приходило к лозунгам национального возрождения и суверенитета.)

Другим результатом «перестройки» стало такое ослабление союзного центра, которое позволило республиканским национал-коммунистическим элитам перетянуть одеяло власти на себя и завладеть политической инициативой. Это произошло там, где некоммунистические силы, как националистические, так и либеральные, не были достаточно сильны для того, чтобы составить достойную конкуренцию быстро «перекрасившейся» номенклатуре. В странах, где ситуация оказалась иной, где традиции собственной государственности еще не были забыты (центральноевропейские страны и Балтия), политические изменения конца 80-х — начала 90-х привели не только к краху коммунистических режимов, но и к смене правящих элит. (Заметим в скобках, что именно этот факт представляется основной причиной неодинаковой глубины и результатов посткоммунистической трансформации в Центральной Европе и Балтии, с одной стороны, и в постсоветской Восточной Европе — с другой; впрочем, эта тема напрямую не связана с рассматриваемыми здесь проблемами.)

***

В посткоммунистический период ЦВЕ довольно быстро распалась на несколько субрегионов, каждый из которых пошел своим путем — как в том, что касается экономических и политических преобразований, так и с точки зрения специфики формирования современных наций. В бывшей Югославии, как известно, восторжествовал радикальный национализм, что привело не только к распаду этого государства, но и к серии кровавых и опустошительных войн на этнической почве. Только сейчас, через 10 лет после их окончания, ситуация в балканских странах понемногу стабилизируется.

В Центральной Европе, вопреки опасениям, высказывавшимся многими в начале 90-х, всплеска радикального национализма, сопоставимого с балканским, не произошло. Хотя и этот субрегион не был свободен от трений на национальной почве, которые привели, в частности, к распаду Чехословакии и конфликтам между «титовскими» этносами и русскоязычным меньшинством в странах Балтии, но в целом Центральной Европе удалось избежать кровавых этнических конфликтов. Мнение одного из современных исследователей о балтийских странах, на мой взгляд, справедливо и по отношению к Польше, Чехии или Венгрии:

«...Самое важное наследие межвоенного периода независимости³⁰ — не в том, что он создал ценности или социальные структуры, способствующие демократии и капитализму, а в том, что он сформировал балтийские национальные идентичности... как идентичности европейские. Этот опыт определил... стремление к независимости, проявившееся с самого начала «гласности» и неотделимое в балтийском сознании от идеи «возвращения в Европу»³¹.

Иными словами, центрально-европейские нации как «воображаемые сообщества» практически с самого начала периода трансформации представляли себя составной частью сообществ более широких — европейского и евроатлантического, и стремились к подтверждению этой своей идентичности путем присоединения к таким организациям, как НАТО и ЕС. Этой цели им удалось достигнуть, но «ценой» за нее стало принятие либерально-демократических стандартов и идеологии западных стран. Поскольку эти ценности противоречат идеологии радикального национализма, зачастую ставящей специфически интерпретируемые интересы нации выше гражданских прав и свобод, такой национализм оказался оттеснен на политическую и идеологическую обочину. (К сожалению, Латвии и Эстонии этот процесс коснулся в несколько меньшей степени — в противном случае для скандалов вокруг ущемления прав русскоязычного меньшинства и маршей легионеров СС просто не было бы причин.)

Можно сказать, что евроинтеграция нанесла смертельную рану радикальному национализму в Центральной Европе. И хотя некоторые национал-популистские силы еще пользуются определенной популярностью (например, «Лига польских семей» и движение «Самооборона» в Польше, партия «Великая Румыния», болгарское движение «Атака» и др.), однако не они определяют политический облик своих стран, ставших стандартными европейскими демократиями. Националистическая «триада» (ТАК, правый радикализм, фашизм), характерная для политического спектра ЦВЕ в межвоенное время, сейчас практически перестала существовать. Современные национал-популисты используют лишь элементы консервативно-традиционалистских и праворадикальных идеологий, оставаясь при этом «вписанными» в институциональные рамки либеральной де-

³⁰ В случае с Венгрией, Польшей и Чехией можно говорить о куда более древней традиции государственности.

³¹ Бейссингер Майкл. Объяснение балтийской исключительности: идеология реставрационизма и границы политического воображения. В сб.: Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Референдум, 2002. С. 304.

мократии и в большинстве случаев не подвергая сомнению (по крайней мере публично) сам демократический строй. Носители же откровенно фашистских взглядов и вовсе вытеснены в ЦВЕ на окраину политического спектра, где они смыкаются с откровенно криминальными элементами из числа скинхедов и им подобных. Проблемы центрально-европейских наций уже сложно отделить от проблем всей интегрирующейся Европы, связанных с балансом интересов национальных государств и общеевропейских институтов, формированием европейской идентичности и т.п.

Логика развития постсоветской Восточной Европы оказалась несколько иной. Народы стран этого субрегиона не обладали или почти не обладали опытом собственной государственности, пребывая большую часть своей истории в составе крупных многонациональных государственных образований — Речи Посполитой, Австро-Венгрии, Российской империи, Советского Союза... Возможно, именно поэтому первые годы независимости сопровождались здесь подъемом «романтического» этноязыкового национализма, когда полноценными гражданами фактически признавались лишь принадлежащие к титульному этносу (исключением была разве что Белоруссия, но и там этнонационалистические тенденции в начале 90-х все же проявлялись). Однако утверждение собственной «самости» на сугубо этническом фундаменте оказалось невозможным — хотя бы потому, что в каждой из перечисленных стран есть крупные этнические меньшинства, без компромисса с которыми нормальное существование государства нереально. Поэтому во второй половине 90-х начался постепенный переход от этноязыкового национализма в качестве идеологической основы политики восточноевропейских стран к *общегражданскому патриотизму*. Он предполагает объединение всех граждан, вне зависимости от этнической принадлежности, вокруг идеи национальной государственности на основе *общности судьбы, а не «крови и почвы»*.

Так, в Белоруссии президент Лукашенко, столь долго разыгрывавший карту интеграции с Россией, неожиданно стал главным гарантом белорусской независимости — не только из-за личного конфликта с Москвой, но и в силу объективных обстоятельств: структура и сознание белорусского общества за годы независимости стали настолько отличными от российских, что идея «аншлюса» утратила популярность среди белорусов, хотя никакой враждебности к России в белорусском обществе не появилось. На Украине чаша политических весов склонилась в пользу Виктора Ющенко именно за счет меньшинства населения центральных, южных и восточных регионов, отдавшего ему свои голоса. А это значит, что при всей остроте внутриукраинских противоречий идея общенационального и надэтнического единства пустила корни на украинской почве (кста-

ти, эту идею Ющенко активно озвучивал перед последним туром голосования в минувшем декабре, в то время как Виктор Янукович шел на выборы уже как чисто региональный кандидат).

Идея *общей судьбы*, лежащая в основе нового украинского, белорусского, молдавского и т.д. патриотизма, однако, не совпадает с аналогичной идеей, пропагандируемой на постсоветском пространстве Россией и пророссийскими силами. Странники лозунга «Навеки с Россией» делают упор на общее для стран региона, особенно славянских, историческое, культурное и психологическое наследие двух-трех веков пребывания в составе Российской империи и СССР. Для нероссиян же эта эпоха — лишь часть их истории, и «генеалогическую» линию Древняя Русь — Московия — Российская империя — СССР большинство из них, в отличие от русских, не воспринимает как «свою». Хотя бы потому, что на определенных этапах истории украинцы, белорусы, молдаване, как уже отмечалось, принадлежали к иным государственным образованиям, для которых (скажем, для Речи Посполитой), Россия была соперником, а затем и могильщиком. Весьма характерно, что, например, на официальном сайте президента Белоруссии приведено краткое изложение истории страны, в котором особо не ретушируются события тех времен, когда великороссы и белорусы оказывались по разные стороны геополитических баррикад, да и просто линий фронта³².

За годы постсоветской независимости в странах СНГ произошло переосмысление собственной истории, являющееся верным признаком процесса национального строительства. Вначале оно нередко сводилось к простой замене минусов на плюсы и наоборот: так, все, что было связано с Россией и СССР, преподносилось националистическими историками как чуждое и враждебное национальной культуре, традициям и государственности. Однако в последние годы подходы стали значительно более взвешенными, хоть проблем в этой области еще хватает³³. Итогом же исторических реминисценций становится дальнейшее осознание соответствующими обществами собственной «самости» и — порой — лучшее понимание многих современных политических процессов, протекающих в этих странах. Скажем, большая плюралистичность украинской политической системы по сравнению с российской может быть

³² Краткая история Беларуси до XVII века; Краткая история Беларуси от XVII века и до наших дней // Сайт президента Республики Беларусь (<http://president.gov.by/print/rus/map2/hist/ist2.html>; <http://president.gov.by/print/rus/map2/hist/ist3.html>).

³³ См., например: Портнов Андрей. Terra hostica. Образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года // Неприкосновенный запас. 2004. №4 (цит. по: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/port12-pr.html>).

«генетически» связана с традицией сословных и региональных вольностей — как казацких, так и лежавших в основе устройства Речи Посполитой. Это, похоже, начинают сознавать и «столпы» российской политологии и политтехнологий — например, Глеб Павловский, признающий: «У нас принято рассматривать постсоветские страны Евровостока как аналоги России, что неверно. Мы приписываем местным политическим процессам российский вес»³⁴.

Впрочем, прозападный характер происходящих в Восточной Европе изменений тоже не стоит преувеличивать. Как пишет украинский публицист, пламенный сторонник «оранжевой революции» Андрей Окара, «тут возникает главный вопрос — зачем Революция? Ведь если для того, чтобы сделать Украину частью глобальной «торговой» цивилизации, чтобы поудобнее распластаться под мировым гегемоном — США..., тогда избави Боже — не надо никакой революции!»³⁵.

Есть основания полагать, что подобные настроения на Украине и в других странах СНГ — далеко не редкость. Точно так же глубокая непопулярность прозападной оппозиции в Белоруссии или приход коммунистов к власти в Молдавии свидетельствуют о том, что в восточноевропейских обществах весьма сильны традиционалистские настроения и эти страны так же не готовы пользоваться стандартными рецептами западного либерализма, как и становятся фактическими провинциями путинской России.

Такая ситуация объективно способствует подъему национализма, но будет ли это «национализм общей судьбы», ранее названный нами национализмом гражданским, или же этнический «национализм крови и почвы», пока судить трудно. В настоящее время перевес на стороне первого, о чем свидетельствует невысокий уровень поддержки политических сил, выступающих с этнонационалистических позиций (УНА — УНСО на Украине, Народный фронт в Белоруссии, Христианско-демократическая партия в Молдавии и др.). Тем не менее, сложно делать определенные прогнозы в этом отношении, поскольку, помимо внутренних факторов, на дальнейшую эволюцию националистических идеологий и пропагандирующих их политических организаций окажут сильное влияние и факторы внешние. Это, во-первых, дальнейший характер европейской интеграции, которая после недавнего провала Конституции ЕС, несомненно,

³⁴ Глеб Павловский: «Мы проиграли не кому-нибудь, а революции» // VIP-Лента. Ru. 2004. 12 августа (<http://vip.lenta.ru/doc/2004/12/08/pavlovsky/>).

³⁵ Окара Андрей. Золотое сияние оранжевой революции, или как Архистратиг Михаил заступился за Украину // Украинская правда. 2004. 24 декабря.

примет в ближайшее время иные формы и направление, и во-вторых, политика России по отношению к своим ближайшим соседям. Ведь сегодняшняя Восточная Европа — это сообщество молодых политических наций, возникающее как геополитическая реальность — пограничье между западным миром, в который вернулись страны, и миром евроазиатским, воплощением которого является в представлении Европы Россия.

В самой же России процесс формирования современной нации, возможно, еще более далек от завершения, чем у ее ближайших соседей. Нынешняя российская власть по своей природе весьма эклектична. Она пытается использовать в своих интересах разнообразные, порой трудно сочетаемые дискурсы и идеологии — многовековую традицию российско-авторитаризма и этатизма, имперскую идеологию, символику и эстетику позднесоветского периода, в то же время не отказываясь (по крайней мере формально) от демократических идеалов начала 90-х гг. и модернизаторско-возрожденческой риторики. Все это, равно как и опора нынешней правящей элиты на силовые структуры и (отчасти) церковь, позволяет считать современный российский режим в значительной степени аналогом межвоенных авторитарно-традиционалистских режимов в ЦВЕ. Президент Путин находится в положении, схожем с ситуацией, в которой были в 20–30-е гг. минувшего века руководители польского, венгерского или румынского ТАК-режимов: позиционируя себя как выразитель «общенародных» интересов, опирающийся на исторический опыт и традиции своего государства, такой лидер пытается расширить пространство для политического маневра, постепенно ликвидируя оппозицию как слева (коммунисты, социалисты, либералы), так и справа (правые радикалы, фашисты⁷⁵). Некоторые методы, применяемые нынешними российскими властями, полностью тождественны действиям межвоенных ТАК-режимов в ЦВЕ — например, образование «карманных» политических

⁷⁵ В современной России, на наш взгляд, нет сколько-нибудь значимых политических сил, которые можно было бы обозначить как фашистские — несмотря на частое употребление этого термина в частной и публичной полемике. Отдельные носители фашистских или протофашистских взглядов, конечно, существуют и высказывают свои воззрения — причем, если судить по некоторым российским СМИ, возможностей для таких высказываний у них становится больше, — однако говорить об организованном фашизме в России, как мне кажется, преждевременно. Правые радикалы более «на виду», и по многим параметрам к этой категории могут быть отнесены представители таких «респектабельных» политических сил, как ЛДПР или партия «Родина». Однако идеологическую экспертизу современной российской политической сцены затрудняет «политтехнологичность» этой сцены, на которой многие субъекты, позиционирующие себя тем или иным образом, в действительности представляют собой фиктивно-«оппозиционные» проекты, созданные властями.

партий («Единая Россия» — ср. с партией BBWR в Польше Пилсудского или Фронтом национального возрождения Румынии при Кароле II) и молодежных организаций («Идущие вместе», «Наши»). Однако, в отличие от восточноевропейских правителей 20–30-х гг., режим Путина действует не в рамках сложившегося национального государства, а в стране, где формирование современной нации далеко не завершено.

За плечами у русского народа — многовековой опыт народа имперского, этнического и культурного ядра государств (Российской империи, СССР) которые не были национальными государствами русских, хотя русские, их язык и культура в этих государствах доминировали. Не является национальным государством и нынешняя Российская Федерация — хотя бы потому, что неясен ответ на вопрос: государством *какой нации* она должна быть? Если русской — то каково должно быть место в таком государстве его многочисленных этнических меньшинств? Если некой политической российской нации, созданной на манер американской, то есть сообщества в первую очередь политического, хоть и сформированного на базе определенной культуры, языка и государственно-правовой традиции, — то до создания такой *political nation* России еще очень далеко. Противоречие между этнонационализмом и национализмом гражданским и пути его разрешения — противоречие, которое на разных этапах их исторического пути вставало перед каждым народом Европы, в первую очередь ЦВЕ, — вероятно, будет одним из главных «сюжетов» российской общественно-политической жизни начала XXI в. И в этом смысле Россия, вне всякого сомнения, вполне европейская страна.

Ольга Тихомирова

Консервативный текст. Некоторые замечания

Современная российская политическая элита представляет собой достаточно пестрое явление. Пользуясь общепринятыми сравнениями, ее можно скорее определить как Ноев ковчег, чем как жестко структурированную систему корпораций, называемых «политическими партиями», которые и образуют хребет политической системы западных, так называемых старых демократий.

Приходится согласиться с политологами и социологами, которые говорят о весьма приблизительной классификации партий как консервативных, реакционных, либеральных, демократических и прочее, прочее. Не менее сложная задача стоит перед филологами, рискующими сегодня проводить научный анализ текстов того или иного политического сообщества — партий, общественных организаций, политических течений, политических индивидуумов.

В отличие от ситуации начала XX века, когда представители разнополюсных партий демонстрировали не только различия в выборе лексики, начиная с обращения (монархические, кадетские и прочие лояльные правящему режиму «господа» против большевистских «товарищей»), а в высокопарный, литературный, пахнущий духами язык их сиятельств из монархической партии никогда не проникали не то что идеи, но даже слова из социал-демократического языка «товарищей по революционной борьбе», нынешние политические соперники имеют много больше общего. Хотя отличия выражены все же более ярко, чем на Западе, где партии различной направленности представляют собой единый истеблишмент. В России политические оппоненты — все-таки враги. Поэтому различия в используемых языковых средствах у представителей различных политических течений манифестирующие.

Предметом исследования стал не обыденный язык, а тот, который используется для выполнения политических и идеологических задач. В этой статье меня интересует мотивация использования консервативной лексики партиями и отдельными деятелями, позиционирующими себя как консервативные. Мы отдаем себе отчет в многообразии трактовок консерватизма на российской политической сцене, но в этой статье рассмотрение будет ограничено преимущественно примерами консерва-

тивной речи, исходящей от «партии власти» — от «Нашего дома — России», «Единой России», президента Путина и нынешнего главы его администрации¹.

По утверждению Ю.Н. Караулова, «языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень ее изучения — выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе»². На втором уровне изучаются устойчивый комплекс коммуникативных черт, определяющих национально-культурную мотивированность речевого поведения.

Мы можем говорить о ценностно-смысловой иерархии понятий консервативного мировоззрения, то есть о чем говорит консерватор в своих текстах³. Следующий шаг — установить, как консерватор об этом говорит, как расставляет акценты, как подбирает слова.

Согласно Блакару,

«выбор выражений, осуществляемый отправителем сообщения, воздействует на понимание получателя, даже если отправитель старается «выражаться объективно», видно, что осуществляемый им выбор выражений структурирует и обуславливает представление, получаемое реципиентом. Эта присущая языку и пользующемуся языком человеку способность к структурированию и воздействию и есть как раз то, что мы имеем в виду, утверждая, что «язык есть инструмент социальной власти» ... Иными словами выразиться «нейтрально» оказывается невозможно. ... Произнеся одно-единственное слово, человек, как кажется, вынужден занять «позицию» и «осуществлять воздействие»⁴.

В данном исследовании мы не пытаемся составить лингвистический портрет российского консерватора, тем более что среди полити-

¹ Автор, таким образом, понимает консерватизм как приверженность к сохранению и осторожному развитию существующей системы. На наш взгляд, они скорее практические, чем идеологические консерваторы. Тех, кто понимает консерватизм иначе, от Дмитрия Рогозина до Максима Соколова и от Сергея Глазьева до Александра Дугина, автором не рассматривает. Очевидно, что язык идеологических консерваторов — не таков, как у практически-консервативной «партии власти» — прим. сост.

² Караулов Юрий. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 36.

³ Речь идет о программных текстах консерваторов.

⁴ Блакар Ролв Миккель. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск: Издательство Благовещенского гуманитарного колледжа им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 90–92.

ков в России сейчас нельзя выделить «чистых» консерваторов или «чистых» либералов. Каждый в большей или меньшей степени использует выгодные в текущий момент формулировки и идеологические принципы. Мы попытаемся выделить консервативную лексику и объяснить мотивацию ее использования представителями российского политического истеблишмента.

В качестве источников исследования выступают тексты политической рекламы и программные документы российских партий и движений⁵. В данном случае важно, что авторы этих текстов — политики, ведущие предвыборную борьбу. Их главная задача — понравиться избирателю, угадать, что хочет услышать адресат. Представители партий и движений пытаются убедить его, что могут решить проблемы народа, если будут избраны.

Консервативный текст прагматичен. Консерватор предпочитает говорить прямо и с выражением минимума эмоций. В таком тексте немного образов и метафор. Консерватор использует традиционные для русского политического дискурса метафорические модели. Это сферы строительства, дома, семьи, военная сфера. Таким образом, речь идет о традиционных продуктивных метафорических моделях, вызывающих у слушающего устоявшиеся ассоциации, что снижает количество оттенков.

В консервативном тексте практически нет неологизмов — они могут быть лишь окказиональными (например, в тексте В.С. Черномырдина — «Россия со временем должна стать еврочленом», «Я готов и буду объединяться. И со всеми. Нельзя, извините за выражение, все время в растопырку»). Зато, возможно присутствие значительного числа профессионализмов — особенно, если это обусловлено задачей текста.

Кроме того, консерватор не склонен к преувеличению. Он скорее скажет «большой», чем «гигантский», «маленький», чем «мизерный», и т.п.

Сравним два текста на одну тему⁶:

Б. Немцов — лидер фракции «Союз правых сил» в Государственной Думе РФ IV созыва:

«Еще одна тема, которая нас очень волнует — это Калининград. Это тема и политическая и военная. Я считаю, что и Калининград, и страна в целом стоят перед гигантской пробле-

⁵ Большинство цитируемых ниже текстов не публиковались, а распространялись как листовки и буклеты. В статье использованы материалы архива автора.

⁶ Оба текста были опубликованы в интернет-издании Vesti.ru 29 мая 2002 г.; в настоящее время недоступны.

мой. После вступления Польши и Литвы в Европейский союз миллион жителей Калининграда, российские граждане, окажутся в капкане ... И без решения на уровне НАТО, на уровне Европейского Союза мы встанем перед угрозой, что вообще можем потерять эту территорию».

М. Маргелов — председатель международного комитета Совета Федерации РФ:

«В отношениях между Россией и ЕС вопрос Калининграда является одним из самых острых. Европа не должна идти на нарушение международного права и основных принципов прав человека и запрещать гражданам России ездить на территорию России тогда, когда им этого хочется. Поэтому жесткая позиция Евросоюза, который требует ввести визовый режим для жителей Калининградской области, — не самая конструктивная позиция. Нужно искать какие-то взаимоприемлемые варианты...»

Первый текст резок — такие слова, как «капкан», «угроза», «вообще», «потерять», «гигантский», создают у слушающего образ действительно большой проблемы и надвигающейся беды. Во втором тексте оценки значительно смягчены — «один из самых острых», «нарушение международного права», «жесткая позиция», «не самая конструктивная позиция», «взаимоприемлемые варианты». Таким образом, перед слушающим уже другая картина — речь идет о споре, переговорах, но никому ничего не угрожает.

Концептуальный постулат консерватора — мир хорош, но мы, люди, несовершенны. Поэтому не надо менять мир — чтобы жить стало лучше, нужно правильно понять и принять установленные до нас законы, традиции, порядки, прошедшие испытание временем. Либералы же обещают все изменить, декларируя: ««Яблоко» — партия будущего, партия надежды, а не вчерашнего дня».

Впрочем, консерваторы-политики идут на определенные уступки: они не настаивают на том, что современный человек по-прежнему должен жить по скрижалям Моисеевым, ибо они лучшие. Поэтому консерваторы-политики соглашаются модифицировать порядок, приспособить его к сегодняшнему дню.

Кстати, важность исторически сложившегося порядка отражается еще и в желании консерваторов обращать внимание на историю своей партии, на то, что принципы отстаиваются «последовательно», на то, что про-

грамма сохраняется, на то, что есть преемственность. Партийные деятели ссылаются на исторические личности, обращаются к их примеру и опыту. Это могут быть Петр I, Александр II. В данном случае консерватора не волнует, что оба вышеназванных государя были великими реформаторами своего времени, зато для времени нынешнего они — исторически доказанные авторитеты, носители традиций.

Но нельзя сказать, что не бывает консерваторов-созидателей. Консерватор-созидатель появляется тогда, когда мир разрушен, или в нем нет порядка. Консерватор, как аутист, ненавидит перемены, анархию, бунт. Он тут же начинает строить себе мир с крепкими стенами, где все должно быть стабильно и проверено временем.

Отметим частотные слова и понятия в речи консерваторов: «**строить**» и его однокоренные. Чаще всего это слово употребляется в так называемой строительной метафоре. Например, «строительство великой России», «строительство сильной державы», «выстроить систему...», «в России по-прежнему отсутствует средний класс, способный цементировать общество».

Как мы уже отмечали выше, российский консерватор любит крепкие стены и покой, а потому ему свойственно милитаристское мировоззрение. Вот пример военной метафорической модели: «Политические конкуренты воспользовались ситуацией, **они пытаются отбить у нас избирателя**, мыслящего традиционалистски», — первый заместитель лидера фракции «Единая Россия» Валерий Богомолов в интервью РИА «Новости» (8 февраля 2005 г.).

Кроме того, в консервативном тексте всегда реализуется представление о поступательном движении. В связи с этим в речи консерваторов появляются такие слова, как «шаги», «шагнула», «движение», «приблизиться» и т.п.: «После обсуждения в Думе вопроса о вотуме недоверия, правительство заметно активизировалось и **конкретные положительные сдвиги** произошли уже за истекшие 10 дней», — Б. Грызлов в интервью ИТАР-ТАСС (18 февраля 2005 г.). Характерное противопоставление — консервативная *модернизация* и либеральная *реформа*.

В консервативном мире для каждой сферы есть свои правила: есть законы государства, есть законы морали. Дело государства — гарантировать их выполнение — «защищать права». Именно на основе этих систем строится мир и жизнь отдельной личности внутри государства. Либералы же полагают, что если закон попирает свободу человеческой личности, не совершившей никаких преступлений против другой личности, то это закон плох, его надо менять.

Еще одна составляющая консервативной системы ценностей — **иерархия**. Консерваторы, во-первых, выступают за строгую функциональную подчиненность в государственном устройстве. Отсюда — «крепкая властная вертикаль», представление о карьерной лестнице, о кропотливом ежедневном труде, направленном на получение благ, ибо только народ, занятый работой, чтит традиции. Пример: «главная социальная (читай политическая — *О. Т.*) цель НДР — обеспечить людей работой», «мы будем проводить политику создания новых рабочих мест»⁷.

Консерватор не любит неожиданности, отсюда и приверженность жесткому планированию при соблюдении все той же иерархии приоритетов в решении государственных проблем. «Низкое качество коммунального обслуживания в России и необоснованный рост тарифов ставят эту проблему в число первоочередных», — Б. Грызлов в том же интервью ИТАР-ТАСС.

И именно приверженность к иерархичности делает для консерваторов важным и значимым понятие **справедливости**. Справедливость понимается в точном соответствии с законом и иерархией. Ни о какой высшей справедливости в современном мире речь не идет. Во имя стабильности и справедливости консерватор готов встать даже на путь революционных перемен. Вот, например, предвыборный текст партии «Наш Дом — Россия»: «НДР обеспечит в течение первого года после победы на выборах создание нового ядра российского законодательства — справедливого и стабильного». Добавим, справедливость, как и другие слова, имеет разные оттенки значения. Справедливость в речи представителей народно-патриотических партий отражается в более широком контексте, как некий идол, поэтому часто выступает в формулах вроде классической «самодержавие, православие, народность». Сравните, примеры употребления слова «справедливость» в текстах КПРФ: «партия социальной справедливости», «стремление к воплощению высших идеалов истины, добра и справедливости», «проведение политических акций в поддержку справедливых требований трудовых коллективов, наемных работников и безработных»⁸.

Консерватор воспринимает человека как изначально испорченного, законы же позволяют людям уживаться вместе. Отсюда большая значимость понятия **морали** в сравнении с понятием души, так как традицион-

⁷ Цит. по предвыборной программе партии «Наш дом — Россия» (1999 г.).

⁸ Программа Коммунистической партии Российской Федерации // Официальный сайт КПРФ (<http://kprf.ru/party/program/>).

ная мораль зачастую обретает силу закона: «Сила народов России в высочайшей духовности (не душевности — *О. Т.*), нравственной чистоте и достоинстве, умении уважать друг друга»⁹.

От тех же представлений об изначальной порочности человека — черствость и замкнутость, которая проявляется и в политической сфере. Консерватор не может позволить себе панибратское общение со своими избирателями. Вот, например, приветствие Владимира Путина, которое он произнес на встрече со своими доверенными лицами: «Добрый день, уважаемые друзья!». Слово «уважаемые» указывает на дистанцию между тем, кто его произносит, и теми, кому адресовано приветствие. И в то же время связано с идеей **достоинства** избирателя.

Консерваторы провозглашают самостоятельность и замкнутость отдельного человека, отдельной семьи, отдельного сообщества, отдельной нации: «Для гражданина России важны моральные устои, которые он впервые обретает в семье. Именно они составляют стержень патриотизма. Это главное. Без этого России пришлось бы забыть и о национальном достоинстве и даже о национальном суверенитете»¹⁰. А основа сосуществования этих замкнутых на своем уровне объектов — непререкаемый свод законов, общий для всех.

Но при этом консерваторы в своих текстах практически никогда не играют на этнических разногласиях. Для них гораздо важнее слово **«народ»**, чем слово «нация» в значении «этническая группа». В случае употребления слова «нация» речь идет прежде всего о гражданах одной страны, а не о людях одной национальности. В этой связи интересен следующий пример: одной из своих задач политическая элита Украины провозгласила единство страны, и очень часто в качестве обозначения единства народа элита употребляет слово «хохлы». То есть ты можешь быть украинцем, русским или татаринцем, но если ты гражданин Украины — ты хохол. Здесь же уместно вспомнить и одно из любимых слов Б.Н. Ельцина — «россияне». Другие обращения консерваторов — «соотечественники», и более официальное — «граждане России». Примечательны в данном случае и названия консервативных российских партий и движений: «Наш дом — Россия», «Единая Россия», «Отечество», «Вся Россия». Но никогда консерватор не придумает название со словом «Родина». Это объясняется разницей в значениях слов «Отечество» и «Родина», а также их стилевой окраской.

⁹ Цит. по предвыборной программе партии «Отечество» (1999 г.).

¹⁰ Предвыборная листовка кандидата на пост Президента РФ В.В. Путина (2000 г.).

Отечество — страна, где человек родился и к гражданам которой он принадлежит; «любовь к отечеству», «защита своего отечества». Предполагает высокий стиль.

Родина — 1. отечество, родная страна; 2. место рождения, происхождение кого/чего-нибудь, возникновение от чего-нибудь. «Москва — его родина». Более близкое человеку, «родное» и поэтому более приземленное¹¹.

Также вряд ли войдет в лексикон консерваторов слово «Отчизна», стилистически более возвышенное и присущее скорее поэтическому языку.

Очень показательна разница в восприятии родины у консерваторов и так называемых национал-патриотов или коммунистов. Приведем несколько примеров из работы Алексея Плущера-Сарно. Как говорит В. Черномырдин, «Россия сегодня находится, по сути, на грани... срыва»; ей необходимо «отойти от пропасти». Иначе не «удержать страну от падения...» В свою очередь, согласно депутату от КПРФ Н. Харитонову, страна «в... страшных предсмертных судорогах корчится». Но при этом Н. Харитонов продолжает ждать спасителя, который вытащит ее из «развала и нищеты». Харитонов рисует образ раненого зверя, переставшего дышать: «...на восьмой год только Россия, как раненый зверь, зашаталась от этих безумных реформ, только на восьмой год мы почувствовали, что Россия дальше не может жить и не может дышать». Плущер-Сарно комментирует: «... в их выступлениях Россия — это женщина, стоящая на краю пропасти, нищая и одновременно ограбленная, изнасилованная и одновременно беременная, честная, но одновременно находящаяся на грани падения и при всем этом еще и умирающая от ломки наркоманка»¹². Стоит, однако, заметить, что консерваторы только предупреждают о катастрофе, тогда как национал-патриоты (в первую очередь с помощью лексических средств) убеждают общество в том, что беда уже наступила.

Так, глава администрации президента Дмитрий Медведев опасается, что Россия как единое государство может исчезнуть:

«Единство государства за последние годы удалось укрепить, но если расслабиться и отдаться на волю волн, последствия будут чудовищными, ... распад Союза может показаться утренником в детском саду по сравнению с государственным коллапсом в

¹¹ Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. М., 1997.

¹² Плущер-Сарно Алексей. Наивные политологические заметки // Первое сентября. 2001. №74.

современной России. И тогда плохо будет всем, в том числе, нашим ближним и дальним соседям... Именно такой сценарий может стать реальностью, если государство не сумеет консолидировать элиты — для сохранения эффективной государственности в пределах существующих границ»¹³.

Отметим, что тема развала страны давно функционирует как некое пугало для живущих в стране людей — они же избиратели.

У консерваторов нет представлений о чуде, прорыве, победе над чем-то, в отличие от либералов, которые говорят о «великом переломе/прорыве», «времени перелома» и «времени исторического выбора», добиваются «новой власти», призывают «покончить», «прекратить», а также «вместе победить» (при этом практически никогда не указывается, кого и как). Консерватор же для достижения результата должен работать: «Наша первая и самая главная проблема — ослабление воли. Потеря государственной воли и настойчивости в доведении начатых дел до конца. Пока, наконец, вступать в прямой контакт с проблемами». «Главная цель НДР — обеспечить людей работой». В данном случае очень показателем семантико-концептуальный выбор из цепочки синонимов: «работа» — «труд» — «действие». Либеральная партия «Яблоко» говорит не о «работе», что предполагает некий рутинный, ежедневный труд, а о «действии», которое предполагает достижение какой-либо цели: «Мы готовы действовать»¹⁴.

В этой связи интересна актуализация в консервативной риторике понятия ответственности, в частности и за свою работу. Многие политические партии в борьбе за голоса консервативных избирателей утверждают, что они «ответственные партии», обещают создать «ответственное государство», во главе которого будут стоять «ответственные руководители», что напрямую связано с такими консервативными ценностями, как «закон» и «порядок».

В ряду ключевых для консерваторов слов и понятий отметим довольно абстрактное понятие «доверия, веры»: «Мы вернем веру в Россию со стороны собственного народа и зарубежных инвесторов». Причем понятие веры не ассоциируется с религией, речь идет о доверии и, прежде всего, между людьми. Религия же для консерваторов — это часть моральных устоев общества. Такая вера (наряду с «консервативными»

¹³ Сохранить эффективное государство в существующих границах // Эксперт. 2005. 4 апреля.

¹⁴ Цит. по распространявшимся предвыборным документам партии «Наш дом — Россия» на выборах 1999 г.

законом и моралью) гарантирует, с точки зрения консервативной идеологии, стабильность.

Консерваторы часто используют в своих программных документах и выступлениях декларативные предложения. Общее их свойство — значение статичного лозунга, например, «Верю в Великую Россию!». В то время как либералы используют восклицание в первую очередь в значении призыва, побуждения к действию: «В новый век с новой властью!».

Остановимся на формулах обращения, используемых консерваторами. Выше мы отмечали употребление в обращении слова «уважаемый», которое, во-первых, демонстрирует некоторую дистанцию между говорящим и слушающим, а во-вторых, наделяет слушающего достоинством.

Использование консерваторами местоимения «мы» в обращении к слушающим, осуществляется с целью создания эффекта объединения себя с избирателями. Впрочем, аналогичные синтаксические приемы использует большинство участников избирательной кампании.

Обратимся теперь к языку наиболее близких к консервативной идеологии российских политических партий последнего десятилетия, как действующих, так сошедших с политической арены. В качестве материала для анализа были использованы программы партии и/или выступления ее руководителей.

«Единая Россия»

Сегодня на российской политической арене самой популярной консервативной партией является «Единая Россия». Выше мы обращали внимание на название партии, чрезвычайно характерное для консервативной идеологии. Главные ценности партии: «Свобода, Закон, Справедливость и Согласие» — важны для всех консерваторов. Сравните с ценностями партии «Яблоко» — «добро, любовь и нравственность»¹⁵, которые в общественной сфере отражаются принципами «народовластия, гражданских свобод и разделения властей». «Яблоко» много внимания в своей программе уделяет и такому абстрактному понятию, как «честность», которое совершенно отсутствует в консервативных программах.

Программа партии «Единая Россия» — «это ориентиры для практических дел, которые мы намерены выполнить во имя России»¹⁶; отметим,

¹⁵ Цит. по распространявшимся предвыборным документам партии «Яблоко» на выборах 2003 г.

¹⁶ Цит. по: Программа Всероссийской партии «Единость и Отечество» — Единая Россия // NewList.Ru. Политика (<http://newlist.ru/Detailed/2318.html>).

никакого прорыва, набор приоритетов, выстроенных в иерархическом порядке. Цель этих «дел» — сильная Россия: «Мы вместе должны сделать Россию единой, сильной», — эту цитату из выступления В. Путина партия поместила в качестве своего лозунга на партийном сайте¹⁷. Но что такое для партии Россия — страна или ее власть? Похоже, все-таки власть. Даже в довольно амбивалентной в этом отношении фразе программы «Мы хотим видеть Россию государством, в котором неукоснительно соблюдаются Конституция и обеспечивается правопорядок, действуют сильные и ответственные органы власти и правосудия, эффективный государственный аппарат» акценты отражают консервативное представление о верховенстве законов и, главное, о более значительной роли государства и власти в жизни общества, чем в представлениях либералов, которые ставят на первое место человека, а не государство.

«Наш дом — Россия»

Значительный вклад в распространение в России консервативной идеологии и распространение соответствующего языка внесла уже несуществующая партия «Наш дом — Россия». Ее деятели употребляли термин «государственник» как синоним «консерватору» и говорили о традиции, принципе непрерывности истории, преемственности как важных для консервативной идеологии понятиях. Ценности НДР — «свобода, развитие и традиции». В программе НДР обещала избирателям «сделать систему государственного управления эффективной и ответственной», «обеспечить людей работой», «сделать правительство сильным и устойчивым», «укрепить Федерацию». НДР разъясняла, что все эти меры направлены на то, чтобы Россия «шагнула в XXI век», то есть на модернизацию системы.

Лозунги одного из лидеров партии НДР Виктора Черномырдина — «Не навреди!», «Прояви здравый смысл!», «Используй все лучшее, что выработали россияне!» — типичные консервативные сентенции, синонимы которым можно найти в речи многих его коллег.

Обращаем внимание, что НДР провозгласила ряд принципов, к которым до нее не обращались другие консервативные партии России. Если о патриотизме, правах и свободах человека, диктатуре закона и ответственности власти говорили в своих программах почти все консерваторы, то НДР была оригинальна, когда обязалась «строить Россию» в том числе и на следующих консервативных принципах: «отказа от утопий», «компромисса», «исторической и духовной памяти».

¹⁷ Партия «Единая Россия» (<http://www.edinros.ru/>).

Речь В.В. Путина как пример консервативного текста

Рассмотрим обращение президента к жителям Чечни 17 марта 2003 г., накануне референдума по проекту Конституции республики: этот текст максимально приближен по своим задачам, а, следовательно, и по приемам, к разговорному тексту, он наименее бюрократичен¹⁹. Текст максимально использует слово «народ» и однокоренные: «Для народа Чечни это без преувеличения момент исторический. Ведь это первый *общенародный* референдум. И подготовленная самими чеченцами Конституция впервые вынесена на обсуждение и *всенародное* голосование». Всего же в тексте более десяти раз употребляется корень «народ», и помимо этого корня используются такие слова, как «люди», «жители»; гораздо реже употребляются слова «население», «граждане» — очевидно, они присущи скорее бюрократическому языку.

Главный образ всего текста — «борьба с разрухой» и построение порядка на основе конституции, благодаря которой появится «возможность избрать подлинно демократическую, опирающуюся на доверие людей власть» (см. выше о *доверии*). И этому пытаются помешать, но не говорится, кто именно: «...продолжаются провокации и теракты. Людей пытаются запугать».

В противоположность этим «неким силам» создается образ восстановления, строительства «мирного быта», «достойной человеческой жизни», причем создается он с помощью привычных словосочетаний, знакомых еще с советских времен (ср. тексты теленовостей 70-х годов): «во многих районах протянуты новые линии электропередач, восстанавливается газоснабжение. Работают больницы и школы, учатся студенты. Собирается хлеб». В связи с этим возникает образ федерального центра, который обо всех заботится одинаково, всем оказывает помощь — Большой брат думает о тебе: «Люди в Чечне — **как и во всей России** — должны иметь возможность нормально жить, отдыхать, лечиться, растить и учить своих детей». Заканчивается текст также консервативным образом: «народ Чечни берет собственную судьбу в свои руки» и «сделает правильный выбор».

Отметим, на протяжении всей речи Путин максимально сдержан. Даже наиболее эмоциональные образы, — которые должны представить жизнь в Чечне, ее прошлое, ужасы терактов, страх — воздействуют на слушающего не столь сильно, как это могло бы быть. Это касается и обраще-

ний: начального довольно холодного «Здравствуйте» и заключительного не менее дежурного «Благодарю вас за внимание».

Востребованность консервативного текста в современной России обусловлена, на наш взгляд, невероятной усталостью народа, чувством страха и апатией. Любой намек на то, что завтра будет хотя бы не хуже, идет ли речь о тарифах на газ, о войне в Чечне или о чем-либо еще, вселяет некоторые надежды. Консерватор говорит: состояние больного стабильно тяжелое, но стабильное же. В ситуации провала всех политических партий, обещавших новый, но бурный мир, консервативные тексты все успешнее играют роль тихой гавани. В среде весьма удачливых людей все чаще слышатся сентенции: «если выбирать, то в этой ситуации мне ближе «Единая Россия», ну не за фашистами же идти». Такова цена современного российского консерватизма.

¹⁹ Президент обратился к народу Чечни // Красная звезда. 2003. 18 марта.

Сведения об авторах

Амиров Анвар Хабибулович (р. 1959) — научный сотрудник и журналист, эксперт Информационно-аналитического центра «Панорама». Специалист по вопросам взаимодействия бизнес-структур и государственных органов управления. Автор ряда статей, опубликованных в научных изданиях и СМИ.

Верховский Александр Маркович (р. 1962) — директор Информационно-аналитического центра «СОВА». До 2002 года — вице-президент Центра «Панорама». Автор книг «Политическое православие» (М., 2003), «Государство против радикального национализма» (М., 2002), соавтор ряда книг, включая «Россия Путина. Пристрастный взгляд» (М., 2003), «Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России» (М., 2002), «Национал-патриоты, Церковь и Путин» (М., 2000), «Политическая ксенофобия» (М., 1999) и т.д., ряда научных публикаций в России и за рубежом.

Кожевникова Галина Владимировна (р. 1974) — историк, кандидат исторических наук. Специалист по истории российской государственности. Заместитель директора Информационно-аналитического центра «СОВА». Автор ряда публикаций по проблемам национализма и ксенофобии в современной России, включая «Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее» (М., 2004).

Ларюэль Марлен (р. 1972) — историк и политолог, доктор исторических наук, специалист по национализму и националистическим идеологиям в России и в Средней Азии. Автор монографии «Идеология евразийства» (М., 2004), монографий на французской языке о русских в Казахстане и об арийском мифе в России в XIX веке, ряда статей по различным идеологическим течениям современного русского национализма. Работает в Международном центре Вудро Вильсона в Вашингтоне.

Локшина Татьяна Иосифовна (р. 1973) — председатель Информационно-исследовательского центра «Демос» (гуманитарные проблемы в условиях конфликта, произвол в деятельности правоохранительных органов, применение международных стандартов в области прав человека). Один из составителей и авторов сборника «Чечня 2003. Политический процесс в Зазеркалье», автор серии репортажей о Чечне и других статей.

Исследователь Международной Хельсинкской Федерации по Северному Кавказу. До февраля 2004 г. — исполнительный директор Московской Хельсинкской группы и соредактор ее аналитических отчетов о правах человека в России.

Лукашевский Сергей Маркович (р. 1975) — директор Информационно-исследовательского центра «Демос». С 1991 по 1998 был сотрудником программы истории диссидентского движения Научно-информационного и просветительского Центра «Мемориал», с 1999 по 2004 — руководитель мониторинговых программ Московской Хельсинкской группы. Автор научных статей по истории по истории инакомыслия и возникновению независимых правозащитных ассоциаций в СССР, редактор и составитель ежегодных докладов МХГ о положении с правами человека.

Тихомирова Ольга Сергеевна (р. 1980) — закончила филологический факультет МГУ. Обозреватель телекомпании Рен-ТВ.

Шимов Ярослав Владимирович (р. 1973) — историк и журналист, кандидат исторических наук. Специалист по новой и новейшей истории стран Центральной и Восточной Европы. Автор монографии «Австро-Венгерская империя» (М., 2003), сборника статей и эссе «Перекресток: Центральная Европа на рубеже тысячелетий» (М., 2002), многочисленных публикаций в научных изданиях и СМИ России, Чехии, Белоруссии. С 1999 г. — сотрудник русской службы радио «Свобода». Живет и работает в Праге.

Для заметок
